

ОГОНЁК
№ 51 ДЕКАБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Строительство метрополитена в Киеве. Хорошо работает бригада проходчиков, где бригадиром В. Н. Опанасенко. Ее обязательство к XXI съезду КПСС — выполнять не менее 120% месячного задания. На снимке: бригада Опанасенко после окончания смены.

Фото Дм. Бальтерманца и Н. Козловского.

На первой странице обложки: Восьмиклассники Вася Кошелев и Рая Шишканова осваивают токарное дело. Учатся они в средней школе поселка Капотня, Ухтомского района, Московской области. Производственное обучение проходят в ремонтно-механическом цехе нефтеперерабатывающего завода.

Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: В мансийском селе Патрасуй. Молодые колхозницы сельхозартели имени Жданова Дуся Качанова и Ираида Кугина.

Фото И. Тункеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 51 (1644)

14 ДЕКАБРЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

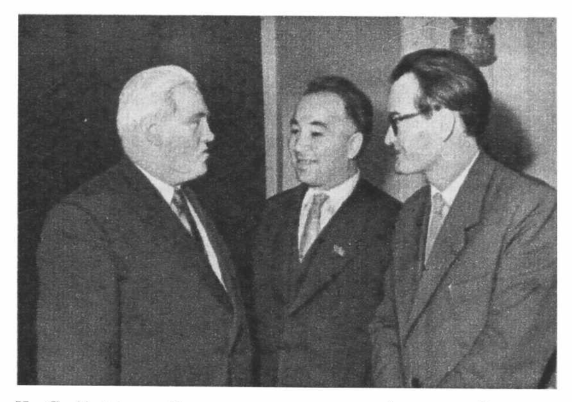
В Москве состоялся Учредительный съезд писателей Российской Федерации. Около 400 делегатов, представляющих 15 автономных республик, 33 края и области Федерации, по уполномочию 2 500 литераторов учредили Союз писателей РСФСР — крупнейшей республики страны.

Тепло встреченный делегатами и гостями съезда секретарь ЦК КПСС П. Н. Поспелов зачитал приветствие Бюро ЦК КПСС по РСФСР Первому учредительному съезду советских писателей РСФСР.

С докладом выступил председатель Оргкомитета Союза писателей РСФСР Л. С. Соболев.

Делегаты съезда обсудили насущные вопросы современной литературы, поделились творческим опытом, внесли много интересных, ценных предложений.

Участники съезда писателей возложили венки к Мавзолею В. И. Ленина и И. В. Сталина, а также к памятникам А. С. Пушкину, А. М. Горькому и В. В. Маяковскому.

Н. С. Тихонов беседует с поэтами Алимом Кешоковым (Кабардино-Балкария) и Г. Х. Кайтуковым (Северная Осетия).

Николай Грибачев и народный поэт Чувашии Петр Хузангай.

Валентин Овечкин и народный поэт Дагестана Расул Гамзатов.

В зале заседаний съезда. →

Фото Дм. Бальтерманца.

Темпы развития, которых не знала ни одна держава...

СИЛА СЧАСТЬЯ

Жан КАТАЛА,
французский журналист

«Наиболее смелая программа из всех когда-либо намечавшихся в Советском Союзе...», «Темпы развития, которых не знала ни одна крупная держава до сих пор...», «Никто не сможет принять вызов, брошенный русскими...», «Огромные абсолютные цифры...», «Решающий шаг к коммунизму...».

Ни одна из французских газет, откуда я беру наугад эти высказывания, не является ни коммунистическим органом, ни даже просто прогрессивным. Это пишут буржуазные газеты по поводу тезисов доклада Н. С. Хрущева о семилетнем плане развития Советской страны. Некоторые из них тесно связаны с верхушкой французского капитала. Эти газеты редко упускают случай задеть Советский Союз. Но семилетний план не дал им такого повода. Перед лицом этой программы, перед лицом этих цифр, им пришлось смириться с тем историческим фактом, что социализм дает максимум экономического роста в минимальные сроки.

Некоторые газеты идут дальше. «Монд», например, вынужден писать о «притягательной силе» цифр семилетнего плана. Газета указывает на возможную параллель между «непрерывным подъемом» в Советском Союзе и «спадом в американской экономике».

Все это, конечно, так. Но не лучше ли было бы посмотреть на самих себя и вместо фраз об Америке подумать немного о самой Франции?

СССР производит за один месяц столько же стали и нефти и за три дня столько же электроэнергии, сколько царская Россия производила за весь 1913 год. Через семь лет Советский Союз перегонит по главным отраслям промышленности Соединенные Штаты Америки. К этому времени промышленная продукция всех социалистических стран будет представлять больше половины мирового производства. Дети, родившиеся в 1958 году, придя в семилетнем возрасте в школу, с трудом смогут представить себе, что было время, когда кто-то еще сомневался в преимуществах социалистического способа производства.

Что же касается Франции... В 35 департаментах из 90 царит хроническая частичная безработица. Финансы страны вконец расстроены. Война в Алжире пожирает миллиарды франков и тысячи человеческих жизней. Она дискредитирует Францию в глазах свободолюбивых народов. Правительство не желает привести в подчинение взбунтовавшихся фашистских офицеров...

«Так проходит земная слава», — скажет, возможно, кто-нибудь, пытаясь приписать все роковой неизбежности. Но нет! Изучение истории продвинулось значительно вперед с тех пор, как в древние времена был начертан этот грустный афоризм. Если Советский Союз совершил гигантский экономический скачок вперед, а Франция не сумела его совершить, то это не потому, что здесь действуют какие-то мистические «законы», по которым одни страны почему-то идут вниз, а другие взлетают к апогею. Дело здесь в том, что Советский Союз, вставший 41 год назад на путь социализма, с неизбежностью пришел к этапу перехода к коммунизму. А мы так и не вышли из засасывающей трясины капитализма...

Что бросается в глаза при изучении цифр семилетнего плана? В 1965 году СССР будет производить больше стали, чугуна, нефти, газа, электроэнергии, химических продуктов; будет выпускать много больше шелковых и шерстяных тканей, искусственного волокна, обуви, мебели. Он будет производить больше продуктов сельского хозяйства на душу населения, чем самая крупная капиталистическая держава!

Семилетний план принесет изобилие стране. И в противоположность многим странам Запада в СССР будет обеспечена населению еще более широкая возможность пользоваться товарами. Советский человек сможет в 1965 году покупать их больше, потому что возрастет реальная заработная плата, увеличатся пособия. Советский гражданин сможет располагать бо́льшим временем для досуга, будет установлена самая короткая рабочая неделя в мире (30—35 часов). У советского гражданина будут несравненно лучшие квартирные условия: семилетний план определяет крупнейшие вложения в жилищное строительство. И все это делается не только параллельно с резким подъемом экономической мощи страны, но и как результат этого огромного роста.

Что видит сегодняшний француз? Его реальная заработная плата падает с каждым днем из-за дороговизны жизни, которая стала притчей во языцех для всей Европы. Французский рабочий знает только один вариант «уменьшения» рабочей недели — частичную или полную безработицу. Жилищный кризис, неизвестный в прошлом во Франции, стал одной из характерных черт сегодняшнего дня.

Рядовому французу семилетний план Советского Союза представляется чем-то почти сверхъестественным. И он не может не искать причин этого. И не может не прийти к тому простому заключению, что в этом «сверхъестественном» все абсолютно естественно.

«Золотой век», о котором говорят французские комментаторы в связи с тезисами Н. С. Хрущева, — это естественный результат социализма. Это жизненный итог политики Коммунистической партии Советского Союза, политики, корнями своими уходящей в героические дни Октября.

В отличие от капитализма, который преуспевает лишь за счет жертв трудящихся, экономическая мощь никогда не была самоцелью для страны социализма. Эта мощь является средством обеспечить счастье для всех.

Через пятнадцать лет СССР будет первой державой мира и жизненный уровень его населения будет самым высоким на земле. Мало этим восхищаться, этому надо учиться. Учиться всем тем, кто действительно стремится к величию и процветанию Франции.

Я очевидец великого

Я несколько лет жил в Москве и был здесь свидетелем многих событий огромного международного значения. Но к самым важным и самым поразительным относятся тезисы доклада Н. С. Хрущева о развитии народного хозяйства СССР на ближайшие семь лет.

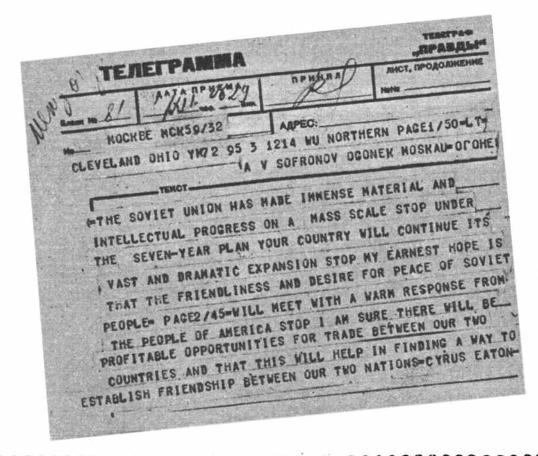
В результате упорного труда всего советского народа, после тяжелых испытаний, вызванных войной, достижение и превышение Советским Союзом экономического уровня ведущих капиталистических держав перестали быть делом будущего. Они стали заданием, которое определяется конкретными цифрами и годами. Приближается момент, когда лозунг «догнать и перегнать» можно будет передать капитализму, если, конечно, он возьмется за такое нереальное для своих дряхлых сил дело.

Минет семь лет, и производство стран социалистического лагеря превзойдет производство остального мира. Через следующие пять лет Советский Союз выдвинется на первое место в мире, оставив позади себя самую сильную крепость империализма — Соединенные Штаты Америки, — и в общем объеме производства и в производстве продукции на душу населения. Это означает, что при наличии самой короткой в мире рабочей недели каждый советский гражданин будет жить лучше, чем гражданин какого-либо другого государства.

Эти величественные перспективы вызывают в польском народе, который идет по тому же пути, что и Советский Союз, радость и гордость. Польский народ еще и еще раз убеждается в правильности пути строительства социализма. Продукция нашей промышленности увеличилась более чем в пять раз, и мы ставим теперь себе задачу повысить производство к 1965 году еще на 20 процентов. Пример Советского Союза подтверждает еще раз, что и наша страна придет к великим достижениям и оставит позади наиболее развитые страны Запада. Несомненно, что дальнейший рост экономики СССР поможет и в выполнении наших планов, для реализации которых очень важную роль играет помощь и опыт братской страны.

Только слепцы могут сомневаться в реальности планов, намеченных в тезисах Н. С. Хрущева. В последние годы я видел своими глазами, как воплощаются в жизнь грандиозные планы во всех областях общественной жизни. Я верю, что еще побываю в вашей стране тогда, когда сегодняшние планы станут фактом, и увижу вашу страну самой могучей, самой богатой в мире.

Анджей ЖОЛОНТКЕВСКИЙ,
польский журналист

ТЕЛЕГРАММА
ТЕЛЕГРАФ „ПРАВДЫ"
МОСКВЕ МСК59/32
CLEVELAND OHIO YM72 95 3 1214 WU NORTHERN PAGE1/50=LT=
A V SOFRONOV OGONEK MOSKAU=ОГОНЕ
=THE SOVIET UNION HAS MADE IMMENSE MATERIAL AND INTELLECTUAL PROGRESS ON A MASS SCALE STOP UNDER THE SEVEN-YEAR PLAN YOUR COUNTRY WILL CONTINUE ITS VAST AND DRAMATIC EXPANSION STOP MY EARNEST HOPE IS THAT THE FRIENDLINESS AND DESIRE FOR PEACE OF SOVIET PEOPLE= PAGE2/45=WILL MEET WITH A WARM RESPONSE FROM THE PEOPLE OF AMERICA STOP I AM SURE THERE WILL BE PROFITABLE OPPORTUNITIES FOR TRADE BETWEEN OUR TWO COUNTRIES AND THAT THIS WILL HELP IN FINDING A WAY TO ESTABLISH FRIENDSHIP BETWEEN OUR TWO NATIONS=CYRUS EATON=

Москва, «Огонек»

Советский Союз достиг материального и духовного прогресса в самых широких масштабах. На основе семилетнего плана ваша страна продолжит свое всестороннее внушительное развитие. Моя самая искренняя надежда заключается в том, что дружелюбие советского народа и его стремление к миру встретят горячий отклик у народа Америки.

Я уверен, что будут найдены новые выгодные возможности для советско-американской торговли и что это поможет найти путь для установления дружбы между обеими нациями.

Сайрус ИТОН,
американский промышленник и общественный деятель

Кливленд.
Огайо, США.

Знакомясь с тезисами доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС

НОВЫЕ МАШИНЫ НА ПОЛЯХ СТРАНЫ

Хотелось бы на страницах журнала «Огонек» прочесть о новых сельскохозяйственных машинах, которые будут выпущены нашей промышленностью в ближайшие семь лет. В частности, наших колхозников интересует, будут ли выпускаться картофелесортировки, которых до сих пор нет в производстве.

Н. ШАБУРОВ,
бригадир тракторно-полеводческой бригады колхоза имени Свердлова, Сысертского района, Свердловской области.

Вот что рассказал нашему корреспонденту Л. А. КОРБУТ, начальник Главного управления механизации и электрификации Министерства сельского хозяйства СССР.

Рассказу о новой сельскохозяйственной технике хотелось предпослать коротенький рассказ Горького о встрече крестьянина с первым комбайном. Было это в сентябре 1929 года. На полях зерносовхоза «Гигант» писатель познакомился с крестьянином, который три дня и три ночи шел пешком по донской степи, чтобы увидеть первый комбайн, показавшийся ему диковинным зверем. Впереди чудовища дрожал и фыркал железный медведь на колесах. То был трактор; его оседлал парень без усов, почти мальчишка...

Зная, что в ближайшее семилетие намечается произвести более 1 миллиона тракторов, около 400 тысяч зерновых комбайнов, много других сельскохозяйственных машин и оборудования, мы вспоминаем и о том времени, когда за год у нас выпускалось всего 104 комбайна. Это было начало большого победного пути!

Социалистическое сельское хозяйство достигло за минувшие годы высокого технического уровня. В каждый вспаханный гектар вложен труд не только колхозников, но и конструкторов, инженеров, сталеваров, кузнецов, токарей, электриков, создавших замечательную технику. И началось это в те сравнительно недалекие времена, о которых писал Горький. «Чему учит «Гигант»? — сказал писатель, приветствуя в те дни работников зерносовхоза.— Мне кажется, что это яркое свидетельство того, что рабочий класс действительно гигант, выдвинутый историей для решения невиданных задач».

Сельскохозяйственная техника в предстоящем семилетии будет развиваться таким образом, чтобы удовлетворить запросы колхозов и совхозов самых различных зон Советского Союза с учетом их климатических, почвенных и других особенностей. К сожалению, подобные особенности в должной мере учитывались не всегда. Один и тот же тип машины порой предлагался сельскому хозяйству всего Советского Союза. Это допустимо в маленькой стране, где природные условия приблизительно всюду одинаковые. При наших же просторах, при резком различии зональных условий ведения хозяйства такой шаблонный подход к созданию машин не годится. И вот в последние годы советские ученые, инженеры, конструкторы, наши талантливые практики проделали большую работу по созданию зональной системы машин.

В тезисах доклада товарища Н. С. Хрущева подробно говорится о техническом оснащении сельского хозяйства. И в миллионе тракторов, о которых идет речь в тезисах, мы видим необходимое количество крутосклонных тракторов, отвечающих требованиям горных районов страны, специальные тракторы, позволяющие освоить заболоченные земли, малогабаритные машины для обработки виноградников и садов, тракторы повышенной проходимости для районов избыточной увлажненности.

Главной отличительной чертой предстоящего семилетия будет невиданный ранее технический прогресс во всех отраслях социалистического хозяйства. В сельском хозяйстве появятся новые, качественно отличающиеся машины и механизмы. Возьмем, например, те же тракторы. На смену известным сейчас конструкциям пропашных тракторов придут самоходные шасси. Они специально созданы для работы с навесными машинами. По сути дела, шасси с установленными на них рабочими органами превращаются в самоходные машины со всеми вытекающими отсюда преимуществами.

Приведем еще один пример. Как известно, рабочий период зерновых комбайнов ограничен каким-нибудь месяцем в году. Остальную часть года двигатель и ходовой механизм бездействуют. А нельзя ли найти способ использовать эти механизмы на других работах? Советские ученые и конструкторы утвердительно отвечают на этот вопрос. Сейчас ведутся работы над созданием так называемых уборочных шасси, на которых можно смонтировать не только зерновой комбайн, но и машины для уборки силосных культур, кукурузы, сахарной свеклы, картофеля, а также пресс-подборщик для сена и транспортный кузов. В этом случае уборочные шасси можно будет использовать в течение длительного периода, начиная с сенокоса и кончая уборкой корнеклубнеплодов, а в остальное время — на транспортировке грузов.

В ближайшие годы предстоит проделать большую работу по созданию высокопроизводительных и надежных машин для уборки хлопка, сахарной свеклы и картофеля. Эти трудоемкие процессы пока механизированы слабо, и производство уборочных машин для технических культур приобретает особо важное значение.

Теперь о картофелесортировках. Уже сейчас имеются опытные образцы. В этой семилетке будет организован выпуск таких машин.

Ряд новых конструкций машин, появившихся в последнее время, получил всеобщее признание, их полюбили колхозники и механизаторы. К таким машинам относится, например, самоходный комбайн «СК-3». В нем сконцентрирован опыт сельскохозяйственной техники последнего десятилетия. По уровню технического оснащения он не уступает лучшим образцам мирового комбайностроения.

Хочется несколько слов сказать о навесных машинах, которые в семилетии получат самое широкое применение. Они имеют бесспорные преимущества перед прицепными. Эти машины производительнее, маневреннее и менее металлоемкие. Например, на каждой тысяче навесных трехкорпусных плугов страна экономит более 160 тонн металла. С массовым применением навесных машин отомрет профессия прицепщика, освободятся для других работ сотни тысяч технически грамотных и способных людей.

Широко будет внедряться в сельскохозяйственное производство комплексная механизация, найдет применение и автоматика, особенно в животноводстве, тепличном и парниковом хозяйствах, водоснабжении, ирригации. Уже не кажутся далекой и несбыточной мечтой свиноводческие фермы, где реле времени автоматически включает механизмы для раздачи кормов. Реально также автоматическое регулирование температурного, водного и воздушного режимов в парниках и теплицах. Большой интерес представляют автоматические устройства, управляющие рабочими режимами тракторных агрегатов, зерновых комбайнов и других машин.

В тезисах доклада товарища Н. С. Хрущева говорится о том, что труд работников сельского хозяйства все более становится разновидностью труда индустриального. Колхозная деревня ныне, как никогда раньше, богата кадрами механизаторов, овладевшими техникой. Они прекрасно знают свое дело, творчески ищут новые пути для успешного решения поставленной задачи повышения производительности труда, сокращения затрат труда и средств на производство единицы продукции. Особенно большие возможности для этого открылись после реорганизации МТС и продажи техники колхозам. Одним из проявлений такого творчества тружеников села является новая форма организации механизированных работ на возделывании кукурузы и других пропашных культур. Смысл ее заключается в том, что за двумя механизаторами закрепляется до 200 гектаров кукурузы и необходимый комплект тракторов и машин. Они выполняют на этой площади все работы, начиная от вспашки и кончая уборкой, и несут полную ответственность за получение высокого урожая. Это дает неограниченный простор для творческой инициативы людей, побуждает их непрерывно искать новые пути к снижению затрат труда. В этом отношении имеется много замечательных примеров. Тракторист Н. Ф. Мануковский (Воронежская область) вдвоем со своим напарником вырастил урожай кукурузы на площади 200 гектаров, снизив затраты труда в 7,5 раза. Механик В. А. Тюпко (Узбекская ССР) со своими товарищами вырастил в этом году урожай хлопчатника на площади 125 гектаров при затратах труда в 8 раз меньше обычных. Таких результатов теперь добиваются уже не одиночки, а десятки тысяч механизаторов.

Хочется в заключение сказать о сотрудничестве творцов сельскохозяйственной техники в странах социалистического лагеря. Объединенные общностью цели, инженеры, конструкторы, ученые делятся друг с другом опытом, участвуют в испытаниях машин, обмениваются некоторыми из них. Сейчас советские специалисты совместно с нашими друзьями из Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии готовятся к открытию международной передвижной выставки приборов, применяемых при научных исследованиях в сельском хозяйстве.

Самоходный комбайн «СК-3».

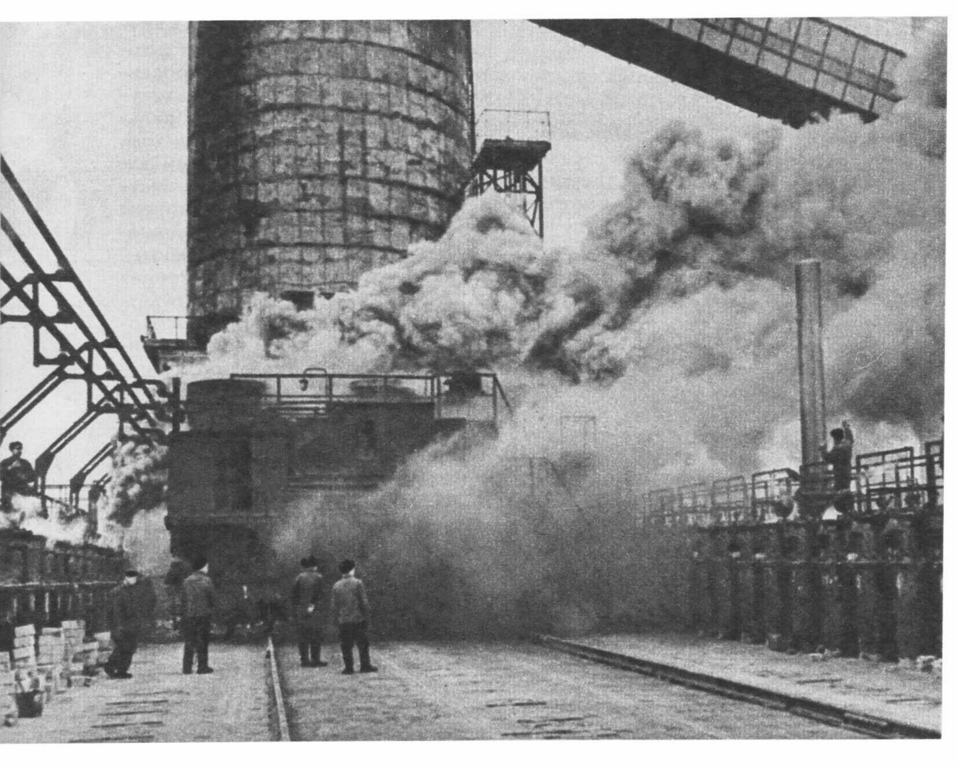

С огромным успехом прошел в Кремлевском театре концерт артистов Центрального экспериментального оперного театра Китайской Народной Республики. На концерте присутствовали товарищи А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, К. Е. Ворошилов, Н. Г. Игнатов, А. И. Кириченко, Ф. Р. Козлов, А. И. Микоян, Н. А. Мухитдинов, М. А. Суслов, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, П. Н. Поспелов, А. Н. Косыгин, Д. С. Полянский.

Руководители партии и правительства и многочисленные зрители тепло приветствовали артистов.

Фото Н. Кулешова.

Начала давать кокс для домен Череповецкого металлургического завода новая, четвертая по счету, коксовая батарея.

На снимке: загрузка печей четвертой коксовой батареи.

Фото Г. Удальцова (ТАСС).

Выставка книги, графики и плаката Казахстана открылась в Москве, в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. На выставке представлено около трех тысяч экспонатов.

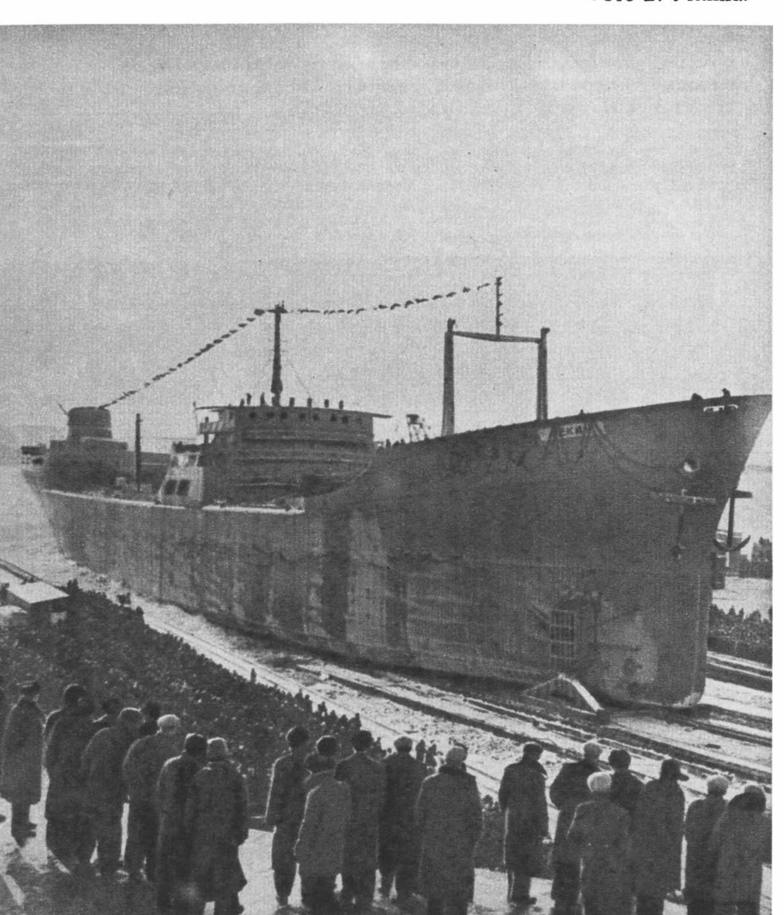
Фото Э. Евзерихина (ТАСС).

Стал к причальной стенке танкер «Пекин», досрочно спущенный на воду со стапелей Балтийского завода в Ленинграде. На плаву продолжается достройка танкера.

«Пекин», водоизмещением в 40 тысяч тонн,— головное судно в серии большегрузных танкеров, которые будут построены в предстоящем семилетии.

На снимке: танкер «Пекин» сходит со стапелей.

Фото Б. Уткина.

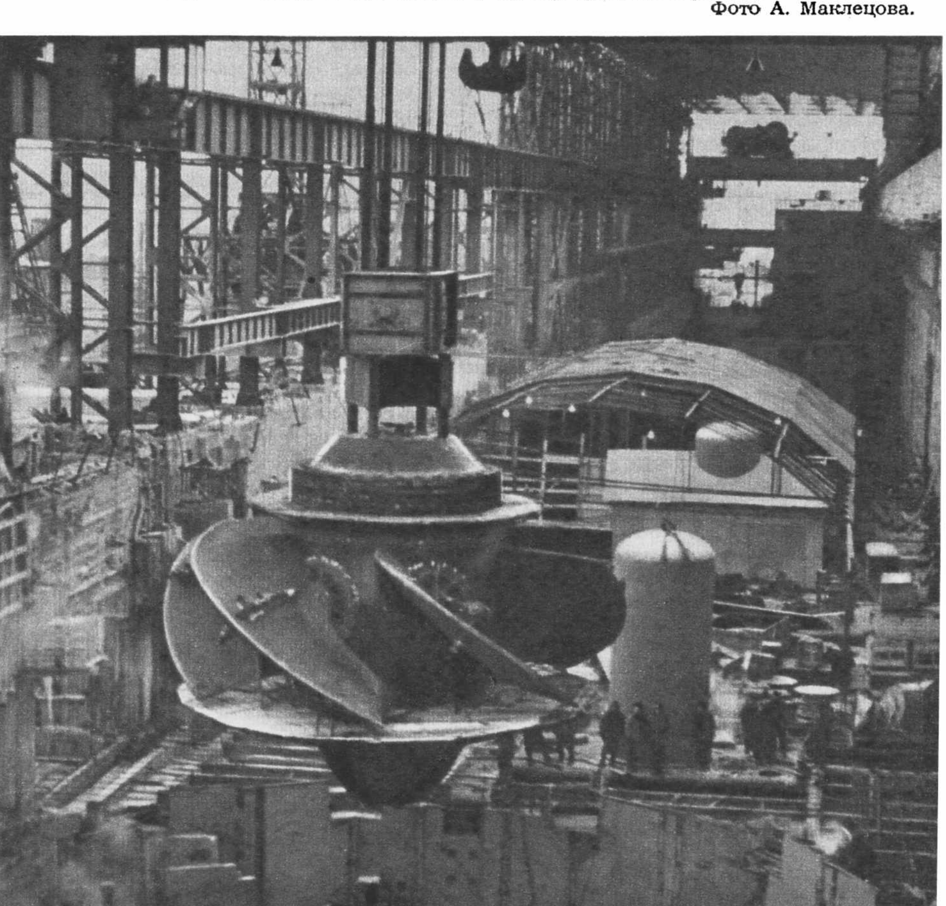

Пустить до нового года третью турбину Сталинградской ГЭС в подарок XXI съезду КПСС — так решили монтажники великой стройки.

Бригада Героя Социалистического Труда А. Тихашкова, первая на стройке начавшая соревноваться за почетное звание «Бригада коммунистического труда», закончила сборку и испытания рабочего кольца третьего пускового агрегата на 10 дней быстрее, чем это делалось прежде.

На снимке: установка рабочего колеса в кратер третьего агрегата.

Фото А. Маклецова.

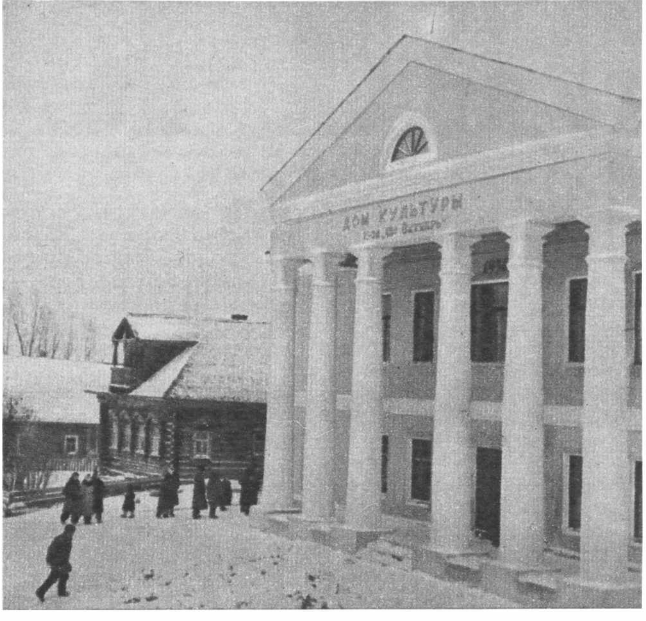

— Хорошие у нас новости,— рассказывает бригадир московской обувной фабрики имени Капранова Михаил Семенович Тютюник.— Бригада досрочно выполнила годовой план и работает уже по программе нового, 1959 года. Самая молодая в нашей бригаде, Валя Королева, недавно окончившая десятилетку и начавшая свой трудовой путь ученицей, теперь, овладев квалификацией, получила самостоятельную работу.

На снимке: М. С. Тютюник и Валя Королева.

Фото С. Фридлянда.

Каждый вечер собираются сюда, в свой новый Дом культуры, жители костромского села Саметь. Открытием клуба торжественно ознаменовалось 30-летие артели «Двенадцатый Октябрь».

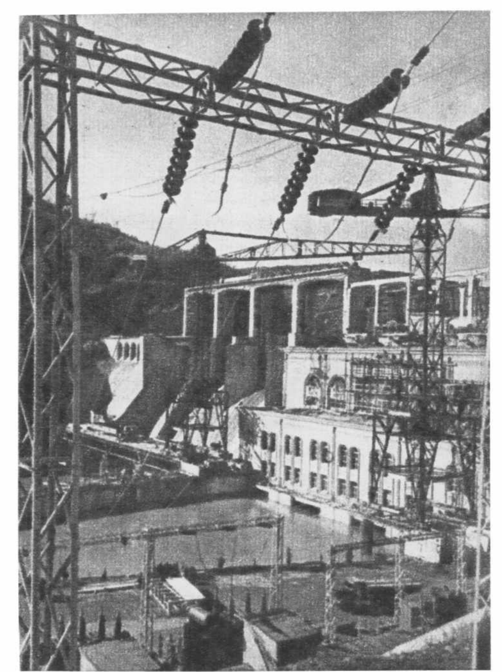
Фото И. Дынина.

70 мужчин и 10 женщин заняли места за 40 шахматными столиками. Это было на традиционном товарищеском матче команд Москвы и Ленинграда. В матче участвовали 11 гроссмейстеров, на первой доске играли В. Смыслов — Б. Спасский. Главным арбитром матча являлся чемпион мира М. Ботвинник.

Матч закончился вничью — 40 : 40.

Фото Р. Резнева.

Так выглядит новая Гуматская ГЭС № 1, расположенная недалеко от Кутаиси. На днях здесь пущен последний гидроагрегат.

Фото М. Квирикашвили.

Грузинская детвора тепло встретила гостей — делегатов Общества чехословацко-советской дружбы, посетивших Тбилиси.

На снимке (слева направо): журналист Антон Маркош, научный работник Ладислав Крешевской и сотрудник Министерства финансов Чехословакии Михаил Панцек среди ребят в кабинете домоводства Тбилисского Дворца пионеров.

Фото В. Джейранова.

В Москве проходил третий Всесоюзный пленум правления Союза композиторов СССР, посвященный творчеству молодых.

Каждый день москвичи слушают в концертных залах их произведения.

На снимке: дирижер оркестра Всесоюзного радио Ю. Силантьев (крайний справа) после концерта поздравляет с успехом композиторов (слева направо) Х. Юрисалу, В. Оякяра, Э. Колмановского.

Фото Р. Лихач.

В эти дни переполнен зрительный зал токийского театра, где выступает со своими спектаклями Московский Художественный театр имени М. Горького.

Зрители и театральная общественность восторженно встречают советских артистов.

На снимке: народная артистка СССР А. П. Зуева отвечает на приветствия актрисы Ясуе Ямамота — известной в Японии исполнительницы чеховских ролей.

Фото «Джапан пресс».

Ударили морозы, лед сковал Клязьму у Владимира. Зимой, так же как и летом и осенью, продолжается строительство нового железобетонного моста.

Рабочие мостопоезда № 411, применив новые методы, значительно ускорили сборку 50-тонных арок.

На снимке: электросварщик К. Г. Черных сваривает арматуру каркаса.

Фото Н. Акимова.

ВОТ ОНИ КАКИЕ!

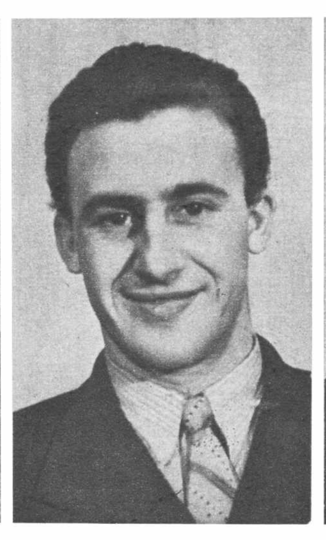
А. СТАРКОВ

Здесь
работает
комсомольско-молодежная
„Ударная
коммунистическая
бригада"
в составе:
Кривцов С. — технолог
Погонин А. — мастер
Сыч И. — сменный бригадир
Топчий О. — сменный бригадир
Маслов В. — формовщик
Логвиненко И. — " —
Шаповалова А. — " —
Хоменко И. — " —
Лупика Ф. — " —
Гопта В. — " —

Фото А. Гостева.

Станислав Кривцов.

Алексей Погонин.

Иван Сыч.

Олег Топчий.

...Когда мы повстречались, бригаде шел восьмой день. Вернее, родилась-то она на год раньше, но как «ударная коммунистическая» жила лишь вторую неделю. Тот памятный первый день — 17 ноября! — стал рубежом, новой ступенью в жизни этих хлопцев. Почему так? Разве восемь дней назад у каждого из них не было за плечами десятилетки? Разве неделю назад они не перевыполняли норм?

Начальник чугунолитейного цеха сказал мне:

— Ребята вроде те же, а вроде бы и какие-то другие. Что-то в них переменилось за эти дни. Повзрослели будто, посерьезнели...

Давайте познакомимся с «ударной коммунистической».

Вот Олег Топчий, бригадир. В сравнении с другими он уже «старичок»: 26 лет. Из них восемь в армии. Он пошел в армию шестнадцатилетним, «на смену отцу», как было написано в его рапорте, поданном в военкомат. Отец, воюя с первого дня войны, погиб на четвертый день после ее окончания, когда добивали под Веной остатки сопротивлявшихся фашистских войск... Восемь армейских лет протекли так: подготовительное военное училище, артиллерийское, корпусная батарея. Два года назад при объявленном Советским правительством численном сокращении армии лейтенант Топчий был уволен в запас. Гражданской профессии у него не было. В служащие он не собирался. В студенты? А в какой институт? В машиностроительный? В металлургический? Это было неясно, и запасник решил определить свой выбор, поработав на заводе. Но чтобы на завод — приобретай нужную заводу специальность! Вот так в Харьковском техническом училище № 6 среди недавних десятиклассников, среди юнцов появился, можно сказать, зрелый муж, человек в офицерском кителе, собиравшийся «взять ногу» в новом, совершенно необычном для него строю. И скоро он уже был правофланговым — сначала в училище, а потом и в цехе, на участке, — этот крепенький лобастый артиллерист, из которого получился преотличный литейщик...

Вот Володя Маслов. Тоже из военных. И тоже, между прочим, артиллерист. Но морской, командор сторожевого катера. Как и у Олега, был у него после демобилизации резкий поворот в жизни, и даже, пожалуй, более крутой, чем у Топчия. Он порывал с прежней своей профессией учителя, которую выбрал по совету отца, директора школы, и к которой вдруг не почувствовал в педучилище влечения. Но дотянул до выпуска, чтобы не огорчать родителя. И пошел в детский дом воспитателем. Старался, был на хорошем счету, получал благодарности. Но горения в душе не было — такого, как у отца, который весь отдавался любимому делу. А тлеть противно. Вот почему не вернулся он с флота в учителя. В ученики поступил. На завод. В литейный цех...

Маслов—единственный в бригаде женатый человек, или, как говорят украинцы, «одруженый», «семейна людына». Вдвоем живут за городом. Володе до завода два часа добираться, Рае — чуть поменьше: университет, исторический факультет которого она заканчивает, ближе к вокзалу, чем завод. Два в один конец, два в другой — четыре часа уходит у Маслова на дорогу. Иной бы взвыл. А он шутит: «Где бы я читал, где бы повышал свое образование, если не в поезде?» Он шутит, но ребята знают, как ему тяжело. Знают, что больше всех нуждается он в том доме, который они задумали построить коллективно.

Ваня Сыч, бойкий, языкастый хлопец, любит добродушно подтрунить над женатым Масловым, над семейной его «кабалой». Но разоблачим двадцатилетнего убежденного холостяка: он и сам среди первых кандидатов на «закабаление». Будущую его властительницу, с которой он дружит еще со школы, зовут Шурочкой, но Ваня величает ее не иначе, как Александрой Григорьевной. Нрав у Григорьевны, несмотря на молодость, довольно-таки твердый. По наблюдениям Олега Топчия, она сейчас уже «крепко держит в руках нашего Ванечку».

Не только бригадир знает о сердечных делах своих подчиненных, но и они в курсе таковых дел бригадира. Как-то я зашел на участок и не застал Олега. «Поехал Таню встречать», — сказали мне. Таня — невеста Олега, студентка сельскохозяйственного института в Днепропетровске, где проходил когда-то службу лейтенант Топчий. Он ждет, когда Таня окончит институт. Сейчас она проездом на практику решила побывать в Харькове... «Сердечную тайну» бригадира выдал мне Ваня Логвиненко, уже официально объявивший ребятам о скорой своей помолвке с пружинщицей Кларой из механического... Словом, чуть не вся бригада — женихи. Но, если говорить серьезно, очень мне понравились в этих хлопцах то благородство, та нежная чистота чувств, с которыми они относятся к своим подругам.

Вернемся к Ване Сычу. И упомянем рядом с ним Федю Лупику. Потому что всю жизнь они — рядом. Из соседних сел, между крайними хатами которых нет и километра, из одной школы, из параллельных классов... Вот уже, кажется, расстались, окончив школу: Ваня поехал сдавать в институт в Харьков, Федя — в Киев. И снова встретились. В одном техническом училище, в одной группе формовщиков. Конечно, друзья! И, конечно же, прячут истинные чувства друг к другу за внешней грубоватостью, за полушутливыми спорами по пустякам. Но в главном, в основных взглядах на жизнь у них, так сказать, общая платформа. У обоих было трудное детство, детство хлопчиков, родившихся за два года до войны, еще несмышленышами хвативших полную чашу горя, потерявших на войне батьков и знающих, что такое локоть соседа, что такое товарищество, выручающее в тяжкий час.

Ваня рассказывал мне, как позапрошлым летом ощутили они с матерью силу человеческого сочувствия, людской помощи. Сгорела их хата. Все сгорело, даже сарай со свиньями. Мать осталась в чем прибежала с поля, сын — в чем примчался с выпускных экзаменов в школе. Всем миром, всем колхозом помогали погорельцам в их страшной беде — деньгами, лесом, рабочей силой...

Дружба, товарищество... Не пустые это слова для Вани Сыча, для приятеля его Федора Лупики, для всех ребят из бригады. Закон жизни!

Иван Евменович Сыч и по возрасту и по рабочему стажу на целый год старше Ванюши Хоменко, которому — страшно даже сказать! — нет еще и восемнадцати. По праву старшего Иван Евменович опекает своего тихого, застенчивого тезку. Резкий, вспыльчивый Сыч — добрый человек. Недоглядел как-то Хоменко, выпала у него из опоки часть модели, земля рассыпалась. Большая это неприятность для формовщиков: заново надо набивать опоку. Ребята помрачнели. А Хоменко

стоит ужасно растерянный, побледневший. Сколько теперь возни из-за него! «Не горюй, Ваня, — раздается сочувственный голос Сыча, сменного бригадира, — завтра ще одна вывалиться...» Добрая шутка в трудную минуту — великое дело. Улыбнулись хлопцы. Улыбнулся опечаленный Хоменко, приободрился от веселого словца. Нет, завтра модель не вывалится...

К младшему поколению принадлежит и Толик Шаповалов. Маслов, бывший моряк, назвал его юнгой. Ловкого, гибкого, цепкого паренька и в самом деле легко представить взбирающимся на корабельную мачту... Как и Олег Топчий, как входящий в бригаду технолог Станислав Кривцов, и Ваня Сыч, и Федя Лупика, и Ваня Хоменко, рос Толик без отца, погибшего в войну. Подняться бы павшим солдатам из могил, подывыться бы батькам на сынов своих, побачить, как живут, трудятся, как стоят друг за друга...

Мать у Толика в деревне. Получил тут письмо: скучает, давно ли юный харьковчанин «ТЭ-1» появился на стальных магистралях страны? В 1947-м. Был он статен, красив, но еще не очень силен — только тысяча «лошадок» составляла его «упряжку». Но уже две тысячи «коней» подчинил себе «ТЭ-2», и четыре тысячи лошадиных сил работают на мощного «ТЭ-3». А есть уже и «ТЭ-7», хорошо знакомый пассажирам «Красной стрелы», есть и опытный, пока в единственном экземпляре, «ТЭ-10», который в шесть раз сильнее своего старшего брата, рожденного одиннадцать лет назад... Эра парового котла подходит на железных дорогах к концу. В прошлом году в нашей стране прекращен был выпуск паровозов. Дизель! Армия тепловозов вырастет за семилетку в два с половиной раза. Одному Харькову уже не справиться. Подключились Луганск, Коломна. Но головным, флагманом остается ХЗТМ.

А коль ты в флагманах — прокладывай путь идущим у тебя в кильватере! Харьковчане — разведчики в тепловозостроении. Ведь которым с годами выработанное «шестое чувство» помогает «видеть» металл сквозь стенки формы... А откуда же взяться этому свойству у Олега Топчия или Вани Сыча, пусть самых опытных в бригаде, но стаж которых едва-едва перевалил за год? Нехватку «шестого чувства» восполняют им десять классов образования. А они еще и в институтах будут учиться... Федя Лупика предложил технологам убрать масло из облицовочной смеси, которой обмазывают форму: масло горит и образует газ, разъедающий металл... «Шестое чувство»? Знание химии, законов горения!..

Подслушал я как-то песенку, которую тихонечко напевал, склонившись над опокой, Володя Гопта, практикант из технического училища:

> Наш тепловоз, вперед лети!
> В Коммуне — остановка.
> Иного нет у нас пути,—
> В руках у нас трамбовка.

Как видите, старая песня чуть все же тревожатся. Еще бы! Совершенно неожиданно для себя они оказались, что называется, на миру, на глазах у тысяч.

Это и в буквальном смысле так. Телевизионные камеры забрались в цех и показали работающих хлопцев харьковчанам, сумчанам, полтавчанам, белгородцам. В Липцах своих, сменившись с дежурства в больнице и включив телевизор, увидела Толика Шаповалова его мать. И услышала, как сынок, чумазый, веселый, помахивая инструментом, прокричал что-то кучерявому пареньку. То был Ваня Сыч, которого разглядывала из общежития придирчивая Александра Григорьевна. А пружинщица Клара увидела своего жениха «летящим» на пескомете... Потом телезрителям показали концерт, составленный по заявкам членов бригады.

Между прочим, собирая эти заявки, девушка из музыкального отдела телестудии попала в затруднительное положение. Володя Гопта назвал «танец маленьких лебедей». Музыкантша нервно пе-

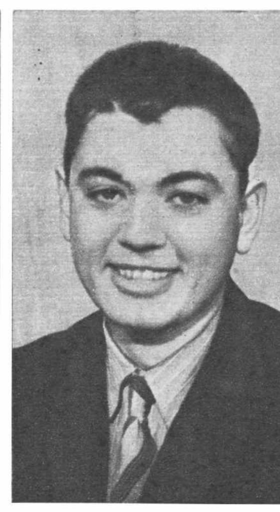

Владимир Маслов.

Иван Логвиненко.

Анатолий Шаповалов.

Иван Хоменко.

Федор Лупика.

Владимир Гопта.

не видела... Толик сказал ребятам: «В субботу поеду на воскресенье к матери...» А в субботу подвалила горячая работа. Бригада осталась на вторую смену. И Толик тоже. Надо ехать, но что поделаешь? Не покидать же товарищей, когда им туго! А товарищи не забыли, что Толику нужно к матери. Олег посмотрел на часы, сказал: «Юнга, марш до бани, опоздаешь на поезд!» Толик молчит, не отрывается от опоки, постукивает киянкой. «Опоздаешь», — повторяет бригадир. «Не опоздаю». «Нет, опоздаешь, — вмешивается Володя Маслов. — Я-то знаю расписание. Последний поезд к вам в шестнадцать пятнадцать...» «Ребята, я не поеду. Тут такое дело...» «Эх ты! — говорит с укоризной Маслов. — Тебя мать ждет... За кого же ты нас принимаешь? Разве мы тебе не товарищи? Разве не можем взять твою долю на себя? Не поедешь — и мать и нас обидишь...» И Толик отправился в цеховую баню, собираться в дорогу.

Вот мы и познакомились с хлопцами.

Но, кажется, еще не назван завод, на котором они работают: ХЗТМ. Харьковский завод транспортного машиностроения. Отчий дом советских тепловозов, этих славных работяг, оттесняющих паровые локомотивы. Давно лик список их технических находок. Я назову только литой коленчатый вал. Литой! Валы тепловозных двигателей всегда ковали. А знаете, какая это морока?! Брали стальную чушку в двенадцать тонн. Помыкавшись под молотами, она теряла половину своего веса, а в механических цехах с нее безжалостно сдирали еще пяток тонн. Это все равно что стругать да стругать корабельную сосну и выстругать в конце концов тросточку. Правда, в данном случае «тросточка» весит тонну, но одиннадцать все же ушло в отходы... Иначе с валами не получалось. Иначе могло бы быть лишь при литье. Тут потеря металла—с полтонны, не больше. Но у литья свои подводные камни. Когда куешь, все видишь. Литье — процесс почти полностью закрытый. В форму с металлом не заглянешь. А коленчатый вал — штука тонкая. Многие пробовали отливать. Раковины, брак... Упорней всех оказались харьковчане. Бились они несколько лет. И вырвали все-таки вал из-под молота!

Тут мы и возвращаемся к нашим хлопцам. Потому что они-то как раз и отливают валы. Верней, готовят для них формы. Ну, а форма в данной технической ситуации определяет содержание. Какова форма, таков и вал... Формовщиков всегда принято было считать немножечко кудесниками, обновлена. Вместо паровоза — тепловоз, вместо винтовки — трамбовка, пневматическая машинка, с помощью которой формовщик набивает опоку. Но и новый вариант песни уже устарел. Устарела пневмотрамбовка, не так уж давно бывшая технической новинкой. Нет ее в руках у Гопты. Шумит за его спиной пескомет, великолепная машина. Двумя хоботами, работающими шарнирно, она мигом набивает опоку землей, освободив от этой обязанности человека. У пескомета сложное электрическое хозяйство. У пульта управления Ваня Логвиненко, недавний деревенский житель. По утверждению мастера Алексея Погонина, служившего в авиации, пескомет в Ваниных руках «способен на самый высший пилотаж»... Так что эту машину надо вставлять теперь в песню вместо «трамбовки». Жаль только, что пескомет не рифмуется с «остановкой»!

Прежде — до 17 ноября — я не был знаком с этими хлопцами. И поэтому мне трудно судить, насколько прав начальник чугунолитейного, считающий, что они стали «какие-то другие». Но я видел их взволнованными и, пожалуй, даже встревоженными. Нет, они знают, что в декабре дадут, как обещали, 120 валов, в январе — 130, в июне — 140, в будущем декабре — 160. Они уверены в себе, и ребрала карточки в ящике, но «лебедят» не нашла. Не обнаружились и девушки из «Аскольдовой могилы», хор которых пожелал услышать Станислав Кривцов. «Был, но затерялся» полонез Огинского, любимый Федей Лупикой. Спасовала в общем-то фонотека телевизионной студии перед музыкальными требованиями ребят из чугунолитейного...

В явном смущении чувствовали себя хлопцы под натиском научной сотрудницы Исторического музея, строгой девицы в очках. Давно ли всей бригадой были они в том музее и молча стояли перед стендом с портретами Ивана Минаенко, комсомольца, заживо зарытого беляками в землю, Александра Зубарева, бесстрашного секретаря подпольного обкома комсомола, Ляли Убийвовк, легендарной партизанки!.. А теперь музею потребовался листок, на котором написали хлопцы свои коммунистические обязательства 17 ноября 1958 года. Нужны их портреты, автобиографии, личные планы на будущее. Смущены ребята, встревожены...

И моему сердцу близка их тревога. Они понимают, какую ношу приняли на себя, встав в один ряд с запевалами великого дела. В ответе они перед Будущим, перед Историей, которая — кажется им — глядит на них глазами строгой этой девушки из музея...

Есть в школе и свой «комбинат бытового обслуживания». Люба Зверева, «директор» этого комбината, за обычной работой. «Ботинки нужно чистить вот так»,— учит она малышей.

После пятого урока...

П. АНТОНОВ

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Цветы, цветы, цветы... Маленькие и большие горшочки на окнах, кадки на полу. Даже лестница заставлена цветами. Шестьсот тридцатая школа Москвы...

В коридоре, у кадки с фикусом, стояла женщина. Худые пальцы осторожно перебирали концы серого шерстяного платка, туго завязанного под подбородком. Шли уроки, и в коридоре было тихо, никто не мешал ее разговору с учителем. Она все перебирала пальцами платок, когда рассказывала свою историю.

Прядильщица... Работает на фабрике имени Калинина. Фабрика — вот она, в окне ее видно, рядом со школой. Квартира их здесь недалеко, за углом: две небольших комнатки и кухня.

Отец у Лени, Иван Николаевич, токарь-инструментальщик, умер четыре года назад. Они остались вдвоем с сыном. Сын учится в первой смене, в шестом классе. Третий, четвертый и пятый классы он окончил уже без отца. Сейчас она приходит домой в семь часов вечера, а сына нет дома. Ему надоедает сидеть одному в пустой квартире, и парень идет на улицу. В воскресенье тоже уходит с утра и пропадает весь день. В прошлое воскресенье она пошла на Даниловский рынок и неожиданно увидела там Леню. Взяла его за руку, привела домой и весь вечер проплакала. Нечего ему делать на рынке. И вот теперь она просит, чтобы Леню приняли в класс продленного дня.

Школа эта стоит в окружении фабрик и заводов Москворецкого района. Слева — фабрика имени Калинина, справа — имени Фрунзе. Недалеко — медеплавильный завод, завод имени Владимира Ильича и другие предприятия.

Директор шестьсот тридцатой школы Москворецкого района Афанасий Кириллович Киселев много лет ратовал за открытие классов продленного дня. Несколько лет подряд он организовывал такие классы; учителя добровольно оставались после занятий, чтобы заниматься с ребятами. Но официально открытие школы продленного дня состоялось лишь в этом году. И сразу же в дирекцию поступило огромное количество заявлений от родителей с просьбой о приеме детей.

Может быть, уже наступило время как-то осмыслить опыт этих необычных классов. Ведь многие родители, весь день занятые на производстве, хотят, чтобы их дети воспитывались в школе с утра до вечера. Как это делается?

...Прозвенел звонок. Уроки кончились. Ребята выбегают из класса. Толкотня в раздевалке, потом восторженные возгласы на улице, может быть, снежки и шествие по домам. Так бывает обычно. В школе на Варшавском шоссе дети после окончания занятий не бегут на улицу, а спускаются в столовую на нижний этаж. Обедают. Потом час прогулки на воздухе. После прогулки снова возвращаются в классы и с трех до пяти сидят за тетрадями и книжками: учат уроки. Потом игры, кружки, затем полдник, а в семь часов расходятся по домам.

Прямо скажем: в классах и в коридорах вовсе не так уж тихо. Буйная мальчишеская энергия, которая легко нашла бы себе выход на улице, здесь заключена в рамки известного распорядка. Но ей явно тесно в этих рамках. Поэтому и в классах при выполнении «домашних» заданий довольно шумно, и в коридорах нередко вспыхивают восторженные «битвы». Воспитателям то и дело надо прерывать работу, чтобы утихомиривать наиболее отчаянных.

Что же дало ребятам пребывание здесь в течение целого дня?

Заведующая учебной частью «школы-интерната с дневным пребыванием детей», как сейчас называют эту школу, Светлана Эдуардовна Картлина, женщина с немного грустными глазами, отвечает на этот вопрос не сразу.

— У нас собраны дети из одиннадцати школ Москворецкого района. Чаще всего это дети матерей-одиночек. Было подано девятьсот заявлений — в два раза больше, чем сумели принять.

Чем занимаются ребята, помимо подготовки уроков? Работает кружок лепки. Создан детский театр. Целый месяц ребята сами писали для себя пьесу. Сами они и актеры в этом театре, и оформители, и пиротехники, и костюмеры.

«Юнфильм» в школе — целое производство. Свои операторы, режиссеры, сценаристы. Скоро выходит первый фильм.

Клуб «Хочу все знать». Туристская секция. Провели уже несколько походов. Кружок автодела.

Есть в школе судомодельный кружок, его организовал клуб полярников. Московский планетарий был в гостях в школе четыре раза. Несколько раз приезжали в гости писатели, композиторы.

— Стало быть, воспитательная работа налажена? — спрашиваю.

И вот на этот вопрос ни один воспитатель школы не ответил утвердительно.

Воспитатель И. Гликман резко говорит:

— Нужна не такая воспитательная работа. Мы заставляем ребят смирно ходить по коридору и водим их в кружки. А надо бы сразу занять их делом. Производство — вот что необходимо, как воздух, нашей школе. Детское производство. С выпускаемой продукцией. Может быть, с зарплатой. И воспитывать нужно так, чтобы дети сами стали организаторами этого производства. По три часа ежедневной работы. И, вероятно, надо разгрузить детей от «домашних» заданий, во всяком случае, от устных. Надо перенести центр тяжести на классные занятия.

Инициатива создания школы продленного дня — замечательная инициатива. Вот здесь бы в первую очередь и использовать все возможности для ликвидации оторванности школы от жизни. Ведь основой воспитания тут обязательно должен быть труд. А вместо этого идут разговоры и нотации, и ребята строем ходят из класса в класс.

В школе намечено было открыть слесарно-механическую мастерскую, картонажно-переплетную и другие небольшие производства. Ни одна из этих мастерских пока не работает. Может быть, Москворецкому исполкому райсовета пора уже проверить, как выполнено его решение об организации производства в первой школе продленного дня? Ведь на ее опыте будут учиться многие другие!

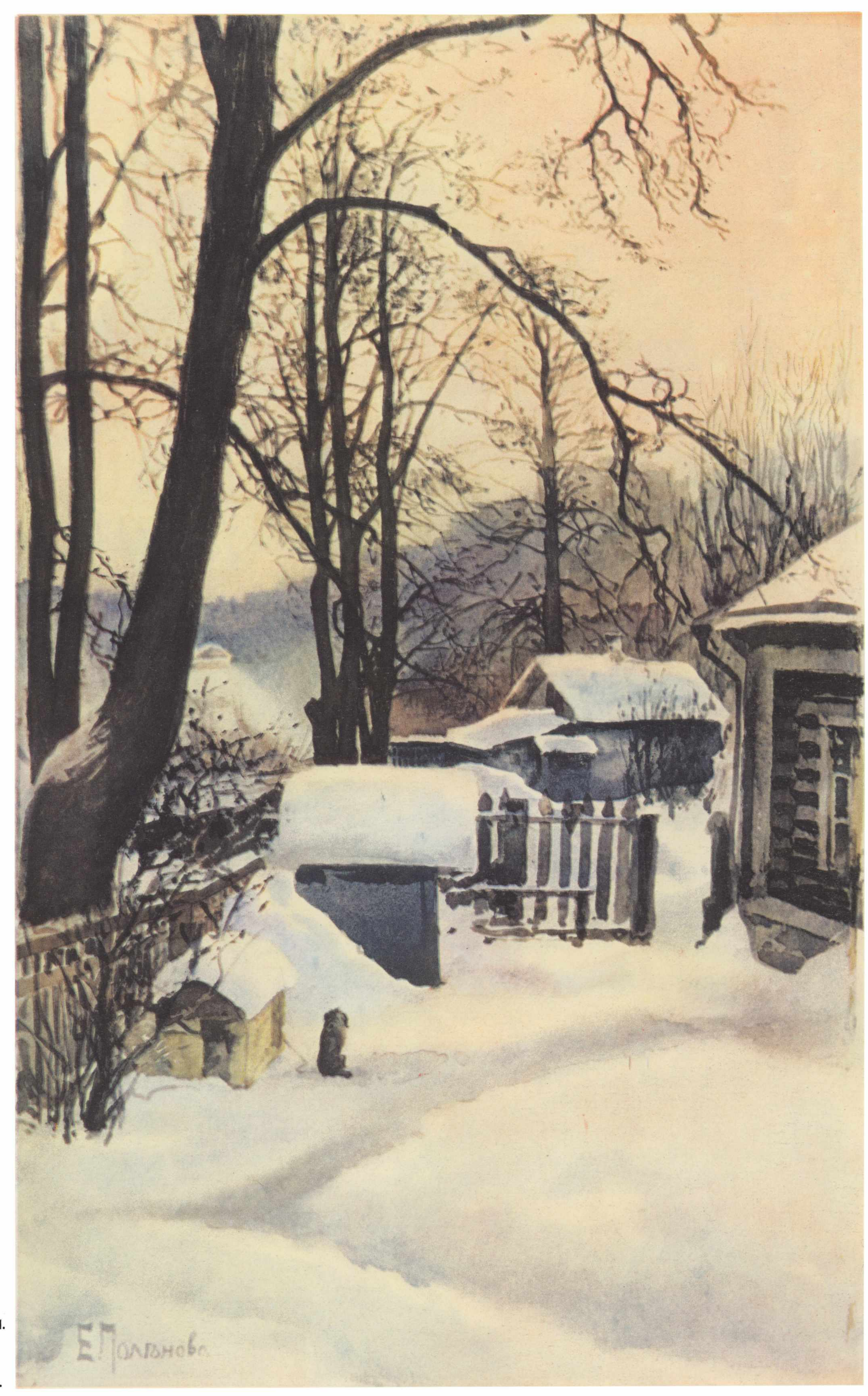
В шестом классе «В». После окончания уроков.

По секрету...

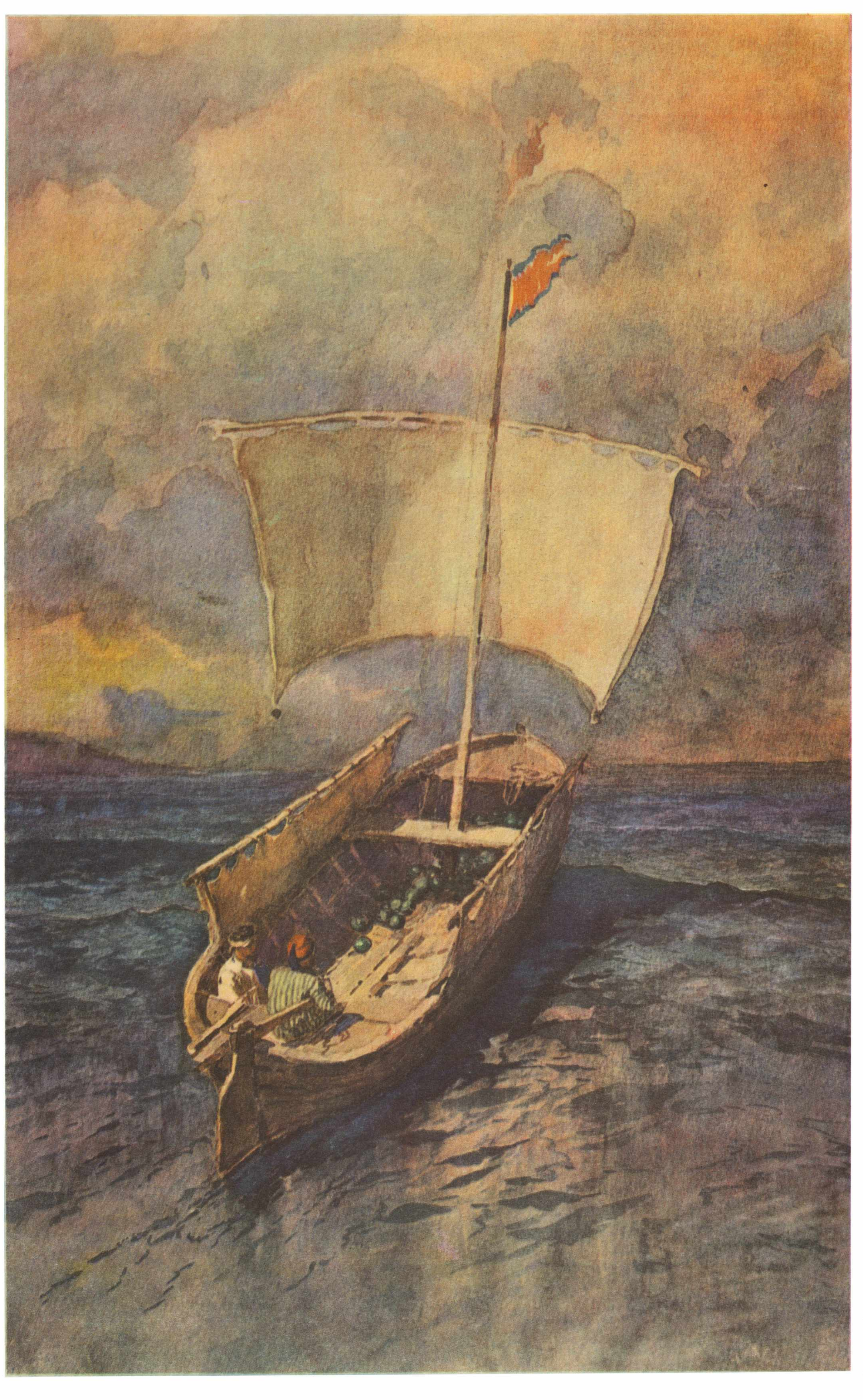
В школьной столовой.

Е. Д. Поленова
(1850—1898).
НА ДВОРЕ ЗИМОЙ.

Акварельный фонд Государственной Третьяковской галереи.

«Огонек».

Ф. А. Васильев

(1850—1873).

В ЛОДКЕ

У БЕРЕГОВ КРЫМА.

Акварельный фонд Государственной Третьяковской галереи.

Михаил ЖУРАВЛЕВ

* * *

И богат же Каспий рыбой!
Чешуя из серебра.
Пробуй рыбу, ешь на выбор —
лучше в мире нет добра!

Накормлю глаза досыта
ненаглядностью морской.
Словно золотом намытым,
берег высеян песком.

Дельта Волги! Хорошо в ней!
Крепь кабанья, зов лебяжий.
Линь пройдет, всплеснет
бершовник,
дым пахнёт ухой стерляжьей.

Ветра мягкая подушка,
кошмы теплых вечеров,
острогруда косоушка [1]
на причале у яров.

Перебранка птиц на Мумре [2],
водопой в тени ракит,
где, укрывшись в кроткий сумрак,
степь овечкой чуткой спит.

Поднимающийся месяц
тонкой, кованой серьгой
в черны косы понавесит
ночка смуглою рукой.

[1] Лодка.
[2] Рыболовецкая база.

* * *

Рассвет по-над Каспием
брезжит —
природа всплывает из мрака.
И ночь, уходя в зарубежье,
снимает закинутый якорь.

Заря на моем побережье —
сверкают холмы и пригорки!
Там окриком дали прорежет
гусак осторожный и зоркий.

Свежо. Беспредельно. Лучисто.
С припевами волжские песни
звенят по-девически чисто:
как будто идут на воскресник.

Моторных и парусных рыбниц [1]
не счесть караванов на море.

Матерых белуг, белорыбиц,
ловцы, соревнуясь в задоре,
забагривают и куканят.
И вот вам рыбацкое слово,
не видано было веками
такого артельного лова!

Работают, как говорится,
по совести и до мозолей,
и даже соли крупице
напрасно пропасть не позволят.

[1] Рыболовные суда.

БЛИНЫ

Рассказ

С. ЗАЛЫГИН

Рисунки **А. КАНЕВСКОГО.**

Блины горячие хорошо помакать в масло. Идут они и со сметанкой. И с вареньем из черной смородины. Идут блины под стопку, идут с утра, натощак, не упрямятся и в обед.

Лбов Тихон, главный бухгалтер и член правления колхоза «Сибиряк», вот уже сколько дней видел перед собой блин.

Не только видел — ощущал. Вдыхал запах блина — ароматный, густопшеничный. Никогда и нигде на земле не пахнет так пшеница, как в блинах. Чувствовал он блин и в своей большой когтистой руке — жаркий, будто полуденное солнце в июле месяце, мягкий и даже пушистый, как только что вылупившийся из яйца гусенок. На слух блин тоже давал о себе знать: снятый со сковородки, он долго еще вздыхал, но только уже не громко и не сердито, а тихо и ласково, как зажмурившийся кот перед сном.

Цвет у блина золотистый, тоже солнечный и совершенно съедобный. Все, что имеет такой золотистый цвет, все обязательно должно таять во рту.

На вкус... Ничего не скажешь о том, как ароматный, пшеничный, жаркий, пушистый, вздыхающий и золотистый блин идет под стопку. Ничего не скажешь, потому что нет таких слов, чтобы не только сказать — подумать словами об этом.

Если считать по-старому, шел великий пост, но Лбов Тихон, хотя и соблюдал Михайлов день, рождество, пасху, троицу, к великому посту относился без всякого сочувствия.

И если произошла задержка с блинами, так все из-за нового председателя. Новый председатель Пыжиков не давал машины, чтобы съездить в город на мельницу, намолоть настоящей, годной только под блины, крупчатки и еще — гречки к ней.

* * *

Точный счет председателям в колхозе «Сибиряк» велся до десятого колена — не дальше. В более отдаленных временах фигуры председателей как бы уже таяли, маячили, словно тени. Кто-нибудь, случалось, и вспоминал, что сразу после войны был такой председатель — Колупенков, но кого Колупенков сменил и кто сменил Колупенкова, уже никак нельзя было вспомнить. Даже терпеливое изучение архива правления не приоткрыло бы, наверно, этой исторической загадки.

Последним председателем, которого сменил Пыжиков, был Калистрат Калистратович Обменяйло-сын. За полгода руководства он превзошел всех своих предшественников, в том числе и Обменяйло Калистрата Калистратовича-отца. Превзошел он их всех по графе «кредит». В бухгалтерских книгах колхоза заключительная цифра этой графы достигла при нем шести знаков. Оставалось еще немного потрудиться Обменяйло-сыну, и все шесть восьмерок и девяток этой шестизначной цифры преобразились бы в пузатые нолики, и возглавила бы это шествие нолей седьмая значащая цифра — тощая единичка.

Но не пришлось Обменяйло Калистрату Калистратовичу довести начатое дело до конца, не пришлось отметить свой рекорд — миллион по долгам и убыткам: пришел Пыжиков.

С его приходом цифры в этой графе поползли вниз, вниз пошло и настроение бухгалтера Лбова, всех братьев Лбовых: родных — Тихона, Игната, Алексея, двоюродных — Федора, Прохора, Семена.

В Петровке, впрочем, уже давно не различали степеней родства между братьями Лбовыми, знали только, что главный среди них — Лбов Тихон, что живут братья по принципу «чем хуже — тем лучше». Чем хуже шли дела в колхозе, чем больше запутывался в долгах, сделках и попойках председатель, тем больше набирали силы Лбовы, особенно Лбов Тихон. Чем ниже падал трудодень, тем больше лбовской скотины паслось в колхозных посевах и меньше находилось охотников эту скотину выгонять: потрава, нет ли потравы — трудодень все равно ничего не давал...

И вот тут уж смело звучали речи братьев Лбовых на собраниях — критические, обличительные, миролюбивые, агитационные и хвалебные,— всегда направленные в свою пользу. Бухгалтер Лбов Тихон увереннее стучал в конторе костяшками счетов, а кладовщик Лбов Игнат — гирями весов, фуражир Лбов Прохор громче ругался с доярками, чтобы они не бузили, проворнее принимали корм для скота; завптицефермой Лбов Федор не только что днем — ночью, радея, проверял тогда теплые гнезда несушек; старший конюх Лбов Алексей чаще ездил в город на базар, и веселее звучал баян в руках Лбова Семена. Лбов Семен, самый младший из братьев, второй год отдыхал в Петровке после заключения, все присматривался, какая работа в колхозе придется ему по вкусу. Старшие братья ублажали Сему как могли.

Нового председателя Пыжикова братья Лбовы пригласили на крестины. Не пришел.

Приглашали потом на поминки, на свадьбу, на престольного Петра и Павла — в каждой неделе без труда находили братья Лбовы день, чтобы собраться за столом, пригласить гостя. Пыжиков не приходил. И на седьмое ноября тоже не был у них Пыжиков, и на Новый год не заглянул, и в восьмое марта не поздравил Лбовых жен и дочерей.

Тогда большинством голосов правление постановило продавать председателю продукты из кладовой по базарной цене. Цены эти назначал жене Пыжикова кладовщик Лбов Игнат... Расплачиваясь, вздыхала жена Пыжикова громко, деньги отсчитывала медленно и глядя в землю, но сам Пыжиков попрежнему говорил Лбову Тихону «спасибо», когда тот приглашал его зайти повечерять, и не приходил.

Потом пропало с новенького председательского «Москвича» зажигание. Лбов Тихон сочувствовал, возмущался народом, проживающим в Петровке, потом сказал доверительно, что есть у него знакомый человек, который не то что зажигание — полного «Москвича» и «ЗИМ» может в придачу представить в любой момент. Встретиться же с этим нужным человеком можно хоть сегодня, то ли на квартире у Лбова Игната, то ли у него, Тихона.

Не пришел Пыжиков повидаться с нужным человеком.

Потом отказал Лбов Прохор в квартире молоденькой агрономше. Помыкалась та и поселилась в одном доме с Пыжиковым. Через неделю в районе сделали Пыжикову замечание: зачем, дескать, ты, товарищ Пыжиков, эксплуатируешь чужой труд — используешь агронома как домашнюю работницу? Почему

она умывает твоих ребятишек из колхозной фляги? За это ли платит ей колхоз деньги?

Седьмого ноября на столе у братьев Лбовых дымила сытным паром зажаренная скотина двух колхозных дворов: ягушка, весенний приплод свиноматки, гуси, утки. Еще из головы и ножек теленка-годовичка было приготовлено холодное. Центнер сахара был переведен на брагу.

У Пыжикова тоже был праздник: была баранья ножка, купленная в кладовой у Лбова Игната по предпраздничной базарной цене, были гости: эксплуатируемая агрономша, еще двое — трое комсомольцев и две — три солдатки.

Пыжиков спел, сплясал, изобразил в лицах, как жена его покупала у Лбова Игната баранью ножку, сказал, что когда-нибудь жена поедет в солнечную Грузию, на берег Черного моря, отдыхать: заслужила.

Позже показывали Пыжикову в районе «сигналы»: сигналисты утверждали, что председатель спаивает молодежь, и агронома тоже спаивает, и зоотехника.

И вот уже не бывает больше приглашений председателю Пыжикову к столу братьев Лбовых, и по всему видно: не будет никогда.

Не будет потому, что запьянствовал на Михайлов день и прогулял неделю Лбов Прохор, фуражир. Большинством в семь голосов против четырех правление освободило Лбова Прохора от обязанностей фуражира.

Не будет приглашений Пыжикову к столу братьев Лбовых, потому что большинством в восемь голосов против трех правление колхоза перевело старшего конюха Лбова Алексея в рядовые конюхи: Лбов Алексей ссудил на время промартели в городе трех лошадей и одну телегу с колхозной конюшни.

Уже совсем незадолго до октябрьских праздников в колхозе обнаружена была крупная приписка по молоку.

Зачастили в колхоз комиссии. Районная газета сообщала о вопиющем факте. Девушка-секретарь в приемной председателя райисполкома перестала здороваться с Пыжиковым.

Ночь накануне того дня, когда Пыжикову предложено было явиться в райком, провел он, не смыкая глаз, в конторе. Ворошил бухгалтерские книги, листы учета надоев, ведомости начисления трудодней дояркам молочной фермы, квитанции маслозавода на сданную продукцию.

Считал на маленькой карманной логарифмической линейке и на огромных канцелярских счетах.

Часов в пять утра Пыжиков вскочил на ноги, закурил, забегал от дверей к темному окну, от окна к дверям. На линейке вышло: приписки нет и быть не может — было это видно по денежной сумме, полученной за молоко. По бухгалтерским точным книгам получалось наоборот: приписка есть. Еще получалось по этим книгам, что как раз за неделю до тридцать восьмой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции коммунист Пыжиков станет беспартийным, получалось, что Пыжиков — жулик, что место ему на скамье подсудимых, что немало слез еще прольет жена Пыжикова, немало проведет она бессонных ночей.

Часов в семь утра в конторе появилась тетя Фенья, уборщица. Молча она подметала пол веником из полыни. Полынный запах показался Пыжикову особенно горьким. Сердито он сказал тете Фенье:

— Обождала бы с уборкой...

Тетя Фенья в ответ подняла пыль еще круче, принялась ворчать, что порядка в конторе никогда не будет, ежели не только днем — всю ночь в помещении курят. Потом сказала:

— Все ищешь? Ищешь все... Нет, чтобы поглядеть, каким таким манером нетели рекорды по молоку ставят...

Вот где была ошибка: двенадцать нетелей по акту председателя ревизионной комиссии Лбова Прохора были записаны дойными коровами, одни за три месяца, а другие и за полгода до первого отела... Вот и получалось: и валовой надой преувеличен и надой на голову в среднем — тоже.

За ошибку бухгалтеру Лбову Тихону правление объявило выговор большинством голосов при двух воздержавшихся. Лбова Прохора решили разобрать на собрании.

Вот с тех пор братья Лбовы и не приглашают больше председателя Пыжикова погостевать, провести вечер в их компании.

С тех пор, собираясь все вместе, братья Лбовы все чаще и чаще предаются нерадостным воспоминаниям о телке-годовичке, с которого все началось между ними и председателем Пыжиковым, о проклятом телке, о котором без содрогания не могли говорить братья Лбовы.

Началось в первый же день, как Пыжиков приступил к своим обязанностям.

В кукурузе он увидел тогда десятка два разномастных сытых телят и сказал сторожу:

— Что же ты, папаша, смотришь: на твоих глазах скот травит колхозный посев! Выгони-ка телят поскорее!

— Каких?

— Да вон тех, что в кукурузе!

— Это телят-то? Телятушек, значит?

— Ну да, их...

Сторож почесал в затылке, вздохнул:

— Где мне за теми телятушками — разве угнаться?.. Куда там!

Пыжиков пожал плечами, подозвал случившегося здесь мальчика:

— Выгони-ка, малый, телят из кукурузы... Да в конюшню их!

— Телят? — спросил мальчишка. Так спросил, будто впервые в жизни увидел диковинных зверей.

— Ну да, телят! Не видишь, что ли! — удивился Пыжиков и подумал про себя: «Народ не очень-то, видно, сообразительный в Петровке!»

Мальчишка же погрозил пальцем Пыжикову и сказал:

— Хитрые вы, дяденька... Телята, чать, лбовские...

— Какие?

— Лбовские, говорю. Непонятливые вы, что ли?

— Ну, и что же из того — лбовские?!

— А загоните сами, узнаете, что из того...— Мальчишка покосился еще раз на Пыжикова, улыбнулся и исчез, как ветром сдуло.

Пыжиков погнал телят сам. Подобрал прут, зашел в кукурузу, хлестнул одного, другого... Телята сначала ткнулись бестолково в разные стороны, потом собрались кучей, пошли... Гнал Пыжиков телят улицей. Каждый раз, когда миновал двор кого-нибудь из братьев Лбовых, или дворы, из которых братья брали себе жен, или куда они выдавали дочерей, кто-нибудь да выскакивал на дорогу. Телята шарахались, собаки лаяли кругом, лбовская родня громко комментировала событие:

— Пастух-то, видать, с высшим образованием!

— Сколько же ты себе трудодней начислишь за пастьбу, сердешный?

— Держи красного-то, комолого, за рога, не то ускочит!

И был у Пыжикова только один помощник в этом деле — годовичок, темной, какой-то лошадиной, почти гнедой масти. Помахивая вниз и вверх приплюснутой головой с белым пятном на носу, он шел, не обращая ни малейшего внимания на собак, шел туда, куда гнал его Пыжиков, а за ним неохотно, лениво, но все-таки плелись и другие телята.

Когда оставалось всего несколько шагов до распахнутых дверей конюшни, из темноты вдруг вышел Лбов Алексей — старший конюх. Вышел, поглядел на солнце, зевнул, рот прикрыл волосатой, в навозе, рукой.

Телята шарахнулись в обе стороны от человека, один несмышленыш угодил в кадушку передними ногами, жалобно мыкнул. Только годовичок как шел, так опять же и ударился вперед, едва не сбив с ног Лбова Алексея, забежал в конюшню.

Лбов Алексей сказал:

— Здрасьте, товарищ новый председатель! Откудова же это телятушек понабежало? Шасть, подлые!

Белобрысый телок в кадушке мыкнул еще жалобнее, провалился ногами глубже. Не отвечая Лбову Алексею, Пыжиков прошел в конюшню, загнал годовичка в боковой тамбур, на дверь навесил амбарный замок.

Лбов Алексей сказал:
— Это брата моего, бухгалтера вашего, Лбова Тихона скотина.
Два дня в контору доносились истошные вопли годовичка, два дня Лбов Тихон, бухгалтер, сидя за своим столом против председателя, был весел, смеялся, называл Пыжикова на «ты».
На третий день сказал:
— Надо бы на правлении обсудить телкато... Какое взыскание правление наложит, то и будет. По демократии...
Пыжиков заметил, что демократия телку ни к чему, есть закон: за потраву двести рублей штраф.
На четвертый день утром Лбов Тихон принес двести рублей и стал называть Пыжикова на «вы».
Уже на Михайлов день братья Лбовы доели годовичка, но забыть его не могли никак: все беды шли от того телка, казалось им, все напасти.
Надо было выдержать в свое время, не отдавать за потраву штраф, пусть бы тот телок околел в конюшне с голоду, пусть Петровка узнала бы, каков живодер председатель Пыжиков.
Трех телков не пожалели бы братья Лбовы, чтобы повторить все сначала, чтобы не насмехались над ними в Петровке, не напоминали при всяком случае о гнедом белоносом телке.
Однако история, как известно, не повторяется.
И молча гоняет теперь Лбов Тихон костяшки на счетах, а напротив него, нет-нет, заскочив с поля, со скотных дворов, еще откудато, усаживается Пыжиков. Усядется, вынет из кармашка гимнастерки счетную линейку, двинет планку туда-сюда, поведет стеклышком, и не успеет Лбов Тихон сообразить, что к чему, как председатель говорит, сколько должен колхоз выручить за рыжик, сколько нужно заплатить МТС, во сколько обошлось на ферме одно куриное яйцо.
Придет кто-нибудь из колхозников, выскажется за посев горчицы, скажет Пыжикову:
— Вот так, председатель, я соображаю, а ты проверь, правильно ли. Потяни-ка!
Пыжиков за планку потянет, кивнет:
— Соображаете правильно... Какие с вашей стороны будут еще предложения?
Молчит Лбов Тихон. Не вмешивается. Не успевает он даже положить все эти цифры на свои огромные счеты, которые еще отец его в тысяча девятьсот тридцать первом году, не продешевив, продал колхозу.
Считает он на этих счетах, чтобы копейка сошлась с копейкой. А тысячи, десятки, сотни тысяч рублей тянет взад-вперед на своей карманной линейке Пыжиков.
Сидят они мирно, разговаривают между собой спокойно, вежливо: черный, с лохматыми бровями, с красными подпалинами в небритой бороде Лбов Тихон и невысокого роста, голубоглазый председатель Пыжиков.
И только уборщица, тетя Фенья, поглядитпоглядит на них и вздохнет про себя: «Уж случилось бы что-нибудь!»
И вот как раз в ту пору затеяли братья Лбовы блины.

* * *

Пыжиков вбежал в дом, сбросил тужурку, натянул торопливо шубу. Жена подумала: срочно вызвали Пыжикова в район, неприятный разговор ждет его там, но, кажется, было еще хуже.
Пыжиков крикнул:
— Нож! Нож, спрашиваю, где сапожный?
Жена метнулась от детской кроватки:
— Сашенька, что с тобой? Опомнись! Зачем нож? Не знаю, где нож! Обо мне подумай, о детях!
А у Пыжикова нож уже в руках, поцарапал по лезвию ногтем, усмехнулся.
— Будут блины нынче у Лбовых! Будут блинчики со сметаной!
Сунул нож в пим на правой ноге и выскочил на улицу. Прохрипел осипшим на морозном воздухе голосом председательский «Москвич», крутнул по деревенским улицам вправо-влево и выскочил на большак.
На большаке Пыжиков и шофер Степан вышли из машины, внимательно стали разглядывать следы на утреннем скрипящем снежке.
Шофер сказал:
— Направо свернули... Значит, в город!
Молча кивнул и Пыжиков, согласился с шофером.
Потрепанный «ЗИС» в это время и в самом деле подъезжал к городу, были уже видны запорошенные снегом с наветренной стороны фабричные трубы, темные, распахнутые настежь вагоны на железнодорожных тупиках. Там и здесь выбегали в степь окраинные городские улочки.
В кузове «ЗИСа», подняв воротники тулупов и плотно заклинившись между мешками с зерном, сидели Лбов Тихон, Лбов Алексей, Лбов Игнат и еще пятеро — лбовские племяши и дядья. Разговаривали на морозе не бойко, но молчать тоже не могли: распахивался воротник то одного, то другого тулупа, из бараньего меха высовывалось лицо то одного, то другого Лбова, реже — кого-нибудь из племяшей и дядьев.
Лбов Тихон, закрыв нос рукавицей, выдыхал на мороз с густым паром:
— Бабы-то, солдатки, его теперь живым стерзают! Обстругают до костей, одни мослы останутся! Покажут ему авторитет!
Лбов Тихон хохотнул густо, басовито и быстро спрятался в воротник. Высунулся Лбов Алексей, бывший старший конюх:
— Валерьянт что надо! На все сто двадцать! И за твой выговор и за моих кобыл!
Лбов Игнат добавил:
— За телка!
Лбов Тихон повторил:
— За телка! — Потом качнулся в сторону Алексея, чтобы тот лучше слышал: — Вариант — надо говорить! Понял: ва-ри-ант!
Лбов Алексей остался при своем мнении:
— По-мужицки — валерьянт — это точнее точного!
Лбов Игнат долго запасал под воротником тепло, наконец и он высунулся на воздух:
— Вчерась на скотном к ему старуха Спиридоновна. «Ксения,— говорит,— полухлебница наступает по старому численнику. Той, — говорит,— половине зимы, что с хлебом, конец приходил, наступала,— говорит,— бесхлебная половина. До выпаса,— говорит,— тоже одна голодная треть зимы скотине оставалась... Так по-старому было!»
Лбов Игнат снова запахнулся в тулуп, но Тихон помахал ему рукавицей: «Вылезай, мол, наружу, досказывай: при чем тут Ксенияполухлебница?»
Не так скоро, но Лбов Игнат пояснил:
— От этого и пошел дальше их разговор: он-то ей, что, мол, пора отставку дать этой Ксении, отметить лучше праздник Советской Армии. А она говорит: неплохо бы блины в таком случае, все едино посты не блюдем. А он: «Очень,— говорит,— хорошо, сделаем!». А она: «Лбовы,—говорит,— на помол ехать затеяли». А он: «Лбовы обождут». А она...
Тут Лбов Игнат зазнобил нос, снова спрятался в воротник, его толкнули, чтобы рассказал все, как было, уже в десятый раз, но всетаки рассказал во всех подробностях. Лбов Игнат, шоркнув по носу рукавицей, продолжал:
— Она говорит: «Против Лбовых,— говорит,— не суйся... Сперва им, потом всем остатним». А он предлагает: «Ежели, мол, как раз наоборот?»
— А она?
— «Не выйдет»,— говорит.
— А он?
— «Еще,— говорит,— как получится! Вот ты и поедешь в первую очередь на мельницу».
— А она...
— Сперва-то не поверила... Потом говорит: спробую!
Братья, племяши и дядья все разом распахнули воротники:
— Ну вот, спробовали!
— Пробники, значит!
— Подержали комолого бычка за роги!
На городской мельнице было нынче не завозно: с десяток машин, две или три подводы — и все. Мало нашлось охотников ехать в такой мороз... Шофер «ЗИСа» Виталька, тоже из лбовских племяшей, воткнул машину в очередь, помог вылезти из кабины тетке — жене Лбова Тихона. Лбова Тихона жена, едва коснулась одной ногой земли, закричала, чтобы мужики в кузове порасторопнее сгрузили ее кадушку с солеными помидорами, живее отнесли ту кадушку на базар, что тут же, рядом с мельницей, протянулся двумя деревянными навесами, да чтобы бегом сбегали за гирями и весами. У нее был свой расчет: мало помольщиков на мельнице, невелик и подвоз на базар.
Лбов Тихон пошел в парикмахерскую, наказав кликнуть его, если подойдет очередь на помол. Лбовы Игнат и Алексей похлопали рукавицами, поглядели на вывеску «Буфет № 3 от столовой № 2», не сговариваясь, распахнули дверь под этой вывеской. Племяши и дядья отнесли на базар кадушку с солеными помидорами Лбова Тихона жены, затем потолкались у той же двери под синей вывеской, зашли.
Сказали:
— Здрасьте...
Лбовы Игнат и Алексей уже чувствовали здесь себя хозяевами, ответили:
— Не стесняйтесь... Проходите.
— За свои-то деньги да здороваться?
Племяши и дядья побросали тулупы и шапки на пол, заняли два столика, заказали по кружке пива. Перед Лбовым Алексеем уже стояли две. Он сказал, чтобы ему подали еще прицеп светленькой на двести граммов. С прицепа он и начал, опрокинул стакан, похлопал себя по кадыку — все они, братья Лбовы, были кадыкастые.
— Порядок! Будто сам господь бог босиком прошелся! —Дунул в пивную пену, в образовавшуюся скважинку ткнул пальцем: — Гляньте-кось, ребята, блинок оттедова мигает? К чему бы это?
— К тому,— не растерялся кто-то из племяшей,— что ты, дядя Леша, сам блины будешь есть и нас позовешь!
Лбов Игнат посмотрел на бойкого племяша строго, с укоризной. Лбов же Алексей стукнул кулаком по столу:
— Точно, племяш! Лбовы гуляют, и родня вся гуляй! Лбовы, они такие: ежели ты им хорош, они для тебя того лучше! Вот как! У меня баба проворная, ежели к полудню управимся с помолом, к вечеру блины будут, что твое солнце! Баба у меня, ежели по совести,— цельный люкс!
Хвалил Лбов Алексей свою бабу и блины, блины и бабу — какие они жирные и жаркие. Покуда не было Лбова Тихона, хвастался, что его баба жирнее тихоновской, и только когда помянул Пыжикова, как-то сразу посинел весь, в кадыке у него что-то булькнуло:
— Поперек жизни встал Пыжиков! Не выйдет!
Подхватили все:
— Не выйдет! Блины будут сегодня печь в Петровке Лбовы, гостей звать — Лбовы, кто сильнее в Петровке, Лбовы ли или Пыжиков, каждый увидит, чей авторитет стоит выше, каждому будет ясно!
Общее собрание будет, мало найдется охотников выступать против Лбовых! Скорее бы собрание! Дадут жизни на собрании Лбовы Пыжикову! Ходил под Лбовыми не один председатель, и этот походит! Шумели еще, потом услышали: на улице хрипловато прогудел «ЗИС».
Виталька накинул полушубок, вышел поглядеть, не зовет ли кто, может, и очередь на помол подошла уже, может, кто из своих зовет мотор разогреть.
Обошел машину, глянул туда-сюда — никого. И вдруг чья-то рука прочно зажала его руку повыше локтя.
Пыжиков сказал:
— Сядем-ка, Виталий, в кабину...
Сели в кабину. Опять так же тихо, спокойно Пыжиков приказал:
— Включай скорость!
Виталька провел пальцами по вспотевшему лбу, нажал ногой на стартер, потом сказал:
— Ключ в тулупе остался... В буфете. Сбегаю сию секунду.
— На тулупе карманов не бывает.
— Честное благородное... Я сию секунду...
— Подожди. Не торопись...— Левой рукой Пыжиков придержал за локоть Витальку, правой вынул из пима нож, поскреб по лезвию ногтем и, видно было, остался доволен: нож острый, что бритва. Виталька побледнел, икнул. Поглядел, как улыбнулся Пыжиков, икнул снова, и заметно громче.
— Посиди-ка здесь,— сказал Пыжиков, бы-

стро выскочил из кабины, поставил нож на покрышку переднего левого колеса.

— На всех шести скатах лапти твои полетят к черту! Ясно? Пока новые не пришлю, будешь загорать! Неделю на поправку здоровья гарантирую. По краткосрочному прогнозу, завтра сорок три — сорок пять градусов ниже нуля!

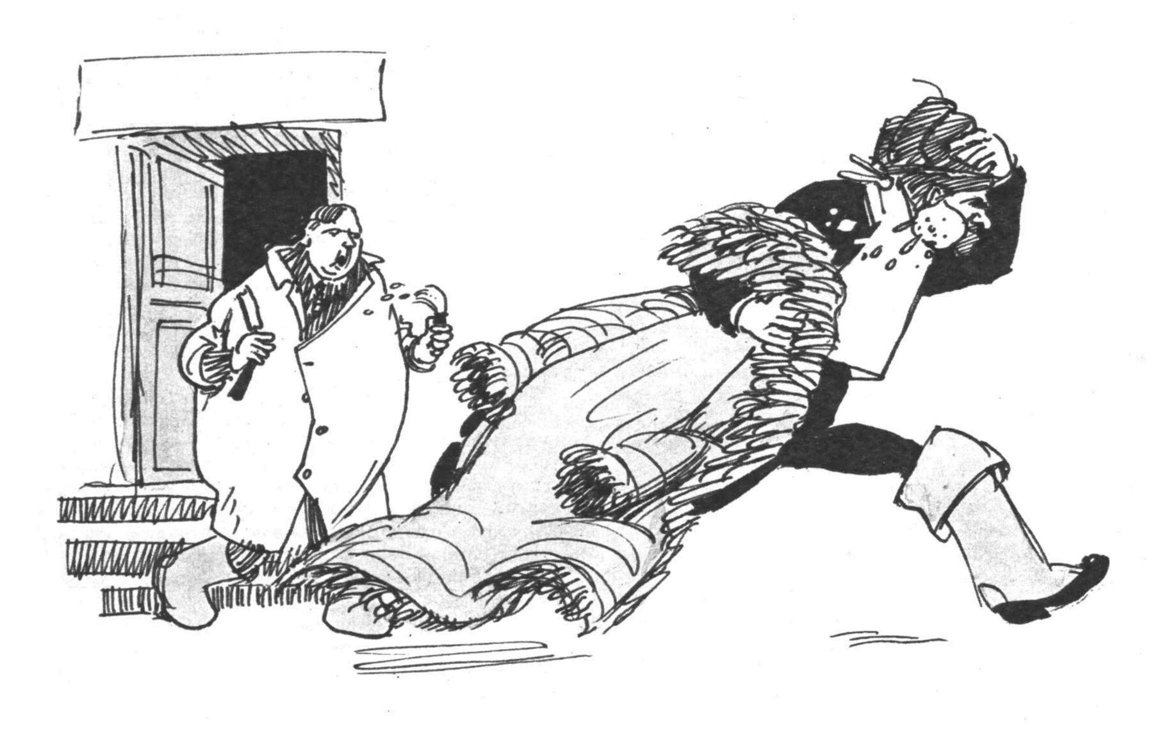
Прошло несколько секунд. Пыжиков приподнял руку с ножом для удара...

Мотор тяжко вздохнул, заработал...

Пыжиков метнулся в кабину:

— Полный вперед!

Машина рванулась с места, задний борт с грохотом распахнулся, мешки с метками «Л. Т.», «Л. И.», «Л. А.» начали торопливо, один за другим выпрыгивать из кузова, падали на попа́ и навзничь, прижимаясь к мерзлой земле.

Первым выскочил из парикмахерской Лбов Тихон, держал он в руках тулуп, на шее у него болталась белоснежная простынка, одна щека была в мыле. С бритвой в одной руке и с помазком в другой преследовал его тучный парикмахер. Лбов Тихон был поджарее, шаг у него был податливее — парикмахер заметно отставал. Но тут Лбов Тихон наткнулся на мешок с меткой «Л. Т.», остановился как вкопанный, только успел взглянуть на Витальку, который в этот самый момент разворачивал машину влево, с площади в переулок.

Еще было видно, как распахнулись двери «Буфета № 3 от столовой № 2» и с порога взяли старт Лбов Игнат и Лбов Алексей, за ними — племяши и дядья.

В переулке стоял «Москвич», рядом с ним — шофер Степан. Пыжиков сказал:

— Придержи-ка!

Заскрипели тормоза «ЗИСа». Виталька услышал, как Степан быстро закинул борт на место, как он хлопнул дверцей «Москвича» и загудел ему сзади: не задерживай, давай полный вперед!

Так они и ехали: «ЗИС» впереди, «Москвич» по пятам. Чуть только сбавлял скорость Виталька, шустрый «Москвич» сигналил ему сзади.

Отстал «Москвич» уже на проселке, который расчищали от снега петровские колхозники. Скосив на повороте глаз, Виталька увидел: Степан вышел из машины, разговаривает с людьми.

На следующем левом повороте Виталька снова скосил глаз — Степана уже не было видно: со всех сторон его окружили люди с лопатами и метлами.

Однако перед гаражом «Москвич» настиг «ЗИС». Пыжиков со Степаном молча и быстро, словно торопились на пожар, спустили воду из машин, на двери гаража навесили замок, ключ положил в карман Пыжиков.

Когда уходили из гаража, Виталька слышал, как Степан спросил Пыжикова:

— А скажи, председатель, когда ты воевал на фронте, горячим был в бою?

Пыжиков на мгновение остановился, вспоминая, потом кивнул:

— То ли соображал, то ли чуял... Вот так: гляну из окопа, а там уже любой ориентир с закрытыми глазами найду. Услышал команду раз — помирать буду, повторю... Было так... Помню.

Витальку Пыжиков и Степан будто и не замечали, будто его и вовсе нет на свете рядом с ними. Не ругали его, не корили, не смеялись над ним, и вот это было для парня самым обидным.

* * *

Совсем уже затемно к Лбову Тихону пришли Лбовы Алексей, Игнат, Прохор, Федор, Семен.

Говорили тихо, почти шепотом. В горницу не проходили, сидели на кухне вокруг стола, к поллитровке и закускам, что были на этом столе, не притрагивались. Семенов баян лежал на лавке около дверей, поблескивал перламутром.

Вопрос обсуждался один: сложившаяся ситуация.

Лбов Игнат предлагал жаловаться на Пыжикова в район. За самоуправство. За издевательство над людьми. За превышение обязанностей. За угрозу холодным оружием Витальке. За нанесение ущерба личному имуществу колхозников.

Лбов Тихон не поддержал предложения:

— Не наделать бы смеха на весь район. Смех придушить здесь, в Петровке, а вышел он за околицу — его не остановить... Может, и так: самим над собой посмеяться... Я, к примеру, согласен,— вздохнул Лбов Тихон,— сам не видел, а вы рассказывайте, как парикмахер хлестал за мной с помазком...— Лбов Тихон хотел улыбнуться — не получилось.

Лбов Алексей, бывший старший конюх, спросил Тихона:

— Ты в деревню по проселку маршировал строевым либо вольно? Я покуда дошел, изгалялись люди — больше некуда. И трудодни начисляли за лошадиную работу — мешок на своей горбушке волок, и на блины называла. Кому как, с меня хватит.

— Ну и дурак...— пожал плечами Лбов Тихон.— Мне никто ни слова. А почему? Очень просто. Мы с бабой-то и мешок и простую кадушку закопали в березках под снег, а сами задами-задами — и домой.

— Может, и так, не сподобились мы до твоего ума, Тихон, однако смеяться над собой, зарежь, не будем!

Прохор с Федором подтвердили:

— Зарежь, не будем!

Порешили неделю — другую показываться на людях реже, держаться кучно и строго, каждый вечер собираться у Тихона либо у Игната и тушить в окнах свет: пусть каждый видит, что братья Лбовы замышляют что-то, к чему-то готовятся не шутейно.

Будут ждать-ждать — догадываться, что замышляют братья, тем временем блины эти забудутся. Самое главное, чтобы забылись до собрания, а там обязательно будет еще какой-нибудь случай — нарушение дисциплины, злоупотребление... На этот случай и навалятся братья Лбовы на первом же собрании, покажут себя с лучшей стороны. А потом... Потом Пыжиков, председатель, увидит, каковы они бывают, братья Лбовы, если кто пошел против них! Все, что до сих пор было, было только цветочками...

Братья еще плотнее склонили друг к другу лохматые головы, начали размышлять, что за ягодки уготовят они председателю Пыжикову... Одна только Семенова голова приподнималась над ними. Скучно, что ли, было Семену — он позевывал, ухмылялся. Ухмылка была у него то безразличной, то ядовитой — принес он такую из заключения.

Вдруг дверь распахнулась, в дом вошла тетка Фенья, уборщица.

— Здорово, граждане мужики! А я думала, в избе-то и нет никого: тихо-то как!

— Здорово! Чего тебе надо? — спросили братья Лбовы, раздвигаясь на лавках.

— Хозяйки-то нету, видать, дома?

— Нету хозяйки...— ответил Тихон.— Ушла.

— Далече?

— Да уж далече...

— Надолго ли?

— Видать, надолго... Чего тебе?

Тетка Фенья застенчиво улыбнулась, расстегнула телогрейку, повесила ее на крючок у дверей.

— Порядок... Значит, нету хозяйки...

— Нету, нету... А тебе-то чего?

— Да вот и я говорю: нету, и слава богу... Без ее обойдемся, Тихонушка!

Лбов Тихон, все братья Лбовы поняли тетку Фенью; было время, бухгалтер задерживал ее при себе в конторе, надолго задерживал, покуда с воем и криком не прибегала под окна Тихонова жена. Но было это давно, запамятовалось, тетка Фенья с тех пор заметно постарела, морщины покрыли ее когда-то смешливое лицо. Главное же, стала она тише, молчаливее, и теперь от ее громких слов братья Лбовы поморщились, словно у них разом стрельнуло в ушах. Один только Семен заржал и громко шлепнул себя по коленке.

Между тем тетка Фенья сбросила еще и шаль, села на лавку, поболтала ногой:

— Холодно на улице-то — спасу нет... Зазнобила вот пальчик!

— Ну ладно! — поднялся Лбов Тихон.— Чего расселась-то? Кто тебя звал? Чего пришла?

— Вы, Тихон Трофимович, звали.

— В уме ты?

Тетка Фенья шагнула вперед, ткнула пальцем чуть ли не в лицо Тихону:

— Вы поглядите, братовья, до чего иродовый он, ваш-то Тихон! Звал, значит, прийти, а теперь корчит: не знаю, дескать, что и к чему!

Братья переглянулись. Семен снова хохотнул. Тихон рявкнул:

— Чего брехать-то! Цыть отсюда!

— А-а-а! Ом-манывать бедную женщину! Уговорит, а потом в кусты! Ирод-то напротив тебя — чисто ангел небесный!

Покуда Лбов Тихон собирался крикнуть еще что-то, тетка Фенья снова села на лавку, сбросила с ноги пим, потерла большой палец, который торчал из черного вязаного чулка, жалобно повторила:

— Зазнобила пальчик!

Лбов Семка поднялся, подмигнул Тихону:

— Ну, дела-то делами, всех не переделаешь... Пора до дому! — и потянулся за шапкой на печь.

— Да уж ты извиняй, Сема,— все еще растирая палец, сказала тетка Фенья.— Понятливый ты парень, Сема...

Тихон вырвал из рук Семена шапку:

— Сиди, говорю!.. Тоже ведь пойдешь по деревне зубы скалить! У-у, каторжник!

Семен помрачнел, будто разом стал лет на десять старше, положил руку с синей татуировкой на плечо Тихона:

— А ну повтори, как сказал! Повтори, говорю!

Вскочил Игнат, встал между Тихоном и Семеном. Семен и его взял за грудки другой рукой, повторил вопрос:

— А ну, как сказал?! Говори, не бойся... Я не таких видывал!

Вскочили со своих мест Алексей, Федор, Прохор. Затрещала чья-то рубаха, пуговицы стукнулись об пол и покатились одна к дверям, другая под стол. Повозившись, братья оттащили Семена в сторону, он, не торопясь, застегнул на себе ворот, сказал Тихону:

— Тявкнешь, а повторить боишься? Я ведь тоже скажу тебе, кто ты есть сам!

Тихон, тяжело дыша, ответил:

— Кормим тебя второй год... Понимать бы надо...

— И еще десять лет будешь кормить! Пока жив, будешь... Не ты за меня — я за тебя срок отбывал!

— Забижают тебя, Сема! — вздохнула тетка Фенья.— Как есть забижают... Коли кормят они тебя, значит, есть за что. Все говорят. Об чем разговор!

Тихон бросился к Фенье:

— Твое ли тут дело? Зачем, подлая, пришла? Кто тебя звал? Когда?!

— Сам подлый! — взвизгнула тетка Фенья.— Сам и звал! Тоже мне мужик! Притворяется хуже девки! Испугался, трясется, что овечий хвост! А ну, поскули по-овечьи-то: бэ-бэ-бэ! Сам звал! Сегодня утрось и звал-то!

— Рехнулась?!

— Мешок мой сбрасывал с машины, а свой грузил, как говорил: «Приходи, тетка Фенья, вечером на блины! Угощу!» Говорил либо нет? То-то! — В наступившей тишине тетка Фенья громко потянула носом и совсем уже другим, добрым и миролюбивым, тоном сказала: — Ну, ладно... Не прячь блины-то... Духто от их пшеничный, ядреный. Выбрасывай на стол! Не жалей, говорю, блинов-то!

Лбов Тихон тяжко вздохнул:

— Чего ты на меня свои глаза-то коровьи вылупила?

Тетка Фенья снова удивленно повела плечами:

— А какими же теперь на тебя и глазами-то глядеть, ежели не коровьими? Ты ить сам-то в точности как тот председателев телок, какого он в конюшне заарестовал. Чисто его, телкова, сноровка: моргнешь — потом, значит, вылупишься, моргнешь — обратно вылупишься! Ну, что, не веришь? Побожиться? — Тетка Фенья натянула на ногу пим, выпрямилась, повернулась к углу, в котором висели иконы, и уже замахнулась перекреститься, но вдруг остановилась: — А может, и нет надобности-то божиться? Может, так поверишь?

Лбов Тихон попятился, не оглядываясь, пошарил рукой по столу. Попалась вилка, он перебрал ее короткими трясущимися пальцами, зажал рукоятку...

— Ну, Федосья...

Тут тетка Фенья слегка побледнела, быстро-быстро проговорила:

— Так поверил, значит, без божбы... Поверил...— И вдруг крикнула тонко и пронзительно: — Девоньки! Девоньки! Да иде же вы? Входите, хозяева принимают!

Из темных сеней, щурясь на свет, вошли девоньки: бабка Семенихина, вся в морщинах, но подвижная и бойкая, и нерасторопная тетка Спиридоновна, та самая, что объясняла председателю насчет Ксениева дня — Ксении-полухлебницы.

Бабка Семенихина еще с порога радостно всплеснула руками:

— Здорово, граждане мужики! А мы к вам! По обчественному делу! Ты им не сказывала, Фенья, про дело-то?

— Нет, не сказывала покамест... Мы тут амуры с Тихоном-то разыгрывали, да Сема вот помешал... Держит брата — не пускает. Бережет брата, не дает ему рядком со мной на скамейку притулиться!

— А-а-а,— протянула бабка Семенихина.— Известно, у Лбовых братовьев кровь не стареет, кровь в их, можно так сказать, что играет! Все, значит, братовья в полном сборе! И здоровые? Больных-то нет ли?

— Что ты, старая, мелешь языком? Ну, нет больных, тебе-то что? — спросил от стола Лбов Федор.

— А с этого нам председатель Пыжиков и велел начать: узнайте, мол, бабоньки, все ли они в сборе у Лбова Тихона в дому. Нет ли кого больных?

— Зачем ему? По какому случаю?

— По случаю общего собрания! — ответила тетка Фенья официально.— Наказывал вам прийти в точности, раз здоровые... Блюсти всем порядок, поскольку у вас тут два члена правления. Ну, засиделись мы у вас. Пошли, девоньки!

Тетка Фенья усмехнулась, усмехнулась так, как, бывало, давно-давно, еще девчонкой, вспомнил Лбов Тихон, могла усмехаться она одна: озорно, лукаво и недоступно.

Женщины вышли, за ними, взяв за ремень баян, ушел и Семен.

Остальные Лбовы еще долго и неподвижно стояли кучей, слушали, как тетка Фенья и бабка Семенихина громко стучали в ставни соседнего дома и кричали:

— На собрание! Всем на собрание! Вопрос разбирать!

Долго еще стояли Лбовы.

То ли мнились им горячие, жаркие блины, то ли видели они перед собой голубые колючие глаза председателя Пыжикова.

Лирика

Николай СТАРШИНОВ

* * *

По долине реки Теберды
Я прошел под журчанье воды.
Здесь сдружились чинары
с сосной,
Здесь ужились прохлада и зной.
Запрокинулись в синий простор
Поседевшие головы гор.
Пусть в горах этих много красот,
Пусть в горах этих много высот,—
Только горы твои, Теберда,
Не давили меня никогда
Неприступной своей высотой,
Безупречной своей красотой.
Нет, глядел я на ту высоту,
И казалось мне: сам я расту.
Нет, глядел я на ту красоту,
И казалось мне: сам я цвету.
И поэтому
Навсегда
Я тебя полюбил, Теберда.

* * *

Где-то за долиною Домбая
На вершинах дремлет вечный лед.
Синеву крылами разрубая,
Горные орлы вершат полет.

Солнце раскаляется в зените,
И по склонам гор от ледников
Тянутся серебряные нити
Бесконечно малых ручейков.

В дальний путь отправившись
однажды,
Каждый совершает свой полет,
Каждый надрывается, но каждый
Маленькую песенку поет.

Здесь и капле петь необходимо,
Уж такая певчая вода...
Но ручьи связались воедино,
Так и зародилась Теберда.

Как же ей молчать? Она так рада,
На своем большом пути собрав
Тишину
И грохот камнепада,
Крик орла
И мягкий шелест трав.

Солнечные скалы огибая,
Мчит лавина ледяной воды.
И звучит до самого Домбая
Голубая песня Теберды...

* * *

Отброшены мальчишества
замашки.
А жизнь, она по-прежнему близка
От белизны раскрывшейся
ромашки
До синевы граненого штыка.

И память восстанавливает властно,
Начистоту с тобою говоря,
И тех, кого обидел ты напрасно,
И тех, кого не обижал.
А зря!

И кажется, что нет больнее боли,
Чем увидать, краснея от стыда,
Тугие материнские мозоли,—
Ведь ты не замечал их никогда.

И памятью прошедших дней
полотна
Озарены, как солнечным лучом...
И так жестоко,
Так бесповоротно,
Как в юности, не судишь ни о чем.

Георгий ГУЛИА

Кочубей — Н. Рыбников.

Фильм о народном герое

В апреле 1919 года в городе Святой Крест (ныне Прикумск на Ставропольщине) белогвардейцы повесили Ивана Кочубея, двадцатишестилетнего кубанского казака.

Кубанцы помнят и чтят Ивана Кочубея, прославившегося в боях против контрреволюционных частей Корнилова и Деникина. В нем они видят человека, всем сердцем понявшего правду революции и бившегося за эту правду до конца.

Это был горячий и бесстрашный вожак.

Сын бедного казака, испытавший все тяготы первой мировой войны на турецком фронте, как говорится, не шибко грамотный, он имел доброе сердце и неизбывную силу. И то и другое он вложил в организацию, а затем и в действия революционного казачьего отряда.

Кругозор и знания Кочубея не позволяли ему делать широких обобщений. Должно было пройти время, пока он осознал, что борьба на Кубани — это неразрывная часть борьбы против контрреволюции во всероссийском масштабе.

Было в нем что-то от Чапаева: лихая удаль, святая верность воинскому долгу, неудержимая воля к победе и большое личное обаяние. Есть между ними общее и в другом: Чапаева и Кочубея терпеливо и настойчиво воспитывала партия большевиков, прививая им высокое революционное сознание. Большевики-комиссары были верными их боевыми друзьями, политическими учителями.

Могучая организующая и направляющая роль партии ярко проявлялась в действиях Кочубея-военачальника, безраздельно верившего в Ленина и его дело...

Свою книгу «Кочубей» Аркадий Первенцев издал в 1937 году. Это был его первый роман. Писатель сумел воссоздать замечательный образ героя гражданской войны и ту — до предела накаленную — атмосферу, в которой росли и мужали восставшие массы на Кубани. Писатель любовно собрал все, что было известно о Кочубее. Художественные средства романа, в частности язык его, оказались достойными той высокой цели, которую поставил перед собою автор,— воссоздать образ Кочубея. Роман «Кочубей», бесспорно, стоит в ряду лучших книг нашей литературы, посвященных бурным годам гражданской войны. Это усиливает интерес к фильму «Кочубей», являющемуся экранизацией романа.

Не так просто события, описанные на трехстах пятидесяти страницах романа, уложить в несколько десятков страниц киносценария. Выбрать наиболее важное из плотно и сочно написанного текста романа — дело, скажем прямо, не из легких. Это удалось в фильме, и удалось, мне кажется, потому, что сценарий писал сам автор, писал его так же серьезно и любовно, как когда-то роман.

Сложная задача стояла перед исполнителем заглавной роли — артистом Н. Рыбниковым. Я говорил, что Кочубей чем-то напоминает Чапаева. Нет ничего удивительного в том, что два героя гражданской войны обладают общими чертами характера. Но было бы досадно, если бы образ Кочубея потерял свою индивидуальность, хорошо переданную А. Первенцевым в романе. К счастью, этого не произошло, и мы можем говорить о большой актерской удаче. Образ, созданный Рыбниковым, безусловно, полюбится зрителю и войдет в галерею кинообразов героев гражданской войны.

В фильме хорошо показан духовный рост Кочубея. Вначале это разудалый предводитель отряда, в финале—зрелый, дисциплинированный военачальник регулярной Красной Армии. Претерпевают серьезные изменения на протяжении повествования и взаимоотношения Кочубея с комиссаром Кандыбиным (артист П. Усовниченко). Первое чувство недоверия к Кандыбину постепенно сменяется горячей любовью и признательностью к этому простому и храброму рабочему, сменившему молот на винтовку. Они становятся настоящими друзьями, политическими единомышленниками.

Нет нужды пересказывать содержание картины, перечислять ее удачи и отдельные промахи. Главное, в фильме ощущаешь суровую атмосферу гражданской войны, и передана она через образы Кочубея, людей, окружавших его, и их врагов. Зритель запомнит Ахмета (артист С. Воронин), Наливайко (артист Ю. Панич), Роя (артист С. Яковлев) и многих других. Талантливо, правдиво поставленные батальные и другие массовые сцены (например, отступление кочубеевцев через степь) придают картине то ощущение исторической достоверности, без которого нет произведения искусства.

Режиссер-постановщик фильма Юрий Озеров, снимавший его на студии «Ленфильм», думается, может быть доволен своей работой. Он сумел найти очень точные краски для воссоздания событий. Было бы, разумеется, хорошо везде соблюсти тот художественный такт, который помог ему раскрыть большинство образов с максимальной убедительностью. К сожалению, Сорокин с самого появления на экране, не успев еще раскрыть рта, предстает явным врагом; это ослабляет напряженность последующих сцен с его участием.

Работа оператора С. Иванова и художника С. Малкина, без сомнения, содействовала общей выразительности и целостности фильма.

«Кочубей» вышел на экраны. Это — новое удачное произведение нашего киноискусства. Я уверен, что фильм доставит большое удовольствие зрителям, а для молодежи будет и поучительным.

Образ Кочубея — страстного и верного сына народа — не может не тронуть сердца. Кочубей любил жизнь и боролся за нее. Он умер, преданный революции, веря в то дело, во имя которого произошла революция.

Комиссар Кандыбин — П. Усовниченко.

Бригада Кочубея форсирует Кубань.

ЖИВАЯ ДУША

Характерный взгляд карих глаз — искоса, исподлобья — кажется недоверчивым, хмурым, но по мере того, как сбивчивый разговор первого знакомства становится все оживленнее, в глазах Анны Александровны обнаруживается дружелюбие. Вот она разговорилась. У нее живой, красочный язык, своеобразие которого выражается в том, что в книжно-интеллигентный склад речи вдруг врываются образные обороты далекой уральской и сибирской деревни... Такой запомнилась мне Анна Александровна Караваева со времени первого нашего знакомства в 1927 году в Москве.

Уроженка одной из уральских заводских твердынь — города Перми, Анна Александровна высшее образование получила в Петербурге, на Бестужевских курсах, где была ученицей профессора Венгерова. Он был первым, кто помог ей понять ее призвание. Но до литературы еще было далеко. Это еще мечта, о которой не всякому расскажешь...

Анна Александровна окончила курсы в те годы, когда Советская власть, тогда еще недавно утвердившаяся, взяла на себя громадные культурные задачи: ликвидировать неграмотность, заложить новые основы народного образования... Эти задачи, этот тяжелый, но благородный труд пришлись по сердцу молодой учительнице, и она отправляется в деревенскую глушь.

Сто пятьдесят лет нетронутыми лежали в архивах материалы о первых русских поселенцах Алтая, об отважных крестьянах и рабочих людях, убегавших от невыносимой крепостной эксплуатации. Очутившись в новых местах, Анна Александровна заинтересовалась прошлым Алтайского края, добралась до этих материалов, и вот появляется книга «Золотой клюв», которая печатается в журнале «Сибирские огни». Эта повесть была началом литературных успехов Анны Александровны.

Анна Караваева.

В 1928 году выходит в свет большой роман А. Караваевой «Лесозавод». Этот роман стал вехой в истории советской литературы. В «Лесозаводе» окончательно определилось лицо писательницы, с ее особенными чертами творчества, с глубоким взглядом на роль женщины в коммунистическом обществе. Анна Александровна становится в первые ряды советской литературы. Она редактирует журнал «Молодая гвардия», на страницах которого именно в то время появился ряд талантливых произведений и в числе их такая выдающаяся вещь, как роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Известна та благородная помощь, которую Анна Александровна оказала больному писателю-комсомольцу...

Откуда берутся силы у этой женщины, на руках которой все домашнее хозяйство семьи, воспитание дочерей? Живая душа, отзывчивое сердце — вот источник неисчерпаемых творческих сил писательницы. Вся страна знает Анну Караваеву как корреспондента «Правды». В ее статьях находит отражение труд на предприятиях и в колхозах.

Созывается антифашистский конгресс писателей в Париже, и Анна Караваева в числе делегатов едет в Париж. Новое расширение горизонтов, новые задачи, новые международные связи. Их укрепляет следующая поездка, в Чехословакию в 1938 году.

Нелегко было нам в начале войны. Армия с боями отходила в глубь страны. В короткие перерывы между боями фронтовик жадно хватался за газету: что там в тылу? И кто из фронтовиков забудет мужественный голос Анны Караваевой, неумолчно раздававшийся со страниц «Правды»? Одновременно с очерками А. Караваева работает над большой повестью о тыле. Так возникает роман «Огни», первая книга трилогии «Родина», за которую Анна Александровна удостоена Сталинской премии.

Анне Александровне исполнилось шестьдесят пять лет. Строгая это дата, перед ней не слукавишь! Одним приносит она сознание банкротства в неудавшейся жизни, другим позволяет подвести плодотворный итог. Ну, а третьи получают от суровой и щедрой дарительницы—жизни — подарок совсем неожиданный. Сверх списка произведений, уже написанных, вдруг обнаруживаешь в душе своей огромное живое богатство, с которым ничего нельзя другого сделать, как передать его людям. И совсем недавно А. Караваева порадовала нас новой книгой, где впервые собраны очерки, путевые дневники, воспоминания.

Мы, друзья писательницы, знаем, что нет такой поездки, которая не оставила бы следа в ее записных книжках. Анна Александровна ведет их всю свою жизнь с простым и великим чувством долга.

Пожелаем Анне Александровне многих, многих лет счастливого труда, здоровья, чтобы нам вместе еще долго жить на нашей прекрасной, перестраивающей жизнь на новый лад родной земле!

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

ОБРАЗ РОДИНЫ

Богата талантами наша многонациональная советская поэзия, талантами яркими, самобытными. Стихи башкира Мустая Карима никогда не спутаешь со стихами аварца Расула Гамзатова. Задушевный голос украинца Платона Воронько непохож на металлический басок москвича Ярослава Смелякова. Но при всей этой разнице, при всем несовпадении интонаций и оттенков есть одно общее, что кровно роднит наших художников, на каком бы языке они ни писали.

Весной этого года Москва принимала представителей культуры Грузии. Кто-то из гостей, стремясь полнее выразить свою любовь к Родине, к советскому народу, сказал, что самый дорогой его сердцу край на земле — цветущая Грузия. Хороша она бесконечно, а особенно тем, что с вершин ее горных хребтов видна вся наша великая страна.

Светлый, радостный образ Родины встает и со страниц недавно выпущенного на русском языке однотомника стихов украинского поэта Ивана Неходы.

С творчеством Неходы читатели знакомы давно. С 1935 года выпущено около сорока книжек его стихов, поэм и сказок, в том числе ряд сборников на русском языке. Но по достоинству полно творчество Неходы представлено именно в новом однотомнике. Сюда включены лучшие его стихи, написанные почти за три десятилетия работы в литературе.

О чем бы ни писал поэт — о природе, о человеке, об истории, о днях сегодняшних или грядущих — всякий раз он старается отыскать такие слова, чтобы в стихотворении было просторно человеческим чувствам. Вот описание веселой колхозной свадьбы. Украинский парень женится на девушке из Курской области:

За обедом
За беседой
Длится свадьба славная.
А в углу два мудрых деда
Выясняют главное...

Они не ханжи, эти «два деда», им не чуждо ничто человеческое, но им интересно, где будут жить и работать молодые: на земле сумской или курской? И вот трогательный спор двух стариков становится главной темой стихотворения. Простая и веселая картинка превращается в произведение гражданского звучания. В стихотворении остался задорный плясовой юморок, с которого оно начато, но прибавилось и кое-что еще. И это «кое-что» оказалось не только уместным, но даже и необходимым: стихотворение стало выше.

Будем надеяться, что следующая встреча поэта с читателями принесет им еще больше радости. Еще ярче подымется со страниц новых стихов образ любимой Родины, созданию которого поэт-патриот отдает весь свой темперамент:

Славны сегодня у нас
именины!
Гости сошлись за накрытым
столом:
Здесь москвичи,
Белорусы,
Грузины —
Братья мои и моей
Украины —
С сердцем открытым
И с ясным челом.

Иван Нехода. Стихотворения. Поэмы. Гослитиздат.

В. ТЕЛЬПУГОВ

И взрослым и детям

«Писать для ребят чрезвычайно трудно... Это очень хороший признак, если писатель умеет быть интересным для ребят, они ведь очень тонкие ценители...» (М. Горький).

Агния Барто принадлежит к литераторам, не убоявшимся таких трудностей. Свыше тридцати лет отдает она свой поэтический талант детям и признана ими «своей» писательницей.

Любимая детворой и сама большой друг детей, писательница следует правилу, что с ребенком нужно разговаривать «на равных», что детская литература отличается от взрослой главным образом способом изложения. Агния Барто увлекательно показывает в своих произведениях мир творческого труда, поднимает и возвышает в ребячьих глазах человека, творящего новую, сказочно прекрасную жизнь.

В книге «Про больших и про маленьких» показательно в этом смысле стихотворение «Где живет герой?». В нем нарисованы образы обыкновенных хороших советских людей, жильцов одной квартиры, среди которых

...пока героя нет,
Но он появится вот-вот,
Вы к нам зайдите через
год!

Большинство стихотворений сборника автор адресует не детям, а их родителям и воспитателям. Это стихи, в которых улыбка, теплый юмор поэта зачастую переходят в сатиру, разящую тех, чье неумение или чересчур любовное, излишне «заботливое» отношение к ребенку играет вредную роль в формировании его характера...

Потом удивляется
Доктор наук:
— Какой у меня
Избалованный внук!

Чудесны стихи заключительного цикла книги «Младший брат» — о самых маленьких. В них проявляется лирическое дарование автора, его тонкий, «ребячий» юмор.

Младший брат чихнул
спросонок,
Радуются сестры:
— Вот уже растет ребенок —
Он чихнул, как взрослый!

Сборник «Про больших и про маленьких» с интересом и с пользой прочитают и подрастающее поколение и его воспитатели. И взрослые и маленькие читатели с удовольствием рассмотрят в книге иллюстрации В. Горяева.

Агния Барто. Про больших и про маленьких. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1958.

Н. СЕКУНДОВ

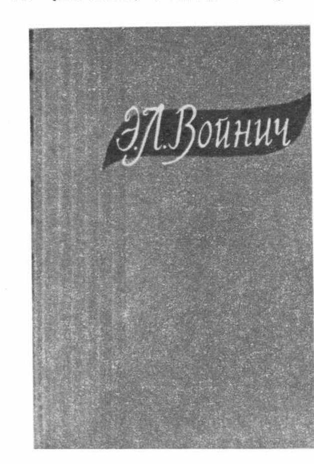
Первое собрание сочинений

Это первое в мире собрание сочинений Э. Л. Войнич, автора знаменитого романа «Овод».

Романы «Овод» и «Оливия Лэтам», а также письма составляют первый том издания.

«Овод» издается на русском языке уже более полувека — с 1898 года. Но до сих пор читатель не имел вполне удовлетворительного текста этого произведения. Теперь восстановлен эпиграф, являющийся ключом к идейному замыслу романа, и впервые опубликовано предисловие автора. В перевод внесены необходимые исправления.

В «Оливии Лэтам» перед нами проходит судьба англичанки, полюбившей русского революционера, который погибает в тюрьме. Роман не переиздавался с 1927 года. В опубликованном переводе устранены искажения и пропуски.

Небольшой раздел писем дополняет известные нам данные биографии и творчества писательницы.

В романе «Прерванная дружба», который помещен во втором томе, читатель опять встречается со своим любимым героем — Оводом. Здесь изображена жизнь Артура после бегства из дому. Еще один роман этого тома — «Сними обувь твою», написанный в 1944 году,— рассказывает о предках Овода, переносит нас в Англию второй половины XVIII века. С этим произведением русский читатель знакомится впервые.

Вступительная статья и комментарии написаны Е. Таратута.

Этель Лилиан Войнич. Избранные произведения в двух томах. Переводы с английского. Том I. 440 стр.; том II. 558 стр. Гослитиздат. 1958.

Е. ЦИНГОВАТОВА

ВОЙНА С ПУСТЫНЕЙ

В тезисах доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС предусматривается увеличить заготовки хлопка-сырца в нашей стране приблизительно до 6 миллионов тонн. Важный путь к выполнению этой большой задачи — продолжение работ по орошению и освоению целинных земель в хлопкосеющих районах Средней Азии. Освоение целины в этих местах началось еще в 1918 году, когда В. И. Ленин подписал декрет об организации оросительных работ в Туркестане. Два года назад партия и правительство приняли решение о дальнейшем наступлении на пустыню. Работы развернулись на стыке трех союзных республик: Узбекской, Казахской и Таджикской. Лежащий здесь огромный массив до сих пор бесплодной земли носит название Голодная степь...

Генрих БОРОВИК

Первая неожиданность

Еще перед поездкой в блокноте появилась первая запись — слова русского инженера Н. Ульянова, старого исследователя среднеазиатских пустынь: «...Боже сохрани сбиться с дороги во время переходов или пролить воду, имеющуюся в запасе: можете быть уверены, что помощи не получите ниоткуда. Прибавьте к этому жару в 40 градусов в мае месяце в тени, сильное отражение солнца, которое нестерпимо беспокоит глаза, изнуренные за время дня, и, наконец, «приятную» ночь на земле в сообществе с фалангами — и вы составите себе хотя бы приблизительное понятие об условиях пребывания в Голодной степи».

В памяти встают фотографии и кинокадры тридцатых годов: зловещая пустыня, десятки тысяч людей с кетменями роют канал, несут землю в поднятых к плечам полах халата. В блокноте еще одна запись — оброненная кем-то фраза: «война с Голодной степью».

И вдруг обнаруживается, что Голодная степь — это не зловеще-величественное песчаное море, а скучная пыльная доска, покрытая рыжей колючкой «янтак». Как мыльные лишаи в неополоснутом корыте, проступают грязно-белые пятна — соль. А вместо традиционного караванного пути — безукоризненная, семиметровой ширины, асфальтированная дорога, стрелой врезающаяся в пыльно-рыжее однообразие. Желтые с черным стрелки на развилках, аккуратные орудовские плакаты, взывающие к осторожности и соблюдению правил обгона. Машины, машины, машины... Самосвалы — их больше всего,— бортовые грузовики, автобусы... Везут механизмы, гравий, цемент, арматуру, какие-то ящики, пассажиров, арбузы и дыни.

Наступает, если хотите, легкое разочарование: «война с Голодной степью» в воображении связана с бездорожьем, смертельной опасностью, самоотверженным героизмом — и вдруг асфальт, ОРУД.

А тут еще в Янги-Ере, в кабинете заместителя начальника Главголодностепстроя Иксана Низамовича Низамова, мы слышим телефонный разговор:

— А мороженое почему не загрузили? Почему, я спрашиваю? Тридцать три тонны! Чтобы во все СМУ.

Эскимо в пустыне!

С этих противоречивых впечатлений и началось наше знакомство с Голодной степью.

Что это такое!

В настоящем — огромная мертвая равнина. В будущем — огромное высокомеханизированное «предприятие» по производству хлопка. Почему именно этот массив избран для первоочередного освоения? Ведь мертвых равнин в Средней Азии хоть отбавляй. Вот почему.

Над равниной стоит в году такое количество ясных солнечных дней, о котором могут мечтать только хлопкоробы да разве еще киноработники. Почвы целинных земель этих настолько плодородны, что после полного освоения они могли бы давать стране, по самым сдержанным подсчетам, миллион тонн хлопка-сырца в год — одну шестую того количества, которое предусмотрено семилетним планом. Под боком протекает Сыр-Дарья, огромный водный резервуар, который может регулярно снабжать степь пресной водой.

— Так за чем же дело стало? Провести каналы, дать полям пресную воду, и можно сеять хлопок,— скажет нетерпеливый читатель.

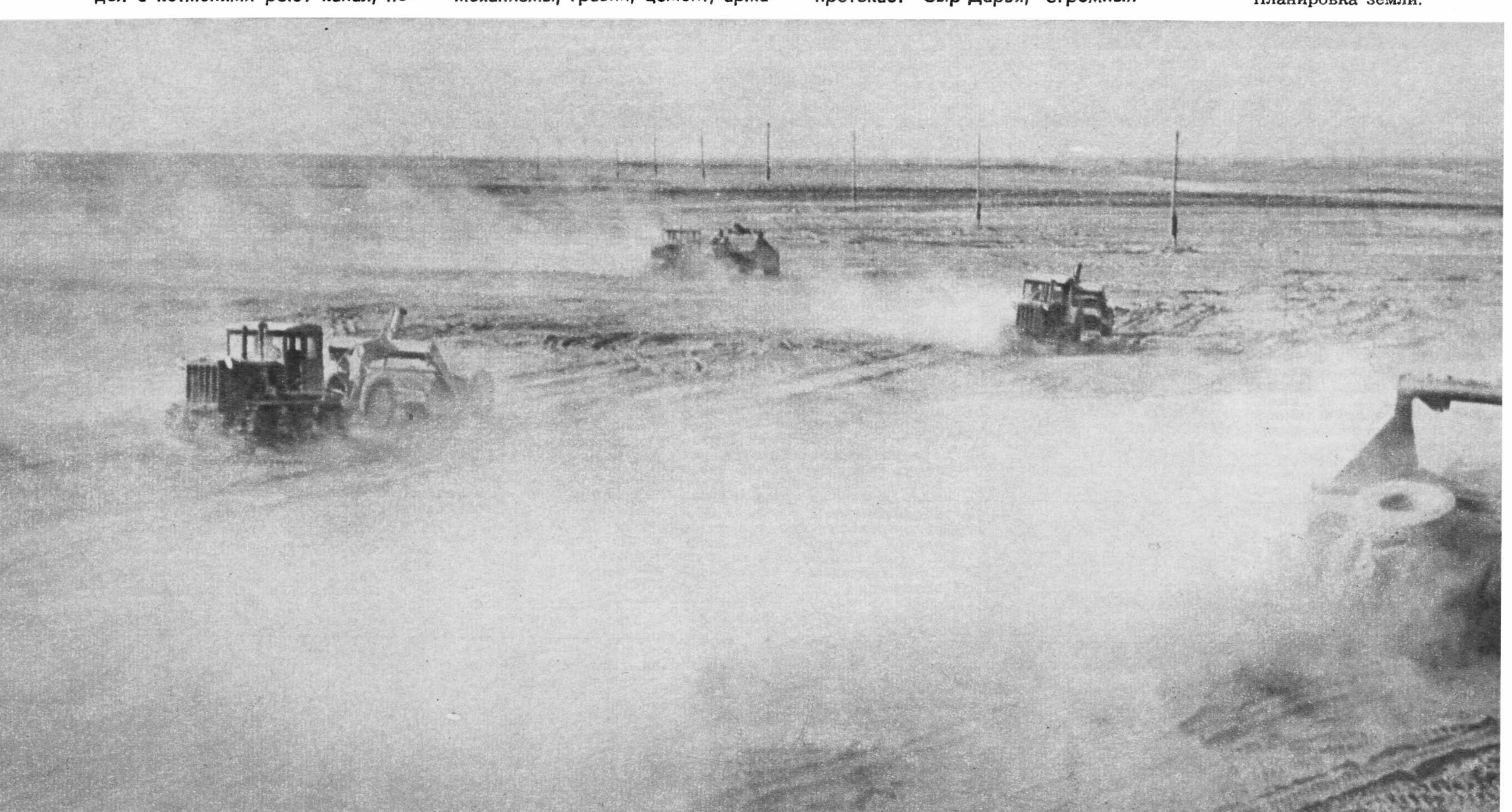
Действительно, провести оросительный канал при современном уровне техники — дело не очень сложное. Можно и воду пустить на полив, можно весной засеять хлопок и получить осенью сносный урожай. Но... И в этом «но» вся проблема здешней целины; через два — три года земля эта перестала бы родить, несмотря на обильный полив и обильное солнце.

Дело в том, что под безжизненной поверхностью степи залегают мощные пласты соленых грунтовых вод, не имеющих естественного стока. Стоит направить на иссушенную землю влагу, стоит допустить ее просачивание под почву, как смертоносные грунтовые воды поднимутся, засолят землю и на долгое время лишат ее плодородия.

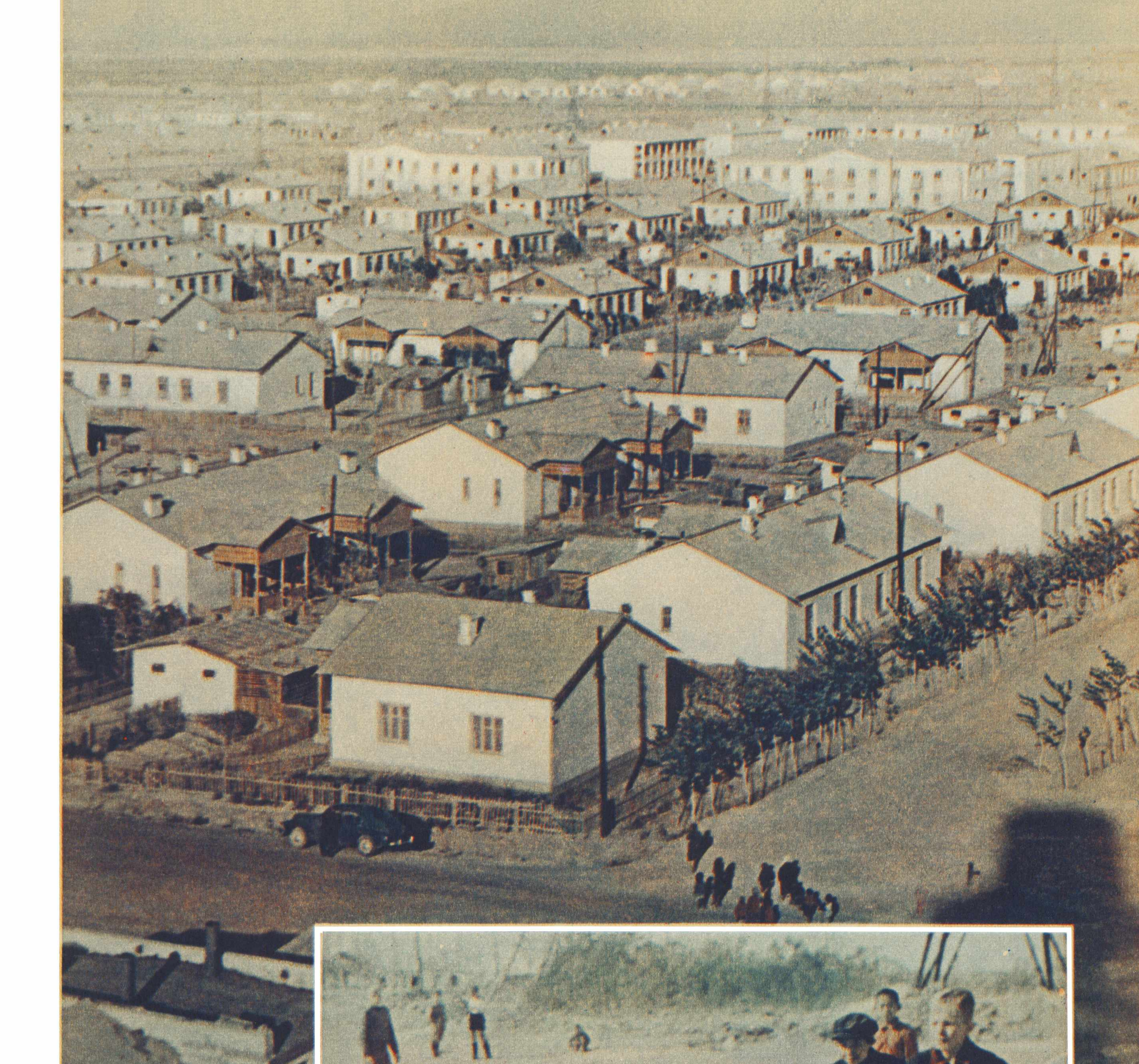
В этом главное противоречие: вода дает земле жизнь, вода приносит земле смерть.

Значит, нельзя «просто» поливать и «просто» сеять хлопок. Вначале надо построить такую оросительную систему, которая давала бы земле ровно столько воды, сколько нужно хлопку, и ни одной капли больше. Надо построить такую дренажную систему, которая не только поглощала бы излишки влаги, но и понижала бы уровень грунтовых соленых вод.

Чтобы построить эти две необы-

Планировка земли.

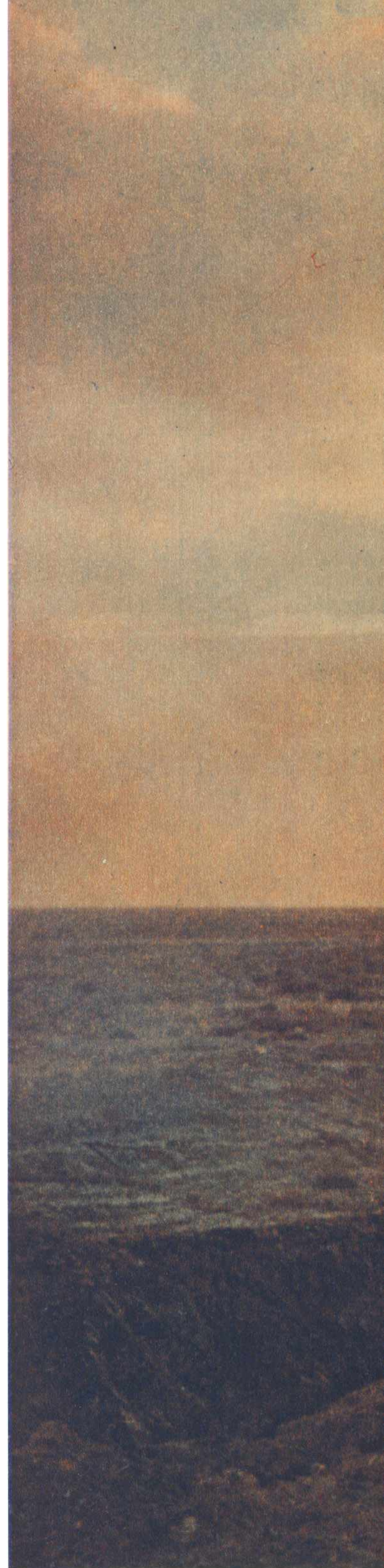

В центре Голодной степи стоит один из самых молодых в Советском Союзе — город Янги-Ер, что означает Новая земля. К сожалению, на фотографии не видна телевизионная мачта. С нее сделан этот снимок.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Ветераны янги-ерского футбола.

«Огонек».

Вспомните фотографии тридцатых годов — десятки тысяч людей с кетменями и тачками на строительстве Ферганского канала. Ныне здесь прокладывают Южный голодностепский канал. На каждом экскаваторе только два человека: машинист и помощник.

Три брата Юнусовых приехали осваивать целину. Это один из них, Асрор Юнусов, бульдозерист. Он окончил десять классов и школу механизации. Степь требует знаний.

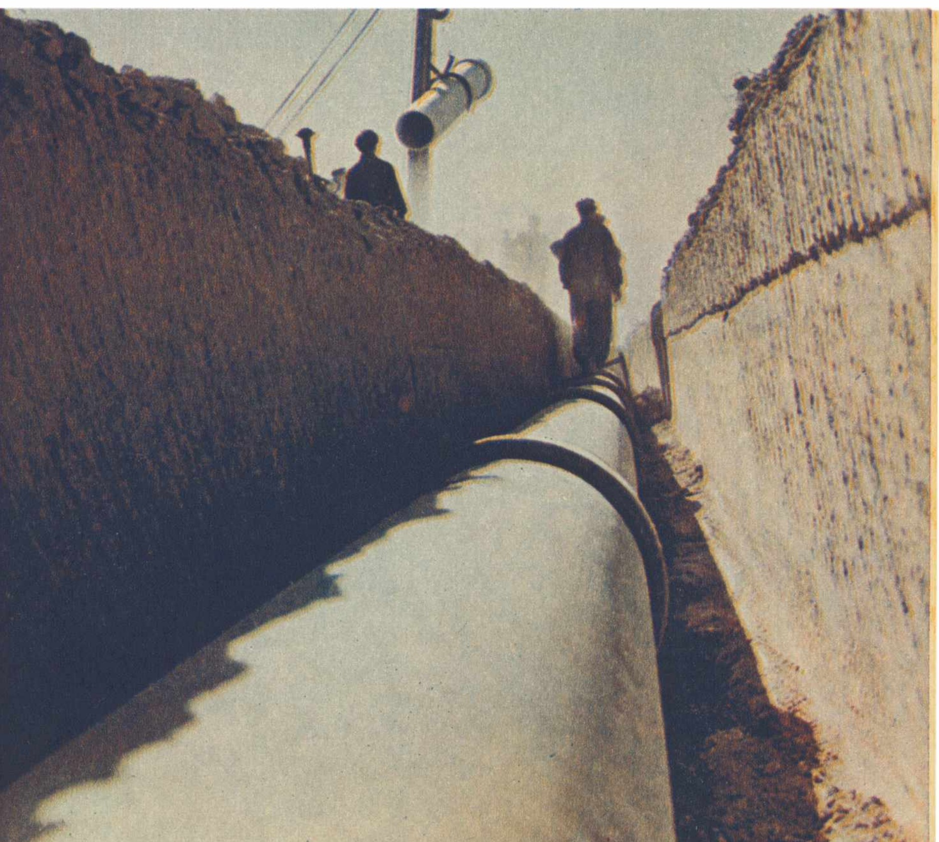
Облицовка канала «Ма М-2» железобетонными п

Трубы укладывают в зем глубину два—три метра. Они собирать излишние грунтов ды и отводить их в сточны лы. Это называется закрыт нажем (внизу справа)

шинный
литами.

млю на
и будут
вые во-
е кана-
ым дре-
).

Заготовительный пункт Баяутского района принимает первосортный хлопок от совхоза «Фархад».

К удовольствию строителей и пожарных совхоза № 4, чайхана построена возле пожарного бассейна.

чайно мощные и в то же время математически точно отрегулированные взаимозависимые системы, надо выполнить земляные работы, объем которых равен объему земляных работ на каналах Москва — Волга, Волга—Дон и на Куйбышевском гидроузле, взятых вместе.

Кроме того, надо поставить дома для армии освоителей, которые будут трудиться здесь, в совхозах. Надо воздвигнуть заводы, снабжающие строительство железобетонными конструкциями, гравием и песком, стеновыми блоками, кирпичом и другими материалами.

И только тогда степь начнет давать стране хлопок. Конечно, его начнут сеять по мере освоения отдельных участков. Но полностью Голодная степь будет освоена только с окончанием всего комплекса работ.

Вот что такое целина на стыке трех среднеазиатских республик. Обо всем этом рассказал нам Иксан Низамович Низамов, заместитель начальника Главголодностепстроя, после того как отрегулировал вопрос с тридцатью тремя тоннами мороженого.

Кубометр битого кирпича

Строительно-монтажное управление № 4 занимается строительством одного из совхозов, сеть которых со временем покроет всю Голодную степь.

В самом центре расположения СМУ-4, на пустыре,— большой цементный круг диаметром метров в пятнадцать, похожий на гигантскую кнопку, воткнутую в центр целинных земель. Кнопка эта ничем не огорожена, над ней дуют свирепые ветры, по ней метет поземка, ее усердно нагревает солнце; до Янги-Ера, ближайшего населенного пункта, от этой кнопки — километров пятьдесят. Можно подумать, что здесь крыша какого-то подземного завода или стенд для машины, улавливающей солнечные лучи. Но совершенно невозможно догадаться, что таинственная кнопка — обыкновенная танцплощадка.

Кнопка делит СМУ-4 на две части. С одной ее стороны маленький городок из сотни вагончиков, в которых живут строители совхоза. С другой — намечающиеся кварталы центральной совхозной усадьбы — десятка три построенных, строящихся, закладываемых домов.

Я беседую с секретарем партийной организации СМУ-4 Иноятом Жилкибаевичем Жилкибаевым. Он здесь, в СМУ, с самого начала работ.

— Когда вы сюда приехали? — спрашиваю я его.

— В ночь на четвертое февраля этого года, с первой партией строителей. Из Заамина, километров сто отсюда. Было нас около девяноста человек.

— Расскажите, Иноят Жилкибаевич, поподробнее об этих первых днях. Как пробирались по бездорожью, как землянки рыли, как боролись с суровой природой.

Жилкибаев смотрит на меня чуть удивленно:

— Нет, зачем по бездорожью! Прежде чем начать строить совхоз, сюда провели асфальтовую дорогу. Всего четыре километра пришлось по степи ехать. А землянки... Мы их не рыли. Здесь уже вагончики стояли новенькие — шестьдесят штук, с электростанцией и радиоузлом. Мы как приехали, провода протянули, и, пожалуйста, зажглись огоньки в степи...

Я ночевал накануне в одном из этих домиков-вагончиков. Он разделен на три части: посередине — маленькая кухня, с боков — по комнатке размером с два купе железнодорожного вагона. Комнатка на четыре человека. Радио, электричество, центральное паровое отопление. Стены деревянные, двойные, со шлаковой прокладкой. Есть вагончик-баня, вагончик-котельная, электростанция, радиоузел, библиотека, медпункт — в общем, маленький благоустроенный городок в степи. Его можно перевозить по железной дороге, на грузовиках, на санях, тащить волоком. Очень удобные вагончики и какие-то... негероические!

— Нет, вы не думайте,— смеется Жилкибаев,— что мы тут утопали в комфорте. Неприятного хватало. Например, где-то на железной дороге затерялись вагончик-баня и вагончик-котельная. Так что зимой пришлось плитками отапливаться. Но все-таки периода землянок у нас не было...

— Ну хорошо, а дальше?

— А дальше начали строить усадьбу совхоза. Прежде всего жилые дома. Ведь вы знаете, какой принцип освоения здешней целины: построить все до последнего хлопкового навеса, до последней калитки в саду работника совхоза, обеспечить хозяйство всеми машинами, я уж не говорю о подготовке земли к посеву хлопка — это само собой,— и только тогда руководство СМУ передает «ключи» руководству будущего совхоза.

Строим мы на совесть, никаких «времянок». У каждого дома уже сейчас садик высаживаем, чтобы люди приехали и уют чувствовали. Ну, а по сути, для себя строим. Строители постепенно из вагончиков в новые дома перебираются, и большинство, конечно, здесь навсегда обоснуется, в совхозе будет работать. Если вы бывали на освоении целины года три назад, так вам понятно, что здесь новый принцип освоения. И об удобстве строителей никогда раньше столько не думали...

Там, где стоят аккуратные совхозные домики, ходят руководители СМУ и представитель Янги-Ерского горкома партии Коробовский.

— Вагончики для строителей всем укомплектованы? — спрашивает товарищ из горкома.

— Да,— отвечает молодой начальник СМУ Усман Шарипович Алимбаев.— Все как надо.

Представителю горкома показывают собственную пекарню, где выпекают узбекские лепешки.

— Вот это правильно, вот это молодцы! — искренне радуется тот и тут же подает совет: — А в столовой вы обязательно панельки сделайте. Светло-зеленые, например, и с каемочкой.

— Это хорошо, что электропроводку до штукатурки крéпите, гораздо красивее,— продолжает представитель горкома, нежно поглаживая рукой кирпичную стену в одном из домов.— Как дома — ничего, удобные?

— Ничего. Только немножко критики не выдерживают,— отвечает вежливый Алимбаев и поясняет: — Строительная площадь большая, а жилая маленькая. Проектировщики тут всяких перегородок наделали и лишних дверей, они и мешают. Но мы проект немного «перефразировали» — все стало нормально. Ведь не для проекта делаем, для людей... А вообще хорошие дома: вот видите, есть душ, здесь кухня, отопление центральное.

Я беседую с разными людьми: плотниками, инженерами, каменщиками, штукатурами, прорабами, подносчиками, ирригаторами, «академиками» и даже «борьбистами» — есть и такие в великой семье строителей. Так зовут здесь сотрудников Узбекской академии наук, которые изучают методы борьбы с пожирателями деревянных строений — термитами — местной разновидностью муравьев. Разные люди эти толкуют мне о разном.

— Вот с малой механизацией у нас нелады,— говорит плотный, небольшого роста человек.—Я до этого СМУ в Ташкенте работал прорабом. Однажды начальник строительства у меня на участке носилки заметил: транспортер заело, мы на них кирпичи подносили. Начальник тогда приказал мне носилки самолично к тресту доставить. Он их там рядом с доской показателей поставил и мелом написал: носилки эти принадлежат прорабу такому-то. Вы моей фамилии не записывайте, товарищ корреспондент: на всю страну ведь ославишься. Стояли они там месяца два, и на каждом собрании, как выступаю, так в зале хохот. «А,— кричат,— владелец носилок на сцене!»

А здесь у нас носилкам пока еще почет и уважение. Транспортеров мало, кранов, бетономешалок...

Меня знакомят с тремя довольно мрачными людьми. Это озеленители. Два озеленителя, помоложе и похудощавее, в кепках, один постарше, пополнее, в синей велюровой шляпе, поля которой напоминают море в штормовую погоду. Сумрачность озеленителей объясняется какими-то неполадками в доставке саженцев. Они пользуются присутствием товарища из горкома, чтобы выложить свои претензии. После этого лица их светлеют, и они рассказывают мне, каким парком-садом будет этот пока еще только зарождающийся на целине совхоз номер четыре. Возле каждого дома высаживается фруктовый садик, улицы усадьбы озеленяются. В степи — полезащитные полосы.

— Сажаем мы разные деревья. Больше всего акацию и дуб. Они лет на сто. А надо бы сажать чинары,— говорит владелец штормовой шляпы,— они живут до восьмисот лет, а отдельные особи — и до тысячи.

Черт возьми, тысячелетие! И каким обыденным, озабоченным тоном это сказано!

С бригадиром каменщиков Николаем Александровичем Кутумовым разговор пошел о «войне с пустыней», о героизме. Высокий, пожилой, с носом уточкой и невынимающейся сигаретой в зубах, присев на пыльные доски, он задумчиво объясняет мне:

— Вот вы говорите: «война со степью». Правильно, конечно. Только героизм по-разному понимают. Один считает: если не есть, не спать, день и ночь работать,— это и есть героизм. А по мне, такой героизм нам сейчас вреден. Нельзя человеку изнашиваться раньше времени. Теперь героизм вот в чем: больше соображать и дело свое знать до последнего кирпичика. Вот...— Кутумов прикурил от старой сигареты новую.— А у нас в бригаде... Что ж, у нас?.. Вот к XXI съезду хотим семь домов поставить — это перевыполнение, значит. И потом еще одно достижение: мы после каждого дома не больше одного кубометра битого кирпича оставляем. Экономия большая получается. Это ведь тоже война.

Даляда

Но строительство жилых домов, столовых, озеленение совхозных усадеб — это только одно из направлений войны с целиной. В конце концов урожаи хлопка будут зависеть от подготовки земли, а точнее, от того, как будет решено основное противоречие: земле нужна вода, земля боится воды.

Именно там, на будущих хлопковых полях,— главное направление.

— Если хотите увидеть подготовку земли, езжайте в совхоз «Фархад»,— посоветовали нам в Янги-Ере.— Они в будущем году засевают четыре тысячи гектаров хлопком, так что подготовительные работы в самом разгаре.

В конторе совхоза «Фархад» гулко и пусто. Все двери заперты, ни одна живая душа не подает голоса. Наконец в коридоре появляется бородатый старик в стеганом халате, опоясанном цветным платком, тюбетейке и запыленных калошах, надетых на мягкие сапоги.

— Где директор? — спрашиваем.

— Даляда, — отвечает старик. В поле то есть.

— А заместитель?

— Даляда.

— Агроном?

— Даляда.

— А вы кто, папаша?

— Я? — Старик одергивает халат и многозначительно произносит: — Актив — вот кто.

Вся центральная усадьба совхоза — а это ни много, ни мало несколько сот домов — тоже будто вымерла. Светлые, аккуратно оштукатуренные домики, обсаженные молодыми, но уже крепкими деревцами. Четко прямые улицы, двухэтажное здание правления, такое же здание школы, библиотека-читальня, цементная площадка-кнопка, такая же, как в СМУ-4, но здесь уже аккуратно огороженная зеленой деревянной изгородью, и рядом игрушечная раковина-эстрадка, где могут поместиться два — три баяниста. Большой красивый летний кинотеатр, он же клуб. И ни одной души. Все «даляда» — собирают хлопок.

Совхоз «Фархад» начал свою жизнь еще до решения партии и правительства о наступлении на пустыню. Вначале землю осваивали, как говорят здесь, «варварски»: просто поливали, не тревожась о засолении почвы. Теперь придется переделывать. Это труднее, чем готовить землю заново. Но урожаи есть. И сейчас, как стадо белых слонов, покрытых попонами, стоят бунты белоснежного хлопка. Голодная степь уже дает здесь продукцию.

В следующем году совхоз освоит еще четыре тысячи гектаров целины. На этих четырех тысячах сейчас в миниатюре отражается то, что происходит на

всем огромном целинном массиве.

Вот вдоль магистрального канала движется подъемный кран. Он поднимает тяжеленные бетонные плиты и осторожно опускает их на стенки и дно канала. Здесь рыхлая, гравийная почва, и строители облицовывают канал бетоном, чтобы не допустить просачивания воды. На работе этой занято всего шесть человек.

Километров через пять вы встретите трактор с небольшим подъемным механизмом. Трактор деловито снует около глубокой, неправдоподобно ровной траншеи, укладывает в нее широкие асбоцементные трубы — оросительный трубопровод от магистрального канала. Трубы засыплют потом землей. Вода будет подаваться отсюда наверх по шлангам и попадать на поля в виде дождя. Ни одна лишняя капля не просочится в землю, ни одна не испарится под жарким солнцем. Вся бригада здесь — девять пропыленных, загорелых, ладных людей.

Еще пяток километров — и ваше внимание привлекает странная машина. Она роет узкую, глубокую — метра в четыре — траншею, засыпает дно гравием и кладет на эту гравийную подушку короткие трубы, одну за другой, одну за другой. На этой сложнейшей работе — всего два человека, причем один из них еще успевает побывать на базе и устроить скандал: почему трубы не вовремя подвозят.

Это дреноукладчик, сконструированный местными механизаторами. В трубы через гравийную подушку будет собираться грунтовая вода и стекать в особые водоприемники.

Нужно проехать еще несколько километров, чтобы на огромном поле увидеть десятка полтора бульдозеров. Поднимая тучи пыли, они методично и деловито, как в хорошей гладильне, утюжат землю: чтобы ни одной морщины, ни одной складки, ни одного бугра. Только тогда можно будет полностью механизировать и посев и сбор хлопка.

— Вы знаете, дорогой товарищ, что такое полная механизация? — говорит мне мечтательно и в то же время хитровато прищурясь заместитель директора совхоза «Фархад» Муминов.— Вот вы Волго-Дон видели? Шлюзы знаете? Сидит в кабинке девица, одну кнопку нажимает — вода поднимается, другую кнопку отпускает — вода уходит. У нас этого пока нет. У нас одной рукой арык закрываешь, другой — железку отпускаешь, третьей — еще чего-нибудь делаешь. Потом железку заедает, ее кетменем бьешь, железку ломаешь, вся ирригация кувырком летит. А в будущем году не-ет, дорогой товарищ, будьте любезны! Агроном вечером телефонную трубочку поднимает, говорит: «Сто гектаров, будьте добры, полейте». На другом конце провода девица карандашик берет, его слова записывает, потом кнопочку нажимает — дождичек брызгает. Все эти арыки, канавы зароем! Навсегда! К этому прибавьте, пожалуйста, что сеют хлопок машины и убирают тоже машины. Вот что такое механизация, дорогой товарищ!

От совхоза «Фархад» ведет в Янги-Ер великолепная асфальтовая дорога. Если освоение целины изобразить условно в виде суммы слагаемых, то первым слагаемым будут дороги. Причем вопреки законам математики общая сумма очень изменилась бы от перестановки первого слагаемого на другое место: вылетели бы в трубу миллионы рублей в виде покалеченных бездорожьем автомобилей. А здесь правило: прежде всего дорога. Довели дорогу до намеченного места — начали строительство. О такой математике поэмы писать можно!

Вдоль шоссе, в сотне метров от него, высятся правильной конической формы холмы — вынутая экскаваторами земля из строящегося Южного канала, главной водной артерии Голодной степи.

Потом появляются и сами экскаваторы. Их всего пять, стоящих гуськом вдоль трассы канала на расстоянии двухсот—трехсот метров друг от друга. Пять сосредоточенно работающих механизмов — и ни живой души. Только мертвая степь, прошитая первоклассным шоссе. А за экскаваторами цепью тянется гряда холмов, похожих на фантастический непрерывный караван верблюдов. На Востоке правильно говорят: караван — это ритм пустыни.

«Ищу учителя!»

Но для того, чтобы степь зацвела хлопком, нужна вода. Неужели хватит желто-зеленых вод Сыр-Дарьи, которую и так три республики разбирают «по частям»? Ответ на этот вопрос мы получили, что называется, «из первых рук». Однажды утром в городской столовой Янги-Ера поднялся из-за стола темноволосый человек с моложавым скуластым лицом и весело объявил:

— Ищу учителя немецкого языка для Чардарьинской школы!

— Условия!— крикнул кто-то из другого конца комнаты.

— Зарплата около тысячи двухсот в месяц, подъемные.

— Комната?

— Комната через десять дней. Сегодня буду в главке, фамилия моя Касымов...

Касымов! Это же начальник строительства Чардарьинского водохранилища.

В тот же вечер я беседовал с Ашимом Касымовичем Касымовым, депутатом Верховного Совета Казахской ССР.

Мы сидим в пустой приемной Янги-Ерского горкома партии. Днем здесь обычно очень оживленно. Приходят и уходят строители, звонят телефоны, кто-то кого-то дожидается на этом вот большом диване, кто-то с кем-то громко разговаривает. И сейчас в необычной обстановке тишины и тщательно вымытых полов комната приемной кажется незнакомой, чужой.

— Эх, жалко, карты нет! — сокрушается Касымов.— Ну, ничего, вот представьте себе нашу Сыр-Дарью.— Он проводит ногтем большого пальца по поверхности стола.— Она протекает по территории трех республик — Таджикистану, Узбекистану и Казахстану. И все три республики сидят на голодном водном пайке, да еще и очень неравномерном. Летом оросительные каналы «висят»: им не хватает воды,— а во время паводка разрушаются.

Обратите внимание еще на одну несправедливость природы. Огромные массивы земли пропадают без воды, а Сыр-Дарья преспокойно и совершенно бесполезно отдает свою воду Аральскому морю.

Вот и возник проект — закрыть Сыр-Дарью. Создать водохранилище, чтобы накапливать в нем зимой и во время паводка воду, а летом использовать ее для орошения. Таким образом, ни одна капля воды не пропадет бесполезно.

Касымов проводит пальцем по воображаемому руслу Сыр-Дарьи.

— Начали искать место — и на территории Казахстана нашли замечательную природную чашу, в которой можно разместить не менее пятидесяти миллиардов кубометров воды. Всю ее мы использовать не будем и построим водохранилище на излишек воды, который уходит ежегодно в Аральское море.

Теперь давайте посмотрим, что даст нам это строительство. Во-первых, мы получаем воду, которой хватит для орошения новых целинных земель; во-вторых, мы избавляем совхозы и колхозы низовья от недостатка влаги летом и от разрушительных наводнений в паводок; в-третьих, мы имеем возможность построить на плотине ГЭС.

Вот вам значение строительства...

Ашим Касымович пошарил руками в необъятных карманах своего необъятного брезентового плаща, нашел сигареты, спички, но не закурил, а положил на стол перед собой.

— А зачем вам понадобился учитель немецкого языка?—спросил я.

Касымов добродушно сощурился:

— Для школы. Третьего августа этого года поставили мы на строительстве первую палатку и стали собирать щитовые дома. Приехали строители, многие с детьми. А до первого сентября — всего двадцать дней. Старших ребят я сюда, в Янги-Ер, отправил, в интернат их устроил, а начальную школу открыл у себя. Разместили ее в большой палатке: доску повесили, парты завезли, учительница у нас хорошая оказалась—жена одного строителя. Сидят девчонки, косичками крутят, мальчишки за те косички дергают. Все чин по чину!

Ну, а теперь настоящую школу соорудили. Только вот никак преподавателя немецкого языка не найдем...

Я спрашиваю Ашима Касымовича, сколько лет уже работает он в водном хозяйстве. Оказывается, почти тридцать. И всегда на местах, на участках, на строительстве. А в начале этого года перевели его в Алма-Ату, в Главное управление водного хозяйства при Совете Министров Казахстана, заместителем начальника главка. Работа вроде бы поспокойней, не такая суматошная, как раньше.

— Но только никак привыкнуть не мог,— рассказывает Ашим Касымович.— Проснешься ночью — лежишь в хорошей кровати. Тишина. Трактора за окном не шумят, ветер не воет, пыли нет, чистенько. А на душе как-то заноет, заноет. Скучал. Привычка... Ну, а сейчас снова на месте. У каждого человека свое.

Касымов поднялся.

— Ну, все, кажется. А теперь, извините, пойду. Мне завтра рано утром на строительство, а погода, видите, какая! И ребят наших, школьников, надо еще проведать. Они тут в гостинице обитают...

* * *

Такова эта большая, трудная, математически точная и противоречивая, со своим особым ритмом и характером, очень человечная война с пустыней на стыке трех среднеазиатских республик. В тезисах доклада Никиты Сергеевича Хрущева о ней сказано несколькими скупыми словами: «Намечается продолжить работы по расширению орошаемых земель...»

И работы продолжаются — днем и ночью, в жару и стужу,— чтобы превратить мертвую степь в громадный завод по производству хлопка.

Трудно сказать, как попал в этот городок строителей совхоза «Фархад» настоящий железнодорожный вагон!

Из парня вышел толк

Рассказ

Джон МУР

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Сидя на баке в лучах заходящего солнца, которое опускалось за Ланди, Эмос закончил кораблик. И он знал в момент завершения своих трудов, что это — лучшее его творение. Он и раньше мастерил кораблики и вставлял их в бутылки. На то, чтобы сделать «Катти Сарк», ему понадобилось четыре года. Полученные деньги он пропил за столько же дней. Над этим корабликом, «Талаверой», он трудился с 1939 года, когда впервые увидел его изображение в публичной библиотеке; и с тех пор он поглощал все его мысли. Эмос ходил в библиотеку согреться, когда остался без работы; но потом стал возвращаться туда, чтобы перерисовать из старой книги оснастку и рассчитать масштабы «Талаверы», на которой его отец еще подростком плавал вокруг света. Пятьдесят дней от Кардиффа до бухты Алгоа, двадцать восемь от бухты Алгоа до Литлтона, семьдесят четыре от Литлтона до Лизарда. Сколько раз отец рассказывал ему все подробности этого путешествия! И Эмос, сидя в тихом читальном зале, водил огрызком карандаша, пока не вычертил «Талаверу» в точных масштабах.

Этот чертеж, уже почти стершийся, лежал в его кармане во время всех странствий в течение одиннадцати лет. Десяток раз он пересекал Атлантический океан (теперь находится работа и для старых, поизносившихся моряков), побывал на юге — в Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айресе, на севере — в Мурманске, прошел по Средиземному морю с караваном судов до Мальты, плавал вокруг мыса Доброй Надежды в Коломбо и Бэмбей. Однажды, когда судно было торпедировано и спасательную лодку два дня кидало по волнам близ Азорских островов, чертеж намок и испачкался. Все это время маленькая деревянная моделька, вырезанная еще вчерне, без оснастки, лежала в другом кармане фланельки Эмоса вместе с трубкой и плиткой жевательного табака. Это было все его имущество, когда он сошел со спасательной лодки в Фаяле.

Мачты он выстрогал в 1945 году в Тихом океане. Оттуда танкер, на котором он плавал, направился в Сидней, где Эмоса ждала телеграмма, извещавшая о смерти жены, и на некоторое время незаконченная модель была заброшена и забыта. Завернув ее вместе с чертежом в зюйдвестку, он засунул ее в бесформенный сверток, в каких обычно хранят свои пожитки те, у кого нет очага. Когда же Эмос вернулся домой и поселился у своей сестры, она надоумила его снова приняться за игрушку, чтобы «не раскисать». Там, в домишке на окраине Кардиффа, он начал выкраивать паруса.

Иногда он возился в садике, кормил кур и с гордостью выращивал лук-порей, стрелки которого были не толще карандаша, и капусту, которая не завивалась в кочаны. Так он впервые открыл, что безделье может быть приятным для человека, скопившего пятьдесят фунтов. Он стал подумывать о покупке собственного домика и мечтал откормить свинью. И вот однажды, когда он, предавшись мечтам о свинье, старательно пришивал риф-сезени к гроту, как снег на голову свалился Сек в сопровождении девицы.

Эмос сразу не мог вспомнить, видел ли он ее раньше, потому что все девицы Сека были похожи одна на другую, как две капли воды: ярко и неряшливо накрашенные губы, бледные, безжизненные лица, плоские груди, словно стиснутые опущенными плечами. Говорили они редко, но все время жевали резинку и бесстрастно напевали вполголоса песенки из кинофильмов. Девицы такого сорта обычно проводят целые дни в дешевых балаганах, играя в нудные игры, а по ночам, наверное, отдаются без любви на заброшенных пустырях среди развалин, оставшихся со времен войны.

Эта девица, как видно, была новая. Эмос, однако, не успел с ней познакомиться, так как через несколько минут Сек повернулся и сказал ей:

— Вот что, ты давай сыпь, прогуляйся до конца улицы.

И девица, опустив плечи и уныло напевая «Я на все готова для тебя», вышла из калитки садика. И тогда Сек сказал (Эмос знал, к чему это клонится):

— Я опять попал в переделку, отец.

— Да? — спросил Эмос сдержанно.

Засунув руки в карманы и привалившись к подоконнику, Сек начал рассказывать, в какую переделку он попал. Речь шла о покупке в рассрочку подержанного автомобиля, сделке, которая была непонятна Эмосу, оплачивавшему наличными все свои немудреные покупки. Секу не удалось раздобыть денег на последние три месячных взноса, и ему угрожало судебное дело. Не может ли он в таком случае вернуть автомобиль? Нет, не может, потому что он «ну, вроде одолжил его одному парню». А нельзя ли забрать его обратно у парня? Нет, потому что машина попала в небольшую аварию и починка обошлась бы в тридцать фунтов. Но вот если бы удалось найти тридцать фунтов, то машину можно было бы выгодно продать, расплатиться с фирмой, и все, включая Сека, с честью вышли бы из положения да еще получили бы барыш.

Эмос слушал знакомую песню, лишь наполовину вникая в суть дела. Неприятности Сека, так же, как и его девицы, были на один лад. Все было сложно, запутанно, и, хотя до настоящего воровства или подлога дело не доходило, постоянно возникал тревожный призрак судебного дела. Никогда причиной этих неприятностей не были ошибки или недомыслие Сека, напротив, они каким-то таинственным образом проистекали из его ума. После всех этих тяжких лет Эмос все еще цеплялся за несколько пошатнувшуюся веру в ум Сека. Ребенком он был умен, и наставники в исправительной школе, куда он попал после первой неприятности, говорили, что он смышленый парень, из которого должен выйти толк. Потом произошла история с телеграммой по поводу ставок на скачках, которую Эмос, не умевший ни читать, ни писать, считал в своем роде ловкой затеей. Но снова возникла угроза судебного дела, и пришлось сунуть букмекеру

двадцать фунтов. «Если бы дело выгорело,— сказал тогда Сек с беззаботным видом,— я бы разбогател». Удивительно, что, когда Сек попадал в беду, богатство и — странным образом — почет всегда бывали так близки. Вот и теперь, как обычно, честь можно было восстановить да еще подзаработать, если только найдется каких-нибудь тридцать фунтов.

— Право слово, — сказал Сек, так глубоко засунув руки в карманы, что ватные плечи его двубортного пиджака высоко поднялись, делая его похожим на горбуна,— право слово, отец, тридцать три фунта и пятнадцать шиллингов.

Эмос не сразу ответил. На столе перед ним лежал игрушечный кораблик, и он продолжал пришивать риф-сезени к парусу. «Пусть помучается, — говорил он себе, — пусть немного помучается». И он подумал о пятидесяти фунтах, отложенных на черный день, и о том, что за пять фунтов он мог бы купить поросенка, но в душе он знал, что Сек в конце концов выманит у него эти пятьдесят фунтов.

Сек же, рассказав о своей новой неприятности, прекратил разговор и принялся слоняться по комнате. Его даже как будто заинтересовала работа, которую делал Эмос. Во всяком случае, он взял корпус кораблика и, разглядывая его, как любопытная сорока, заметил, что получается забавная штучка.

— Ты все со своими корабликами возишься, — ухмыльнулся он снисходительно. — Как он называется?

— «Талавера». Водоизмещение — тысяча семьсот девяносто шесть тонн. Твой дедушка...

— Знаю, знаю. Ты мне уже сто раз говорил. Плавал вокруг света.

— Сто пятьдесят три дня, — сказал Эмос.

— Теперь на самолете можно облететь вокруг света дня за три.

Сек явно не видел никакого преимущества в том, чтобы плыть вокруг света сто пятьдесят три дня, но пролететь на самолете за три дня замечательно, потому что это «экономит время». У Сека всегда была масса идей насчет того, как «сэкономить время». Когда он претворял их в жизнь, частенько дело кончалось тем, что его выгоняли с очередной таинственной работы, на которую он время от времени устраивался.

— Это сэкономило бы, — сказал Сек, быстро подсчитав в уме, — двадцать одну неделю и шесть дней!

Эмос по своей простоте осмелился подивиться, в чем смысл экономии времени, когда все равно встанет вопрос, как его использовать, или, выражаясь словами Сека, как «убить» время. «Что ты делал?» — обычно спрашивала его мать, когда он опаздывал к обеду. «Да просто болтался, чтобы убить время». Даже в возрасте шестнадцати лет он стремился убить время. Поэтому, а не потому, что ему нравились кинофильмы, он ходил четыре раза в неделю в кино; поэтому, а не потому, что ему нравились пиво и компания, он шатался по пивным; поэтому, наверное, он якшался с подозрительными девицами. «Они ведь помогают убить время», — говорил он.

Новая девица вернулась с прогулки. Хлопнула входная дверь, и, напевая себе под нос, она вошла в комнату, сообщница Сека, помогавшая ему убивать часы и минуты. Она была похожа на автомат. Сек велел ей прогуляться до конца улицы, и она исполнила приказание. Она не произнесла ни слова, а стояла, опустив плечи и поглядывая вокруг без всякого интереса. Челюсти ее двигались автоматически, жуя резинку.

Сек спросил с деланной бодростью:

— Так как же, отец, с нашим дельцем?

И Эмос понял, что дальнейший разговор бесполезен. Во всяком случае, он не мог спорить с Секом в присутствии девицы и, пожалуй, был даже рад этому, потому что длительные споры с Секом утомляли его. Когда он был помоложе, он пытался урезонивать парня, уговаривал его научиться ремеслу или стать моряком: «Море, брат, сделает из тебя человека». Потом он выходил из себя, ругал и проклинал Сека, а однажды — это было очень страшно — со всего маху ударил его по бледному лицу. Но результат всегда был один: в конце концов он платил, и, хотя он ни за что не признался бы в этом, он знал, почему платил. Просто потому, что, несмотря ни на что, он любил это существо — безрассудно, нелепо, сам того стыдясь. И когда Сек захлопнет калитку садика и пойдет по улице со своей девицей, Эмос почувствует себя совсем одиноким.

Поэтому он отложил парус, который сшивал, поднялся и сказал:

— Пойду принесу.

Вернувшись, он сразу почувствовал, что атмосфера в комнате изменилась. Даже девица повеселела и раза два что-то сказала, правда, очень тихим, усталым голосом, называя Сека почему-то «Бука». Сек говорил с какой-то лихорадочной оживленностью. Он нервно шутил и сам громко смеялся своим шуткам. Потом он сделал вид, что вдруг заинтересовался моделькой «Талаверы», поднес ее к окну и стал рассматривать.

— Ты слишком долго возишься с этими пустяками, отец. Слишком много деталей. Они выглядели бы так же хорошо, если бы не были такими мудреными. Вот, например, эти штучки...

— Боканцы, — сказал Эмос. — На них будут подвешены лодки.

— Ну и что ж, их можно было вырезать из одного куска с корпусом, все эти лодки и боканцы. Они выглядели бы точно так же, если их подкрасить. Надо экономить время!

Эмос знал, что объяснять нет толку, но все-таки попытался.

— Боканцы — это не часть корпуса, а часть оснастки. Лодки подвешиваются к ним на фалах. Я смастерю маленькие блоки и тали, понимаешь, и лодки можно будет спускать...

— К чему же их спускать, когда кораблик будет в бутылке? — засмеялся Сек. — Хотя, пожалуй, это помогает убить время, — добавил он снисходительно, — наверное, тебе скучно ничего не делать целый день.

Он собрался уходить. Взяв девицу за худую руку выше локтя, он стал подталкивать ее к двери. Подобно кукле, она послушно двигалась. Они вышли, и Эмос последовал за ними. У калитки он протянул Секу деньги в конверте, и Сек коротко сказал:

— Спасибо, отец, до скорого.

Девица протянула Эмосу руку, но не попрощалась, если только не считать за прощание конвульсивное подергивание ее челюстей, перекладывавших жевательную резинку. Парочка пошла по улице, и Эмос наблюдал, как при каждом шаге вихляются тощие ноги девицы, обутые в туфли на высоченных каблуках. Он слышал, как она сказала: «Пошли в киношку, Бука».

Когда они скрылись из виду, его охватило знакомое чувство одиночества, и он долго стоял, прислонившись к калитке, погруженный в мысли. Он даже почувствовал облегчение, когда наконец решил снова отправиться в море. У него осталось всего семнадцать фунтов да пенсия по старости. Воспоминание о тех временах, когда он жил на пособие по безработице, порождало у него отчаянный страх перед бедностью. Домик и свинья улетучились из его мыслей, и, войдя в комнату, он начал собирать свои пожитки. В самую середину узелка он положил «Талаверу», завернув ее аккуратно вместе с мачтами, недошитыми парусами, шпульками с шелком и драгоценным засаленным чертежом, который он так давно скопировал в публичной библиотеке.

И вот наконец корабль готов! Расправив паруса, белые и прекрасные, как крылья чайки в лучах заходящего солнца, он устойчиво стоял внутри прозрачной бутылки, где будет сохраняться годы и годы, быть может, целый век, думал Эмос, охваченный гордой радостью творчества; бывали случаи, когда кораблики в бутылках хранились и дольше. Глядя на «Талаверу», он знал, что никогда больше не сделает другого кораблика. Да и ни к чему, лучше все равно не получится.

Во время последнего плавания он доделывал детали. Маленькое грузовое судно, на котором он плавал, целый месяц простояло в Порт-оф-Спейн, на Тринидаде, из-за поломки котла. Пока судно чинилось, пока оно разгружалось в Каракасе и брало новый груз в Пернамбуко, прошло почти пять месяцев. Зная, что спешить некуда, и не стремясь в отличие от Сека «убить» бегущие минуты, Эмос все свободное время мастерил паруса, оснащал игрушечный кораблик, протирал его наждачной бумагой, полировал, проверял, плавно ли действует каждый крошечный блок. Он не менее четырех раз покрывал корпус краской и старательно лакировал мачты и реи. И наконец уже в виду берегов Англии — достойное завершение долгого плавания — он провел модельку через узкое горлышко бутылки — момент, столь же волнующий, как настоящий спуск на воду, и поднялся к рулю. Когда его вахта закончилась, кораблик уже присох, и оставалось только натянуть и закрепить шелковые нити, которыми он поднял мачты и паруса. Это было делом нескольких минут, и ему даже показалось странным, что момент созидания так краток, а подготовка к нему столь длительна. «Так совершены небо и земля и все воинство их».

И теперь, когда мыс Морт и белый пенистый прибой залива Вулаком остались с правого борта, Эмос держал кораблик на солнце, и в мягком свете заката, золотившем его паруса и отливавшем на свежевыкрашенном корпусе, он казался удивительно живым: это был чудесный, волшебный, неземной корабль, который мчался, подгоняемый незаметным ветром. Эмосу пришло в голову, что кто-нибудь на мысе Морт или в Хартленде, быть может, видел настоящую «Талаверу», когда она, подняв паруса, входила в Бристольский залив в тот далекий вечер и солнце пронизывало ее паруса, сильный зюйд-вест наполнял ее брамсели, белая кудрявая пена кипела у ее носа, а позади с шелестом разбегались и замирали волны.

А ее команда, и среди нее отец Эмоса, увидев Англию впервые за сто пятьдесят дней, высыпала на палубу и взволнованным гулом голосов приветствовала знакомые места, появлявшиеся одно за другим. Вот мыс Бэгги, вон Илфракум — урррра-а! — с верхушки мачты дозорный машет рукой в сторону мыса Мамблс и старого залива Суонси, показывая на выгнувшийся дугой порт. Как знаком Эмосу этот оживленный гул, это ощущение, будто видишь привычные вещи впервые, которое присуще только морякам, вернувшимся домой! Сколько раз за свою долгую жизнь подбегал он к перилам борта, чтобы не пропустить первое дорогое видение Англии! Шестьдесят? Восемьдесят? Может быть, даже сто.

Внезапно Эмос, поглощенный мыслями о моряках на палубе «Талаверы», осознал, что он сам в этот момент возвращается домой и что знакомые места не вызывают у него ни удивления, ни радости. Возбуждение прошло. У него не было дома, только домик сестры (а она, может быть, уже пустила в его комнату жильца), общежитие в доках да еще трактир «Красный лев». К тому же его мучило тревожное опасение, что Сек попал в новую, еще бо́льшую беду во время его отсутствия.

Он положил кораблик возле себя на баке и уже не замечал его красоты, а только сознавал, что он очень долго всецело владел его помыслами, а теперь закончен и ушел, уплыл из его мыслей, оставив позади себя пустоту. Эмос расплачивался так, как приходится расплачиваться всем, кто творит: он ощущал поразительную апатию, душевную усталость. И когда он увидел подъемные краны Барри, от которого до Кардиффа, отделенного мысом, оставалось всего три с половиной часа ходу, он не почувствовал, что возвращается домой

Эмос сошел на берег лишь на следующее утро. А утром Бьют-стрит кажется унылой и безлюдной. Хозяин-китаец зевает перед своим пустым кафе; кочегары после ночной смены устало бредут домой, и белки их глаз резко выделяются на черных бесстрастных лицах; девушки, которые вечером могут показаться хорошенькими, выходят с помятыми лицами из мрачных домов, держа в руках бутылки молока и покашливая от первой сигаретки; матросы-индийцы, согбенные от вечной усталости, плетутся к своим судам, и несколько моряков, сошедших на берег, идут с узелками навстречу. Только им Бьют-стрит утром кажется чудесной, потому что они впервые ступают по тротуару, видят первые дома, первые кафе, первые трактиры и предвкушают возвращение домой, к родному очагу.

И Эмос, которому некуда было идти, все же испытывал безотчетно приятное ощущение твердой земли под ногами, свойственное тем,

кто в течение многих месяцев ступает только по качающейся палубе. Наслаждаясь этим чувством, он дошел до конца улицы, где кафе уже открылось, и съел свежую булочку. Это первая роскошь, которую позволяют себе матросы с судов, где не выпекают своего хлеба. Он долго сидел в кафе, стараясь набраться мужества, чтобы пойти к сестре и выяснить, взяла ли она жильца, но потом, сообразив, что трактиры уже открылись, отправился в «Красный лев».

Там у него была знакомая старая буфетчица, которая радушно поздоровалась с ним, — радость, которой моряки так жаждут, сойдя на берег. Он облокотился на стойку (еще одно своеобразное удовольствие) и заказал стаканчик и для нее. Вскоре начали появляться посетители, и, конечно, оказалось, что трое из них — старые друзья: ведь Эмос всегда бывал в «Красном льве», когда сходил на берег, на протяжении почти сорока лет. Пропустив несколько кружек пива, он развернул узелок с одеждой, полотенцами и прочими пожитками и, достав оттуда «Талаверу», показал ее приятелям. Она вызвала должное восхищение, и хозяин трактира вспомнил о модельке «Катти Сарк» и о том, что Эмос продал ее за сорок шиллингов.

— За эту ты выручишь вдвое больше, — сказал он. — А если набредешь на янки да притом он будет под мухой, глядишь, всю пятерку получишь.

— Я не продам ее, — сказал Эмос почти с ожесточением, — ни за что на свете!

Хозяин трактира улыбнулся, подумав, что Эмос запоет совсем другую песню, когда потратит все деньги и захочет выпить.

В трактир вошел человек еще старше Эмоса — кочегар с угольщика, только что вернувшегося из Гибралтара. Ему были известны все ухищрения, с помощью которых кораблики вставляют в бутылки, и с видом знатока он стал расспрашивать Эмоса, одобрительно посматривая на «Талаверу», которая лежала на стойке среди кружек с пивом.

— Теперь совсем не умеют делать такие красивые вещи, — сказал старый моряк. — Секрет потерян, браток. Все равно как в деревне разучились крыть крыши соломой. Терпения не хватает.

— Что верно, то верно, — сказал Эмос. — У меня на нее ушло ни много ни мало одиннадцать лет.

— Одиннадцать лет! Зато красота, ничего не скажешь! Стоит такого труда. А теперешний народ ничего не понимает. Безбожный век. Им подавай побыстрее. Ты-то знаешь.

У Эмоса мелькнула мысль, что моряк имеет в виду Сека, потому что большинство завсегдатаев «Красного льва» знало о нем. В этом самом трактире семь лет тому назад один человек с самыми добрыми намерениями отвел Эмоса в сторонку и шепнул ему: «Дома у тебя беда». Это была та самая беда, из-за которой Сек попал в исправительную школу. И с тех пор Эмос всегда немного боялся, когда возвращался в «Красный лев» после долгого плавания, боялся сочувственного взгляда, дружеского похлопывания по плечу, боялся, что кто-нибудь из приятелей отзовет его в сторонку. Но старый кочегар ничего не добавил, и никто из остальных знакомых Эмоса не упомянул о Секе. Один за другим они ушли, и сам Эмос собрался уходить, когда буфетчица, перегнувшись через стойку, тихо сказала:

— Твой-то парень... Дазненько тебя не было...

— Что такое? — отрывисто спросил Эмос. Это был скорее выкрик, чем вопрос. Ему казалось, он знает, что его ждет. Какая-нибудь новая беда, запутанная, сложная, непонятная, или, быть может, Секу так и не удалось выпутаться из этой истории с машиной, купленной в рассрочку. А вдруг на этот раз стряслась еще худшая беда — судебное дело, даже тюрьма?

— Расскажи, — попросил Эмос. Во рту у него пересохло.

Буфетчица положила свою шершавую руку, сморщенную от постоянного мытья посуды, на руку Эмоса.

— Да ведь он в гору идет, — сказала она мягко, — я думала, ты знаешь.

— В гору идет?

— Открыл какое-то небольшое дело. Уж и деньжата завелись! Вчера в «Эхо» видела объявление. Погоди-ка, сейчас принесу.

Она поспешно вышла, а у Эмоса весь лоб покрылся испариной, настолько велико было чувство облегчения. Сек идет в гору! Он едва мог поверить этому. И все же он всегда считал, что у парня хорошая голова. Разве директор исправительной школы не написал в характеристике, что из парня «должен выйти толк»? Если только он возьмет себя в руки, из него «должен выйти толк».

Буфетчица вернулась с газетой. Она раскрыла ее на полосе объявлений.

— Вот, — сказала она. — Спрос на рабочую силу. Внизу столбца.

Эмос прочитал: «Нужны девушки для чистой работы на маленькой фабрике. Хорошая зарплата. В субботу рабочий день». Затем следовали фамилия и адрес Сека.

— Видал? Сам себе хозяин! — сказала буфетчица. — Скоро таким важным барином заделается, что перестанет нас замечать.

— Надо повидаться с ним, — сказал Эмос, неожиданно приняв решение.

— Конечно, ты туда на трамвае доедешь.

Довольная, что сообщила ему приятную новость, старая буфетчица лукаво ухмыльнулась.

— Как прочитала в объявлении: «Нужны девушки», — так и говорю себе: это на него похоже! Но в конце концов все они остепеняются, даже самые отчаянные очень часто остепеняются, и потом из них выходит толк.

«Маленькая фабрика» имела не слишком внушительный вид. Она состояла из слегка подремонтированного разбомбленного здания, к которому на скорую руку пристроили длинный сарай. Двор завален камнем и битым кирпичом. Но ворота заново выкрашены зеленой краской, и у входа вывеска, на которой написано большими желтыми буквами:

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
«НОВИНКИ ДВАДЦАТОГО ВЕКА»

А пониже — имя Сека и слова «директор-распорядитель». Сжав в одной руке узелок, а в другой — сверток с «Талаверой», Эмос стоял перед вывеской.

Ему пришло в голову, что такое замечательное событие, как чудесное преображение Сека, требует соответствующего жеста. Вот он и подарит ему «Талаверу». Может быть, эта вещица придется не совсем по вкусу Секу, но в нее вложено одиннадцать лет любовного труда, и, по сути дела, это — единственное богатство Эмоса. Кроме того, мечтал Эмос, если Сек действительно остепенится, как предсказала буфетчица, у него, пожалуй, когда-нибудь появится собственный дом, и женится он на славной, порядочной девушке, а не на одной из этих нерях. И тогда как эффектно будет выглядеть «Талавера» на камине Сека, и с какой гордостью Сек будет показывать кораблик своим гостям, дельцам каким-нибудь, богатым и почтенным... «Знатная вещица, не правда ли? Это мой отец смастерил. Право слово. Мой дед плавал вокруг света на «Талавере» сто пятьдесят три дня».

Возможно, что Эмос никогда не предался бы таким буйным мечтам, если бы не был немного навеселе. В «Красном льве» он пропустил шесть кружек пива — первая его выпивка за пять месяцев. Выпитое пиво, хорошие вести, которые он узнал от буфетчицы, и поездка на тряском трамвае — все это, вместе взятое, вызвало у него небывалый подъем и буйное веселье — состояние, граничащее с опьянением. В таком настроении он был способен на самые необузданные полеты фантазии, без которых едва ли можно было представить себе Сека как семьянина, Сека в обществе «почтенных людей», Сека (который однажды заложил единственную приличную пару ботинок) в роли счастливого обладателя особнячка...

У Эмоса мелькнуло мимолетное сомнение, когда он вспомнил, как Сек заложил ботинки, а в другой раз — пальто, которое, как оказалось, не совсем принадлежало Секу, потому что он «ну, вроде занял его у одного парня». Эмос отогнал эти недостойные мысли. Сек исправился, Сек открыл новую главу своей жизни. Он стал директором-распорядителем акционерного общества «Новинки двадцатого века» — пост, который казался Эмосу очень высоким.

Он прошел через зеленые ворота во двор и увидел дверь с надписью «Регистратура». Прежде чем постучать, он постоял немного, а потом сунул «Талаверу» в узелок с одеждой, потому что вдруг ему показалось неудобным появиться перед Секом с подарком в руках. Лучше, подумал он, невзначай достать его после осмотра фабрики.

На его стук никто не ответил, и он вошел. И вся его радость исчезла, словно ветер, замерший в марселях его души. Комната была голой и грязной. На простом кухонном столе стояла портативная пишущая машинка, а у стола на единственном стуле сидела та самая неряшливая девица и усиленно жевала.

Она явно не узнала его. В течение нескольких минут она продолжала стучать на машинке двумя пальцами. Потом подняла глаза и проговорила:

— Вам чего?

— Я просто зашел, — сказал Эмос, — повидать сына.

Теперь она его вспомнила, так как издала какой-то неопределенный звук вроде «о-а!», и, вдруг приняв любезный вид, встала и протянула руку. Но тут же быстро отдернула ее, сказав:

— Лак еще не просох, смажется. Извините. Я позову Буку.

Она вышла в боковую дверь, и Эмос снова обратил внимание на ее высокие каблуки и чулки, морщившиеся над лодыжками при каждом шаге.

Эмос закурил трубку и, нервничая, стал ждать. Казалось, прошло много времени, прежде чем девица вернулась, ведя за собой Сека. Он выглядел совсем непривычно, но происшедшая в нем перемена не имела ничего общего с его новым серым в яркую полоску костюмом и американским галстуком, на котором была изображена голая женщина. С ним произошла внутренняя перемена, и Эмосу, который уже забыл, что в последние годы он знал своего сына только как просителя и тунеядца, казалось, что перед ним совсем незнакомый человек. Для начала Сек похлопал его по плечу, чего он никогда раньше не делал. При этом он воскликнул с развязной, пугающей шутливостью:

— Ба, да ведь это старый морской волк вернулся из плавания! Как делишки, отец?

Эмос был рад, что спрятал кораблик. Он не мог в эту минуту заставить себя отдать его Секу: он почувствовал бы себя дураком. Все равно что отдать его человеку, которого видишь впервые в жизни.

Тем временем девица вернулась на свое место у пишущей машинки, а Сек, засунув руки в карманы, стал прохаживаться взад и вперед по комнатушке.

— Накладные готовы? — спросил вдруг Сек странно отрывистым и искусственным голосом.

— Да, хозяин. — Девица подражала ему, как ребенок, подхватывающий на лету мяч.

— Оплачены?

— Угу.

— Посмотрим.

Она встала и протянула ему банковскую расчетную книжку, в которой лежало много банкнот по фунту стерлингов. Эмос, наблюдая за происходившим, снова испытал острое чувство отчуждения. Сек как-то странно разросся, стал нереальным, неестественным. Эмос никогда не ходил в кино, иначе он распознал бы неумелое подражание манерам преуспевающего дельца — героя американских фильмов.

Подняв глаза от расчетной книжки, Сек сказал с ухмылкой:

— Сто двадцать за прошлую неделю. А на этой неделе доведем до ста пятидесяти.

— Я слышал в «Красном льве»... — начал Эмос.

— А, старый «Красный лев»! — вставил Сек покровительственным тоном.

— ...что дела у тебя идут хорошо. Я рад, Сек.

— Да, дела у нас идут хорошо, — сказал Сек, вернув расчетную книжку девице и в то же время с бесцеремонной интимностью шлепнув ее пониже спины. — Дела идут хорошо. И все это благодаря тебе, отец.

— Благодаря мне?

Эмосу пришли на ум тридцать три фунта пятнадцать шиллингов, да те двадцать фунтов, которые он сунул букмекеру, да пятерка, отданная, чтобы выкупить заложенное пальто. И вдруг он почувствовал себя растроганным.

— Пустяки, — сказал он.

— Если бы не эти пустяки, ничего бы не получилось. — Сек обхватил Эмоса за плечи.— Пошли, я тебе покажу.

Он повел его по крытому проходу между полуразрушенным домом и длинным сараем... В другом конце прохода виднелась дверь, и, остановившись перед ней, Сек сказал:

— Придется тебе, отец, погасить трубку. Курить нельзя из-за лака и краски.

Эмос послушно выбил трубку, и Сек ввел его внутрь.

Посредине сарая стоял длинный деревянный стол наподобие верстака, у которого при свете электричества работала дюжина девушек. Вначале Эмос не разобрал, что они делали. Все его внимание было поглощено самими девушками, которые казались почти одинаковыми. В следующий момент он понял, что это только кажется, потому что в действительности среди них были высокие и низкие, брюнетки и блондинки. Кажущееся сходство объяснялось тем, что, несмотря на различия, все девушки были одного типа — это были обычные девицы Сека, девицы, с которыми он пересмеивался на углу улицы с пятнадцатилетнего возраста. А здесь, под одной крышей, их была собрана целая дюжина, словно наваждение!

Сек шутливо ткнул его в бок.

— В твоем-то возрасте, па! Хватит на них глазеть.

Несколько девиц хихикнули.

— Я тебе покажу кое-что по твоей части, — сказал Сек. — Посмотри-ка.

Он подошел к столу, и впервые Эмос увидел, что делают девушки.

Они вставляли кораблики в бутылки.

Но какие это были кораблики! Не сделанные из множества отдельных частей, а штампованные. Посредине стола лежала целая груда корпусов, блестящих от краски, какой обычно раскрашивают оловянных солдатиков. Время от времени одна из девушек брала корпус и несколькими ловкими движениями кисточки наносила штрихи опалубки, потом небрежно бросала его в другую кучу.

— Мы их делаем из папье-маше, — с гордостью сказал Сек, следя за взглядом Эмоса.

Две девушки выкраивали паруса из какого-то материала, похожего на целлулоид, и приклеивали их к мачтам, другие прикрепляли к стеньгам кусочки белой бумажной материи, а в самом конце стола одна из девушек, очевидно, более ловкая, чем остальные, вставляла готовые кораблики в бутылки. Она орудовала обыкновенным крючком для застегивания башмаков и длинной кисточкой. Бутылка лежала перед ней на столе, и она крючком поднимала паруса кораблика, а кисточкой слегка смазывала дно.

— Пойдем посмотрим на готовую продукцию, — сказал Сек.

Ведя за собой Эмоса вдоль стола, он по-хозяйски похлопывал каждую девушку по спине.

— Как жизнь, Мэйзи? Все о'кэй, Дорин?

Обернувшись к Эмосу, он вполголоса объяснил:

— Никакой официальщины. Никаких там профсоюзных правил. Мы делаем дела. А теперь, — добавил он, когда они подошли к концу стола, где сидела последняя девушка, затыкавшая бутылки пробкой и запечатывавшая их красным сургучом, — теперь я покажу тебе настоящий готовый товар, который продается по гинее за штуку почти во всех трактирах Кардиффа, Суонси, Лланелли и Бристоля, а также на пляже в Кони-Айленд, куда приезжают туристы.

Он наклонился к девушке и взял один из готовых корабликов. Когда он поднес его к глазам Эмоса, тот увидел еще одну отвратительную уловку. Бутылка внутри была подкрашена: зеленоватой краской — часть, изображающая море, голубой — небо, а посредине — белые барашки волн. На этом безвкусном фоне торчала гнусная моделька — размалеванное суденышко на размалеванном океане. Это был кораблик только по названию; он был так же похож на корабль, как чучело птицы под стеклянным колпаком похоже на пернатое создание с пульсирующим горлышком.

А Сек тем временем говорил:

— Право слово, па, все издержки, включая рабсилу, составляют ровно пятнадцать шиллингов и шесть пенсов, и после того, как торговец получит свою долю барыша, остается верных сто процентов. Неплохо, а? Признайся, что работа чистая, хоть это и массовое производство и нет тут всех твоих финтифлюшек. В конце концов, па, надо идти в ногу с временем. Возьми-ка бутылку в руки, погляди хорошенько и скажи: разве здесь что-нибудь не так?

Эмос взял бутылку просто потому, что иначе она упала бы на пол. Ему было так же противно к ней прикасаться, как к какой-нибудь из этих потаскушек. Он не обладал большим воображением и не отличался чрезмерной чувствительностью. Все воображение и чувствительность, какие были ему отпущены, он потратил сперва на Сека с его извращенным умом, а потом на свои любимые детища — «Катти Сарк» и «Талаверу». И все же у него осталось достаточно способности чувствовать, чтобы понять, что раскрашенная бутылка, которую он держал в руках, была профанацией всего, что ему дорого. Она олицетворяла дешевку и кричащую безвкусицу уличного мирка, философию балагана.

— Бери, отец, дарю тебе этот кораблик, — сказал Сек с широким жестом. — Я же сказал, что всем тебе обязан. Это точно, провалиться мне на этом месте. Но в конце концов из меня вышел толк, верно? Так пусть этот маленький подарок напоминает тебе об этом. Поставь его на полочку камина, па, и когда вечерком к тебе зайдут друзья...

Эмос почувствовал, что его легонько подталкивают к выходу. Рука Сека лежала на его плече, и голос Сека, голос незнакомого человека, громко раздавался у него в ушах. В одной руке Эмос сжимал узелок с пожитками, в другой — подарок Сека.

Перевела с английского **Н. ЛОСЕВА.**

ГЕРОЙ ШИПКИ И ПЛЕВНЫ

Многие киевляне знают Федора Ивановича Таранова, живущего в доме № 48 на Крещатике. Чем же известен он? Таранов — участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Сейчас Федору Ивановичу уже перевалило за 103 года. Мы попросили его поделиться своими воспоминаниями.

Таранов начал свою службу в армии солдатом в Киевском гусарском полку. Во время русско-турецкой войны принимал участие в форсировании Дуная, освобождал Плевну, сражался на Шипке, под Софией. Дважды был ранен, но не оставлял поля боя. В этой войне Таранов заслужил три георгиевских креста.

В Киеве Федор Иванович живет уже 60 лет. Большим уважением пользуется заслуженный старый солдат не только среди советских людей, любят и уважают его и братья-болгары, с которыми он переписывается.

Рядовые и командиры одной из воинских частей Болгарской Народной Армии пишут: «Дорогой Федор Иванович! Мы, ваши внуки, шлем вам боевой привет и желаем многих лет жизни и здоровья. Пусть живет на вечные времена дружба советского и болгарского народов!»

Несколько лет переписывается Федор Иванович с болгарской комсомолкой Светланой Гецевой из города Русе. Недавно Федор Иванович получил письмо, в котором Светлана пишет: «У моего отца есть товарищ — преподаватель электротехникума. Его сын тяжело заболел. Нужны лекарства, рецепт которых я высылаю. Мы знаем, что в советских аптеках такие лекарства есть, мы будем очень благодарны, если вышлете их. Вы спасете жизнь болгарскому мальчику».

Федор Иванович нашел нужные лекарства и самолетом выслал их в Болгарию.

В. ЛЮТ

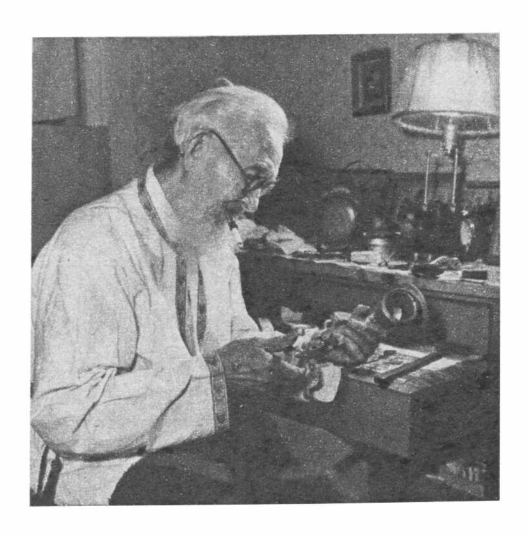

Фото Н. Козловского.

Театр Шекспира

В Советском Союзе гастролирует английский Шекспировский мемориальный театр. Он показывает три пьесы Шекспира: «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Двенадцатая ночь».

Театр этот существует в Стратфорде около 80 лет. Созданный в память о великом драматурге, он ставит только его пьесы, изредка делая исключение для современников Шекспира. Постоянной труппы театр не имеет: актеры приглашаются на определенные роли, но некоторые играют здесь несколько сезонов подряд. Лучшие актеры Англии выступали на этой сцене; среди них Джон Гилгуд, Лоренс Оливье, Вивьен Ли, Майкл Редгрейв...

Стратфордский театр — это своего рода лаборатория современного сценического воплощения пьес Шекспира. Руководит им известный актер и режиссер Глен Байэм Шоу. В его постановке советские зрители увидят «Гамлета» и «Ромео и Джульетту»; третий спектакль, «Двенадцатая ночь», идет в постановке одного из самых одаренных молодых английских режиссеров, Петера Холла.

«Двенадцатая ночь». Оливия — Джеральдин Макюэн, Виола (справа) — Дороти Тьютин.

Гамлет — известный актер Англии Майкл Редгрейв.

→ «Ромео и Джульетта». Джульетту играет Дороти Тьютин, которую считают в Англии лучшей молодой актрисой. Она же играет Офелию в «Гамлете». Ромео — Ричард Джонсон, известный советским зрителям по исполнению роли Лаэрта в спектакле «Гамлет», показанном в 1955 году английской труппой Питера Брука.

↓ Сцена из трагедии «Гамлет». Поединок Гамлета и Лаэрта.

Русский народный лубок

Ефим ДОРОШ

Лубяной короб, в котором бродячий торговец некогда хранил печатные картинки с обширными текстами — отсюда и стали они называться лубками,— давно уступил свое место картинной галерее, библиотеке, книжному магазину, которые доступны всем без исключения гражданам. Весь народ, то есть буквально все население СССР, имеет одинаковое право на удовлетворение своих эстетических потребностей, своих культурных запросов.

Но лубок еще и потому называется народным, что авторами картинок и текстов, за редкими исключениями, были безвестные, подчас полуграмотные художники и литераторы из народа, — лубок здесь сродни народной песне, былине, пословице, частушке и сказке, которые, к слову сказать, очень часто становились содержанием летучей печатной картинки.

Печатались лубки тысячами экземпляров, однако сохранилось их не так много, потому что картинку, приклеенную к стене крестьянской избы или мещанского домика, засиживали мухи, она выцветала на солнце, сгорала во время пожара, пропадала при перестройках. Тем дороже нам дошедшие до сегодняшних дней лубки — свидетельства далекой старины.

В Москве открылась выставка русского народного лубка XVII—XIX веков. Ходишь по залам выставки, любуешься простодушным рисунком и смелыми красками лубков, радуешься их остроумию и постепенно как бы вступаешь в мир тех предметов и явлений, среди которых жил в давние времена простой русский человек, знакомишься, так сказать, с материальной стороной его бытия.

На лубках пусть примитивно, однако с дотошностью изображено и жилище трудящегося человека и то, как он работает, путешествует, веселится на гуляньях, играет свадьбы, сражается с врагами отечества...

Эти картинки дают возможность вообразить и нравственный, духовный облик наших предков, их представления о вселенной, их верования, правила морали, вкусы, симпатии, доступный им круг знаний. Лубок покупался не только для украшения жилья — он одновременно служил и эстетическим потребностям, и развлекал, и удовлетворял любознательность. Лубок был и картиной, и газетой, и сатирическим листком, и книгой, причем книгой научно-популярной, исторической, беллетристической.

Легко представить себе, какое впечатление производила изданная в XVIII веке большая яркая картинка «Славное побоище царя Александра Македонского с царем Пором индийским». Висела она где-нибудь на закопченной стене, сияя чистыми красками, и какой-нибудь грамотей читал вслух: «Царя Александра Македонского войско смело выступает».

Этот нарядный лубок с театрально размещенными в центре Александром Македонским и царем Пором, вздыбившими своих коней, с выступающими из-за декоративных скал конными отрядами, над которыми реют боевые стяги и покачиваются острые копья, — эта эффектная картина, изящная, как миниатюра, и торжественная, как фреска, не только впечатляла своей героикой, но еще и развлекала неожиданным поворотом сюжета.

«И сяде Александр на своего коня Дочупала, — читал грамотей, — и взем в руку копие и щит и збрую, и возложи на главу свою шелом, и выехал на поединок, и возва велим гласом: О Поре, царю, иди противу меня или покоряйся и аз тебя помилую. И съехашася оба, и удари Александр Пора в груди, и сшиб его с коня, и войско его взял под свою власть».

В этом успехе Александра был некий секрет, была некая неблаговидная хитрость, которую автор с наивным лукавством как бы замаскировал до времени, поместив часть текста в кружок между обоими полководцами.

Александр с Пором уговорились биться один на один, но когда они съехались, то царь македонский закричал царю индийскому: «О Поре, царю, такова ли есть вера индийская и правда ваша, — войско твоё идёт на помощь к тебе». «Пор же озревся назад, хотя войску запретить». И тут Александр, воспользовавшись доверчивостью противника, поразил его.

Такого рода лубок — целое повествование с двумя центральными героями на фоне многоликого воинства, с острым сюжетом, который я бы назвал героико-авантюрным.

Среди этих повестей в лицах есть и назидательные, и юмористические, причем иные не без добродушной, грубоватой эротики, и сатирические, из которых поистине великолепна знаменитая картинка, известная в нескольких вариантах и выдержавшая много изданий — «Мыши кота погребают, недруга своего провожают». Цензура, тщательно следившая за потешными картинками, хотя и догадывалась, что в «Погребении кота» содержится крамола, из-за чего от издания к изданию исключала те или иные подробности, однако до истинной сути, должно быть, не добралась. Между тем уже в самом шутейном титуле кота Алабрыса слышится пародия на титул русских царей. «Кот казанской, ум астраханской, а разум сибирской, а ус с уса стерский» — да ведь это же: «...Царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский... государь и великий князь Новгорода низовские земли... государь Иверские земли...»

Иные лубки представляют собой своеобразные портреты литературных персонажей: вероятно, сами произведения были так известны, что одни лишь портреты главных героев многое говорили воображению. Тут и «Храбрый витязь Францыл Венециан» — так сказать, переводная литература, и «Сильный богатырь Алёша Попович» из «славного Ростова, красна города». Но есть и портрет писателя — полулегендарного Эзопа, жившего в VI—V веках до нашей эры, чуть ли не единственный. Этот фригиец-вольноотпущенник, применительно к которому исследователи и сегодня употребляют осторожную оговорку «согласно преданию», в старину пользовался чрезвычайной популярностью среди трудового русского люда. Безвестный автор «Жития славного баснотворца», печатавшегося вместе с портретом Эзопа, с восхищением пишет о нем: «Елико был безобразен телом, толико был смыслен умом и ко всякому вопросу вельми готов».

Любопытны лубки, которые как бы заменяли газету. На этих картинках изображены различного рода исторические события, чрезвычайные происшествия, иной раз фантастические, бытовые сценки и сатирические фельетоны в лицах, обличавшие пороки современного художнику общества.

Народное воображение поражено было синопским боем, и пошла гулять по Руси героическая картинка, где посреди взволновавшегося моря, в виду горящей крепости сражаются корабли, окруженные наивными клубочками порохового дыма: «Синопское сражение, бывшее 18-го ноября 1853 года, в котором турецкая эскадра, состоящая из 10-ти фрегатов, 2-х транспортов и 1-го парохода, под начальством Османа Паши, была разбита Российской эскадрой Черноморского флота, состоящей из 6-ти линейных военных кораблей, под командованием храброго адмирала Нахимова».

Надо полагать, что народ интересовался и такими событиями, как редкостное и удивительное «поймание кита в Белом море», случившееся 16 июня 1768 года, о чем писалось в номере 58 «Московских ведомостей» и что сразу же, причем весьма затейливо, было изображено на лубке.

Благодаря лубку тысячи и тысячи людей во всех уголках России как бы наблюдали торжественное отправление второго поезда Петербургско-Московской железной дороги. Из подписи под картинкой можно было узнать, что весь поезд занят был батальоном лейб-гвардии Преображенского полка.

Размноженная в тысячах экземпляров, картинка знакомила и с содержателем «Всемирной косморамы», который на гулянье где-нибудь под Новинском или в Сокольниках бойко сыпал цветистой скороговоркой: «В сей космораме показывается всякий город и разные виды житейски, страны халдейски и город Париж, как въедешь, так от шума угоришь, и страны американски, откуда привозят калоши дамски».

Лубочный фельетон в лицах, иронически названный автором «С миру по нитке голому рубаха», изобличал чиновника-взяточника, «его благородие», у которого происходит следующий разговор с пришедшим в канцелярию башмачником:

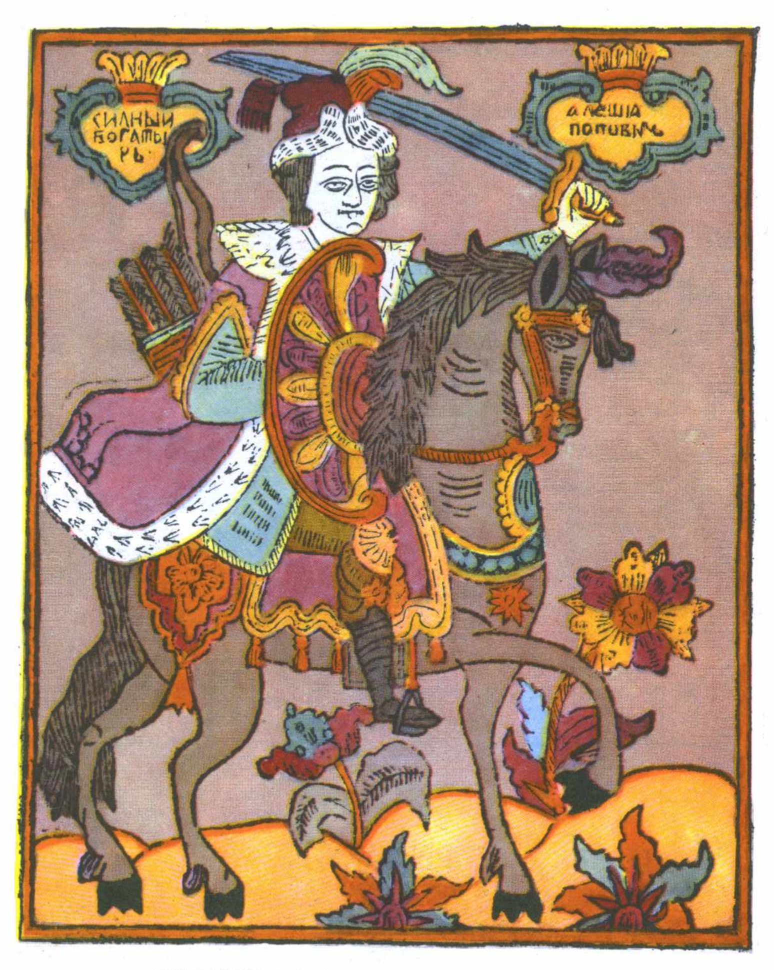
«**Башмачник:** Приказали, ваше благородие, Кузьма Иерофеевич, явиться в канцелярию к вашей милости, именинники вишь изволите быть. Вот корзиночка вашей чести. **Его благородие:** А сухими-то принёс? **Башмачник:** Сухих нет, отец благодетель, и это-то взял у давальца в долг. **Его благородие:** А что тут такое? **Башмачник:** По части выпивки и по закусочной есть. Супружнице вашей Голендухе Акакиевне башмачки, да для вашего благородия своего рукоделия ваксицы с фунтик. Не обессудьте, чем богат, тем и рад. **Его благородие:** Поставь, поставь. Всякое даяние благо, да и рука моя берёт всем — наша невестка всё трескат!»

А другая картинка этого же рода, которую на сегодняшнем нашем языке можно бы назвать политической газетной карикатурой, касается уже самых основ общества. «Семь лиц небылиц или новая игра в чигарду» — назвал ее автор, причем «небылицы» здесь просто к слову пришлись, для «завлекательности», потому что вся эта «чигарда» (чехарда), наглядно изображенная в виде пирамиды, основание которой составляет челобитчик, так сказать, рядовой гражданин, несущий на своей спине кучу чиновников; вся эта «игра» хорошо знакома была в ту пору каждому. Впрочем, чтобы не было никаких сомнений, автор еще и стишок поместил:

На четвереньках челобитчик,
На нем взмостились писаря,
На них вскарабкался повытчик
И сам везет секретаря,
Судья ж на всех верхом сидит.
Спроси читатель:
Кто больше всех из них
кряхтит?

Народные художники, безымянные авторы лубков, создали целую серию картинок об Отечественной войне 1812 года, изобразили ее героев, и хотя, быть может, генерал-фельдмаршал князь Кутузов-Смоленский, казачий атаман Платов и фельдмаршал Витгенштейн не очень похожими вышли на лубке, зато общая его парадность вполне выражает народное представление об этих героических личностях. Впрочем, не совсем ясно, почему здесь Витгенштейн, человек большой личной храбрости, но медлительный и нерешительный, опоздавший к Березине и этим позволивший французам уйти от полного разгрома.

Широкое распространение име-

СИЛЬНЫЙ БОГАТЫРЬ АЛЕША ПОПОВИЧ.

КНЯЗЬ КУТУЗОВ-СМОЛЕНСКИЙ, г. ВИТГЕНШТЕЙН И г. ПЛАТОВ (первая половина XIX века).

ОТПРАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ПОЕЗДА ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ.

СЛАВНОЕ ПОБОИЩЕ ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО С ЦАРЕМ ПОРОМ ИНДИЙСКИМ (первая половина XVIII века).

Печ. позв. Москва 1857 г. Августа 2 д. Ценз. Н. фонъ Крузе.

Печ. въ Металл. А. Морозова. Москва. 1858 года.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Небрани меня родная
Что я такъ люблю его
Скучно скучно дорогая
Жить одной безъ него
Я не знаю что такое
Вдругъ случилося со мною

Что такъ рвется ретивое
И терзаюся тоскою
Все оно во мнѣ изныло
Вся горю я какъ вогнѣ
Все не мило все постыло
И страдаю я понемъ

Въ ясной день и темны ночи
И вonline и наяву
Слезы мнѣ туманятъ очи
Все летѣла бъ я къ нему
Мнѣ не нужны все наряды
Ленты камни и парчи

Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли
Сжалься сжалься же родная
Перестань меня бранить
Знать судьба моя такая
Что должна его любить.

НЕ БРАНИ МЕНЯ, РОДНАЯ. Лубок. 1857 год.

ли лубки на сюжеты народных песен, романсов, на сюжеты стихов Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова. Художник обычно не столько иллюстрировал песню или стихотворение, сколько пытался воссоздать эту же тему средствами изобразительными. На картинке, воспроизводящей известную русскую песню «Не брани меня, родная», изображены не только девушка и ее мать, но и тот, чьи кудри и взгляды «сердце бедное зажгли», и отец девушки, внимающий песне, и подруги, которые под эту песню ведут хоровод посреди деревенской улицы. При всей наивности изображения картинка трогает своей непосредственностью, спокойная ее композиция и негромкие краски отвечают лирическому содержанию.

Выставка лубка, где в одном месте собраны были картинки и XVII, и XVIII, и XIX веков, позволила даже стороннему человеку отметить некие стилистические особенности этого искусства, связать лубок XVII и XVIII столетий, хотя и заметно было тогда иностранное влияние, с русской иконой, фреской, книжной миниатюрой, ощутить явственные связи народной картинки середины прошлого столетия с искусством передвижников, с искусством многих художников русской реалистической школы начала нынешнего века да и сегодняшних дней.

Известный исследователь русского лубка Д. Ровинский писал: «Кантемир и Барков признавали народные картинки негодными и гнусными. Сатирик Кантемир, не без некоторого самоуважения, замечает, что творение его: «гнусно не будет лежать в одном свёртке с Бовою или Ершём»...

Иначе взглянул на это дело наш первый народный поэт Пушкин: в одном из путешествий пришлось ему увидеть на стенах станционной комнаты картинки погребения кота и спор красного носа с сильным морозом; он тотчас же заметил в своих записках, что «картинки эти заслуживают, как в нравственном, так и в художественном отношении, внимания образованного человека».

Под этим впечатлением написано было им несколько русских сказок.

Искусство тогда бывает народным, когда оно теснейше связано с творчеством самого народа, — и эта мысль возникала на выставке лубка. А вслед за нею приходила мысль о том, что массовое художество отошедших поколений не умерло, что потешная картинка, декоративная резьба по дереву, глиняная и деревянная игрушка, вышивки, кружева — что все это, творчески переработанное нашими графиками, архитекторами, работниками художественной промышленности, может и сегодня служить народу. Старинные мотивы, соединенные с новыми материалами, с новыми способами обработки старых материалов, по-новому воспринятые художниками социалистического общества, способны дать неожиданный эстетический эффект в производстве тканей, мебели, обоев, игрушек, в отделке жилищ...

Казалось бы, ради одной только этой практической цели, не говоря уже о целях воспитательных или об уважении к памяти предков, надо бы открыть в Москве музей русского народного искусства. Не странно ли, что такого музея сейчас нет?

Африка требует: —ВОН!

Бурлит африканский континент.

В каждом уголке его растет сопротивление колонизаторам. Всюду зреет гнев против империалистов. Ширится борьба против попыток увековечить рабское существование африканца.

— Не бывать этому! — отвечает многоголосая Африка.

— Наш континент станет свободным!

Так поклялись делегаты Конференции народов Африки, собравшейся в Аккре — столице независимой Ганы. Тридцать африканских стран послали своих представителей на эту историческую встречу. Аккрская конференция явится важным этапом борьбы африканских народов за свое освобождение.

«Руки прочь от Африки!»

Этот боевой лозунг вдохновляет участников конференции на решительную борьбу против колонизаторов, против тех, кто десятилетиями терзал, грабил, эксплуатировал сказочно богатый континент. Угнетатели все яснее слышат требования народов:

— Вон!

«Мы задушим их костлявой рукой голода, экономической блокадой заставим их смириться!» — тешат себя иллюзиями западные империалисты.

Но и этому не бывать. Не те времена. Теперь африканские народы не одиноки. На их стороне — все демократические силы мира. В одном строю с ними — многомиллионные народы Азии. Впервые в истории народы двух континентов налаживают сотрудничество и в экономической области. Яркое свидетельство тому — успешная работа Каирской экономической конференции стран Азии и Африки.

Закат колониализма сменяется ярким светом возрождения могучего африканского континента.

РАСИСТЫ ПОЛУЧАЮТ ОТПОР

Каждый черный обязан носить с собой специальное удостоверение. Если у него не окажется такого документа, он подлежит немедленному аресту. В любом месте, в любое время. Таковы законы Южно-Африканского Союза — подлинной тюрьмы народов.

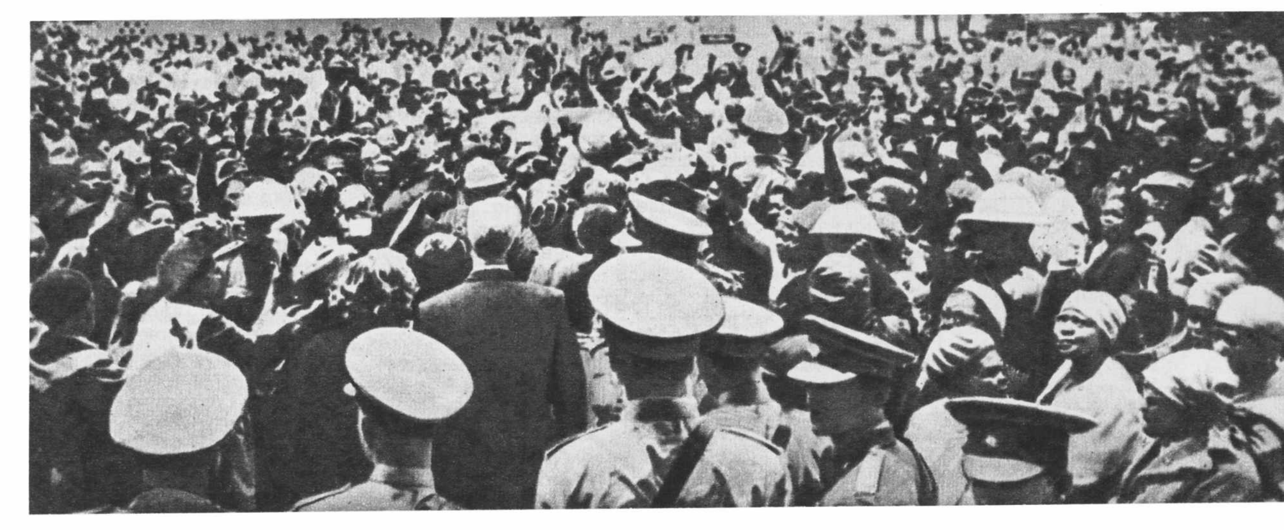
До сих пор этот дикий порядок распространялся только на негров-мужчин. Расисты решили исправить это «упущение» и по-своему «уравнять в правах» негритянских женщин. Правительство ЮАС срочно отпечатало 900 тысяч специальных удостоверений и издало распоряжение: отныне все негритянские женщины должны всегда иметь при себе этот позорный документ...

Распоряжение правительства переполнило чашу терпения. Коренные жительницы Южно-Африканского Союза дружно выступили против расистского законодательства. День за днем в Иоганнесбурге негритянские женщины устраивали демонстрации около здания, где помещается администрация, выдающая удостоверения для негров.

— Пусть премьер-министр выдаст удостоверение своей жене! — скандировали женщины под окнами администрации.

Против участниц демонстрации были брошены полицейские силы. Многие были арестованы и подвергнуты позорному судебному разбирательству. Демонстранток приговаривали к штрафам и тюремному заключению.

Но полицейские репрессии не остановили женщин, решивших бороться против расизма. По свидетельству американского журнала «Тайм», все усилия правительства подавить кампанию негритянских женщин против ненавистных удостоверений провалились. «Тайм» считает, что эта кампания «лишь начинается».

Море голов и рук... Это негритянские мужчины и женщины протестуют против расистского законодательства у здания суда в Иоганнесбурге.

В воздухе слышатся свист хлыстов, удары дубинок. Так расистские полицейские расправляются с населением.

Фото из английского журнала «Сфир».

Вильнюс. Площадь Ленина.

Фото Ю. Каценбергаса.

О БЫЛОМ И О БУДУЩЕМ

Ю. И. ЖЮГЖДА,
вице-президент Академии наук Литовской ССР

Многолюдно было в тот октябрьский день в обычно тихом вильнюсском переулке Пятраса Цвирки. Огромные массы народа устремились сюда, чтобы торжественно отметить славную дату в истории литовского народа.

На фасаде дома № 9 открывается мемориальная доска: «В этом доме 1 октября 1918 года состоялось первое заседание Первого съезда Коммунистической партии Литвы».

Первый съезд Коммунистической партии Литвы происходил в условиях жестокого оккупационного режима. Осенью 1915 года Литва была оккупирована войсками империалистической Германии. Все, что производилось в стране, шло на содержание оккупантов. В городах царили голод, эпидемии, безработица. Молодежь угоняли на принудительные работы в Германию или в трудовые лагеря. Постоянные реквизиции разоряли крестьянские хозяйства.

Трудящиеся Литвы оказали упорное сопротивление захватчикам. Народные мстители нападали на обозы с реквизированным продовольствием, поджигали склады с боеприпасами, убивали жандармов. Бок о бок с партизанами действовали русские солдаты, бежавшие из германского плена.

Для того чтобы стихийное движение сопротивления трудящихся переросло в сознательную борьбу, не хватало руководителя — сильной революционной организации. Жизнь требовала ее создания...

Одна из первых коммунистических ячеек в Литве образовалась в Вильнюсе в апреле 1918 года. Большую работу среди вильнюсских рабочих в то время проводил видный участник революционного движения Литвы Пранас Эйдукявичюс. Летом коммунистические организации уже действовали в Вильнюсе, Каунасе, Шяуляе, Паневежисе, во многих городах и селах. 1 октября 1918 года в Вильнюсе нелегально собрался Первый съезд Коммунистической партии Литвы, на котором присутствовали 34 делегата.

В дни сороковой годовщины съезда участники его поделились своими воспоминаниями о тех полных тревоги и радости времен.

В целях конспирации каждое заседание — а их было три — проходило в новом помещении, причем каждый участник должен был прийти на место ему одному указанным путем.

— Первое заседание состоялось на Поротовой, теперь переулке Пятраса Цвирки, в доме Смирновой, в котором было три входа, — рассказывает делегат съезда от кайшдорской организации А. Якшявичюс. — Мне пришлось идти через сад, в заборе которого было специально проделано отверстие. Около него сидел Мечис Лицкявичюс, 15-летний парнишка. Вечером тесная комнатушка на чердаке уже была полна народу. Все не могли вместиться, некоторые вынуждены были остаться в передней. Впрочем, стоять пришлось всем делегатам, так как стульев в комнате не было. Маленький столик и три стула занял президиум.

На последнем заседании съезд принял резолюцию и Устав Коммунистической партии Литвы.

6 ноября 1918 года в газете «Тиеса», издававшейся в Москве, В. Мицкявичюс-Капсукас, подводя итоги съезда, писал, что первый съезд «произошел в Литве и заложил прочный фундамент для деятельности коммунистов... У нас уже есть коммунистическая партия».

Делегаты съезда приветствовали революционный пролетариат России. Они призвали трудящихся Литвы изгнать оккупантов, установить Советскую власть.

Быстро росла и крепла молодая компартия. Все новые и новые партийные коллективы создавались в районах и городах Литвы.

В ноябре 1918 года в Литве, еще оккупированной немецкими войсками, родились полулегальные Советы и революционные комитеты рабочих и трудящихся крестьян.

8 декабря 1918 года в Вильнюсе по решению ЦК Компартии Литвы было создано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Литвы, возглавляемое В. Мицкявичюсом-Капсукасом, а 16 декабря это правительство опубликовало исторический Манифест, который провозгласил в Литве Советскую власть. «Именем восставших рабочих и беднейших крестьян Литвы, именем красноармейцев Литвы,— говорилось в Манифесте,— объявляем власть германской военной оккупации, литовской тарибы [1] и всех других буржуазных национальных советов и комитетов низложенной. Вся власть переходит в руки Советов рабочих, безземельных и малоземельных депутатов Литвы».

В Манифесте была твердо выражена воля литовского народа «идти рука об руку с Советской Россией и со всеми другими странами, вступившими на путь социалистической революции».

Образование Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы и органов Советской власти на местах означало восстановление когда-то утраченной национальной государственности литовского народа и создание новой, самой передовой, советской государственности, завоевание подлинной национальной независимости.

Однако империалисты Антанты и США, начавшие вооруженную интервенцию против советских республик, используя немецкие оккупационные войска, легионы польских буржуазных националистов и разные белогвардейские банды, весною и летом 1919 года подавили упорное сопротивление молодой Красной Армии Советской Литвы, самоотверженно защищавшей каждую пядь родной земли. На целых двадцать с лишним лет Литве была навязана диктатура буржуазии. Но литовские трудящиеся, руководимые Коммунистической партией, вдохновляемые славным примером советского народа, продолжали борьбу против диктатуры буржуазии, против фашизма, за восстановление Советской власти. И вот настали радостные дни лета 1940 года: Литва снова стала советской.

С тех пор литовский народ прошел суровый и славный путь. Была война, была фашистская оккупация, принесшая с собой разруху и смерть. Но советский народ разгромил фашизм, и Литва быстро поднялась из пепла обновленной. Из отсталой аграрной страны, находившейся в годы буржуазной диктатуры в полной зависимости от западных империалистов, она превратилась в подлинно суверенное социалистическое государство с высокоразвитой промышленностью, с передовым социалистическим хозяйством. У нас появились новые отрасли промышленности: машиностроение, станкостроение, судостроение. Расширяется сеть электростанций,—под Каунасом на Немане строится крупная ГЭС, которая в 1959 году даст ток.

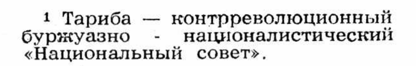
Литовский народ гордится своими успехами во всех областях культуры и науки, литературы и искусства. В вузах республики обучается около 24 тысяч студентов. Советская власть еще в 1941 году создала Академию наук Литовской ССР. За последние годы ее деятельность значительно расширилась: в составе академии сейчас работает 10 научно-исследовательских институтов.

Трудящиеся Литвы, обсуждая тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева, с радостью отмечают, как ярко выражены в них перспективы дальнейшего развития народного хозяйства и культуры всей Советской страны, каждой союзной республики, в том числе и Литовской ССР.

В братской семье народов СССР под руководством славной Коммунистической партии Советского Союза Литва обрела свою подлинную свободу и независимость.

Делегаты Первого съезда Компартии Литвы Клемемсас Юодка, Александрас Якшявичюс и Антанас Шепута.

Фото Э. Юргайтиса.

[1] Тариба — контрреволюционный буржуазно - националистический «Национальный совет».

ТАМ, ГДЕ ПЕРЕСЕКАЮТСЯ ТРИ ТРУБОПРОВОДА

Ф. УРСЯНУ, В. САВИН

Как-то молдавский господарь и полководец Стефан Великий побывал на родине в селе Борзешть и построил там церковь.

С тех пор правители молдавского княжества, а затем и наместники румынских королей из династии Гогенцоллернов не уделяли никакого внимания здешним местам. Только народная власть раскрыла богатства этого района.

Онешть-Борзешть — город-новостройка. Работы здесь начались в 1952 году. Недалеко от церкви Стефана была построена теплоцентраль. Современное сооружение, воздвигнутое около древней церкви, превратилось в символ нашего века.

Теплоцентраль стала ядром огромного промышленного нефтехимического комбината. Кроме теплоцентрали, в прошлом году введен в эксплуатацию новый нефтеочистительный завод.

В местах, ранее пустынных, построен новый город, насчитывающий тысячу квартир. За десять лет будет построено 7 тысяч квартир, в которых поселится 30 тысяч человек.

В Онешти-Борзешти строятся и другие крупные промышленные предприятия. Химический комбинат по переработке соли, газа и химических продуктов будет вырабатывать синтетический каучук, соду, пластические массы.

В городе сойдутся три трубопровода. Первый из них построен уже год назад. По нему идет нефть из Мойнешти и Замиша на большой нефтеочистительный завод № 10 в Онешти. Та самая нефть, которую в свое время отказались добывать капиталисты «Румынской звезды» и других так называемых «румынских» обществ, контролируемых западными трестами. Отказались, так как бурение требовало крупных капиталовложений. Благодаря братской помощи Советского Союза нефть теперь добывается здесь из глубин и течет нескончаемой рекой по нефтепроводу.

Второй трубопровод еще строится. Это «солепровод». Поваренную соль добывали здесь сотни лет. В самых древних молдавских хрониках упоминается о соляных копях Тыргу Окна. Но настоящая разработка этих копей начинается только сейчас: сильные струи воды начнут бить в соляной пласт, и растворенная соль потечет по солепроводу на химический комбинат Борзешть.

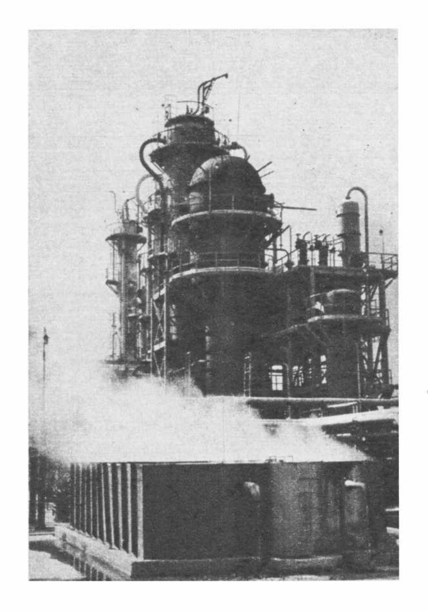
Строительство третьего, самого большого, трубопровода объявлено национально-молодежной стройкой. Он пересечет многочисленные реки и горные вершины, неся в Борзешть природный газ — основное топливо будущего промышленного комбината и важнейшее химическое сырье.

Все три трубопровода, которые тянутся с запада, севера и востока, встретятся в Онешти через некоторое время. Затем каждый из них пойдет своим маршрутом: нефть потечет на нефтеочистительный завод, соль — на химический комбинат, а природный газ — на специальную станцию. Но им не суждено разлучиться надолго. После того, как природный газ, например, пройдет под наблюдением химиков через специальные установки, он встретится с солью на химическом заводе; может случиться, они не узнают друг друга: природный газ станет к тому времени ацетиленом, а поваренная соль — соляной кислотой. От этого союза родится пластическая масса, которую специалисты называют поливиниловым хлоридом... А каучук? Он появится в результате химической переработки нефти и сажи, полученной при сгорании природного газа.

Теперь возвратимся к соли, той самой, какую мы видим каждый день у себя на столе. В цехах химического комбината она превратится в три продукта: хлор, каустическую соду и водород... Спросите у современных химиков, сколько новых видов продукции можно получить из этих веществ!

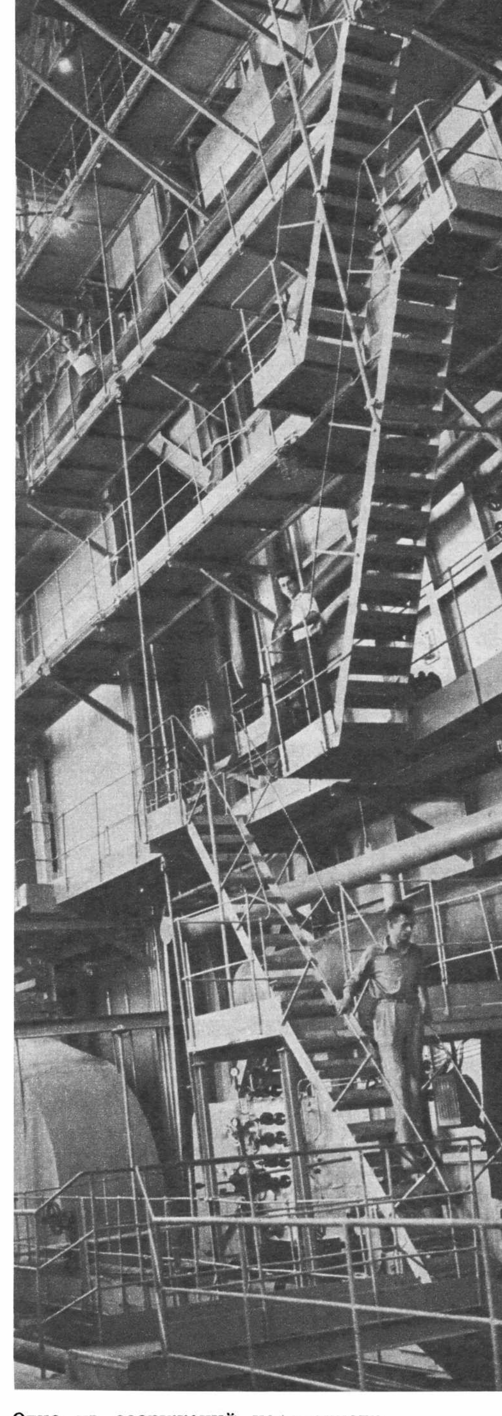
...Там, где сейчас строится химический комбинат, или несколько дальше, там, где возводится завод синтетического каучука, всего год назад было поле. Через три года, а может, и раньше, строители передадут химикам эти два крупных объекта, а нефтяникам — нефтеочистительный завод с новым оборудованием. К тому времени теплоцентраль Борзешти, огромный генератор электроэнергии, утроит свою мощность.

Так снова входят в историю эти места — одна из многих областей Румынии, в прошлом отсталых, а ныне пробужденных социализмом от вековой спячки.

Эта сложная установка является только частью котла теплоцентрали в Борзешти.

Фото А. Михайлопол.

Одно из сооружений нефтеочистительного завода: крекинговая установка, которая будет снабжать завод синтетического каучука необходимым сырьем.

ЗНАМЯ ДРУЖБЫ

По чехословацкой земле путешествует красное знамя. На знамени написано: «Чехословацкому народу от сибиряков колхозников рыболовецкого колхоза имени Коминтерна, Слюдянского района, Иркутской области».

Вот как попало оно в Чехословакию.

Два года назад, в январе 1957 года, в рыболовецком колхозе имени Коминтерна на Байкале побывала делегация Союза чехословацко-советской дружбы. На собрании колхозников, где присутствовали и гости, было решено: в знак дружбы послать чехословацким трудящимся красное знамя.

По решению Центрального комитета Союза чехословацко-советской дружбы это знамя сделано переходящим, и его вручают областным комитетам чехословацко-советской дружбы за успехи, достигнутые в социалистическом строительстве и в развитии дружбы с советским народом.

Первым обладателем знамени байкальских рыбаков стала Карлово-Варская область. Знамя было выставлено в стеклянной витрине на центральной улице Карловых Вар. На первомайской демонстрации этого года его несли во главе колонны.

Область Карловых Вар удерживала знамя в течение трех месяцев. Затем оно перешло в областной центр Иглава, потом снова вернулось в Карловы Вары, а следом за этим знамя завоевал город Пардубица.

Все жители колхоза с большим интересом следят за путешествием красного знамени по карте Чехословакии, которую им прислал Центральный комитет Союза чехословацко-советской дружбы.

А. БОЛДЫРЕВ

Трудящиеся Карловых Вар пронесли колхозное знамя по улицам города во время первомайской демонстрации.

В живописи триптихом называются три картины, связанные единым сюжетом, единой темой. Таким триптихом в спорте являются гимнастика спортивная, гимнастика художественная и акробатика. Они образуют как бы единый комплекс силы, изящества и гибкости — удивительную красочную гамму, которой никогда не устает любоваться человеческий глаз.

Всю первую декаду декабря продолжались три чемпионата страны, на которых за первенство боролись лучшие гимнасты и акробаты. Эти интересные соревнования снова показали, как необходимо взаимодействие родственных видов спорта.

Основой спортивной гимнастики являются вольные упражнения. Спортсмены демонстрируют на ковре слитную, гармоническую цепь движений, и это требует от них умения безукоризненно точно владеть своим телом. Вольные упражнения насыщены пластикой, которая является основой художественной гимнастики, и акробатическими элементами. Но до сих пор в гимнастике спортивной плохо использовались знания и навыки, накопленные в гимнастике художественной и акробатике. Только в последнее время в некоторых командах стали привлекаться для подготовки вольных упражнений тренеры этих двух видов спорта.

Но многого ли добились наши гимнасты? Лично-командное первенство СССР показало, что шаг вперед сделали те, кто использует опыт художественной гимнастики и акробатики. Но и этот шаг еще не очень большой. Значительно сильнее ведущие мастера в других видах гимнастического многоборья.

Как у женщин, так и у мужчин судьба золотых медалей решалась в последнем упражнении, и этим упражнением, как в одном, так и в другом случае, оказался опорный прыжок.

Софья Муратова, проиграв Лидии Калининой на гимнастическом бревне, уже не смогла догнать её на опорных прыжках. Таким образом, молодая гимнастка впервые завоевала титул абсолютного чемпиона СССР. Кстати, Калинина превосходно выступает в вольных упражнениях. Именно после них ей и удалось по обязательной программе обогнать своих сильных соперниц.

Еще более напряженная схватка разгорелась между двумя соратниками — украинцами Борисом Шахлиным и Юрием Титовым. После исполнения обязательной программы впереди шел Титов, но неудача, постигшая его при исполнении произвольных упражнений на коне, позволила Шахлину ликвидировать опасный разрыв. На этом же снаряде потерял все шансы на победу и абсолютный чемпион СССР прошлого года москвич Павел Столбов. Мужская команда Москвы, особенно неудачно выступив в обязательной программе по вольным упражнениям, только на финише смогла закрепить за собой первенство.

К последнему виду — прыжкам — Титов и Шахлин подошли с одинаковой суммой баллов. И вот прыгает Борис Шахлин. Судьи оценивают его попытку очень высоко — 9,9 балла! У Титова первый прыжок на одну десятую балла хуже. У него остается последняя попытка. И после этой попытки Титов показал тот же результат, что и Шахлин. Два замечательных украинских гимнаста стали абсолютными чемпионами страны.

На Всесоюзном чемпионате впервые разыгрывалось первенство среди юношей и девушек. Это начинание целиком оправдало себя. Результаты, показанные ими, входили в общекомандный зачет. Первые места заняли украинская гимнастка Р. Гаплиевская и гимнаст В. Лисицкий (РСФСР).

Общекомандное первенство страны завоевали московские гимнасты. А через день участников этих крупнейших соревнований можно было встретить на трибунах в качестве зрителей. С интересом следили они за борьбой на первенстве СССР по художественной гимнастике и за выступлениями акробатов.

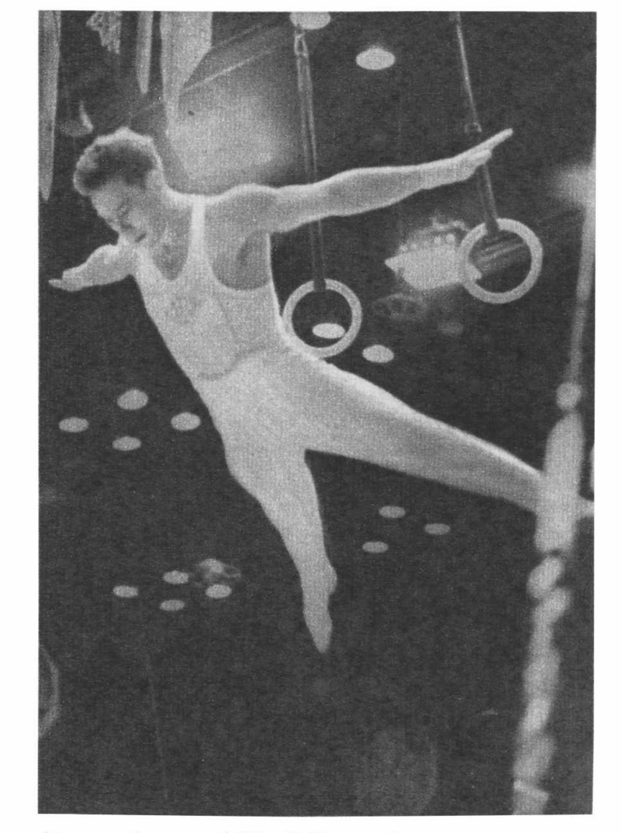
Каждое из этих соревнований требовало от участников всестороннего, отточенного мастерства. И вот рядом с чемпионами страны по спортивной гимнастике по праву заняли места чемпионы СССР по гимнастике художественной и акробатике.

В. ВИКТОРОВ

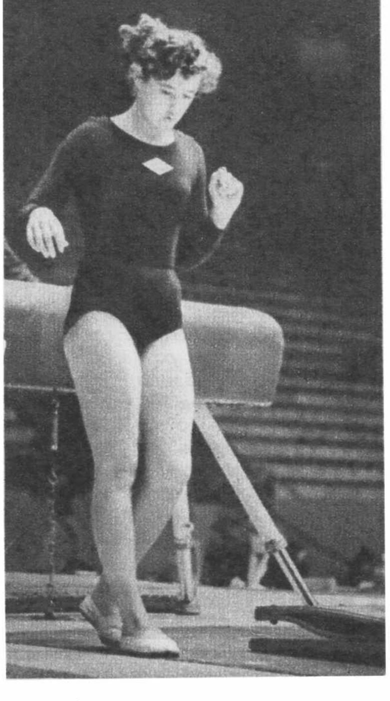
Зрители приветствуют успех гимнастов.

Руси Энике (Эстония) исполняет упражнение с шарфом.

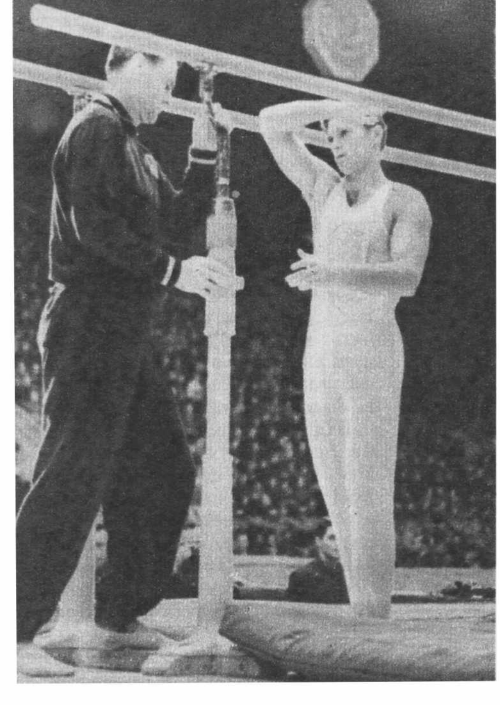

Отличный соскок! Юрий Титов блестяще заканчивает свою комбинацию на кольцах.

Сейчас будет решена судьба золотой медали. Лидия Калинина готовится к прыжку.

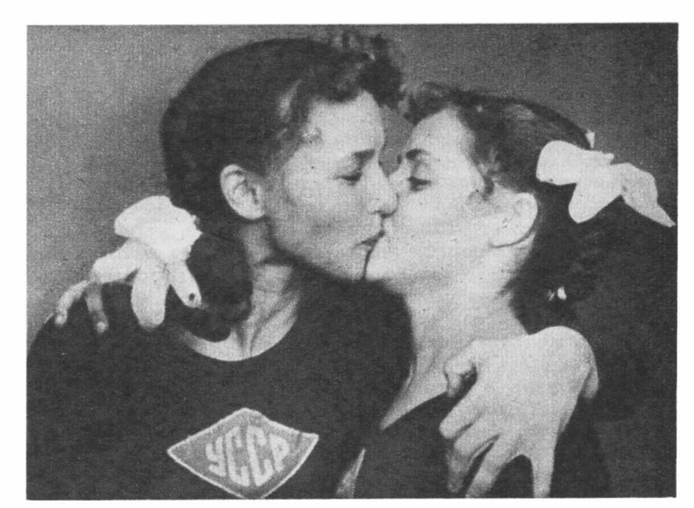
На брусьях будет выступать Борис Шахлин.

Четверо москвичей: Н. Моисеев, А. Таможников, П. Антонов и С. Кузьмин — заняли первое место в групповых акробатических соревнованиях.

Полина Астахова — призер первенства — выполняет упражнение на бревне.

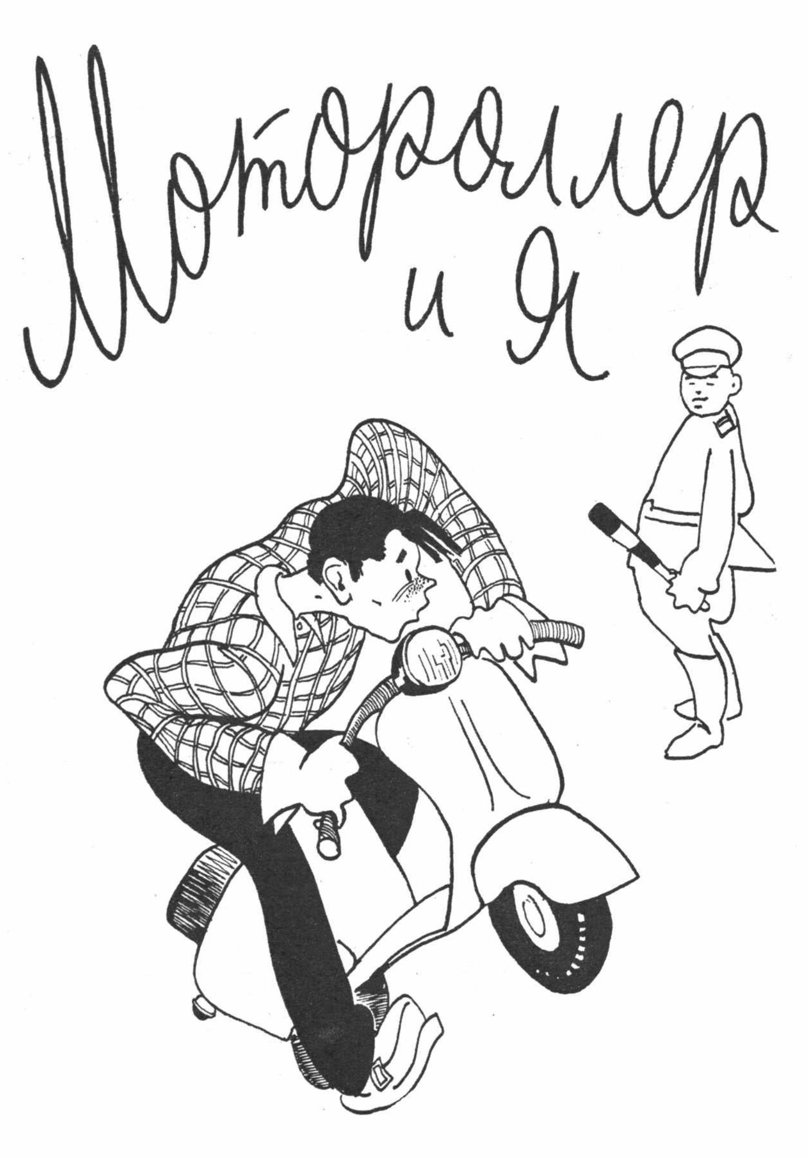

Раиса Галлиевская (слева) принимает поздравления от своей подруги В. Сербай.

Фото А. БОЧИНИНА.

Изящество, гибкость

Мотороллер и я

Э. ПАРХОМОВСКИЙ

Рисунок Б. Жутовского.

Впервые я увидал его на выставке в Торговой палате. «Это, конечно, еще не автомобиль, — сказал я себе,— но уже и не мотоцикл. Безусловно, в нем что-то такое есть...»

Знакомые долго и настойчиво меня отговаривали. Наиболее отсталые в техническом отношении советовали купить велосипед. Запах бензина никогда не вызывал волнения в их крови. Другие говорили, что если уж мне обязательно хочется выбросить свои деньги, то это можно сделать, не рискуя собственной жизнью. Третьи уверяли, что не я буду ездить на нем, а он на мне. А один знакомый пожал плечами и сказал, что до сих пор он почему-то меня уважал...

Я поблагодарил всех за советы и отправился в магазин.

Какое же было восхитительное чувство — стать владельцем этой самой штуки! Я поглаживал его обтекаемые бока и, теша свое самолюбие несостоявшегося автомобилиста, находил в нем все больше сходства с машиной и все меньше — с мотоциклом. О чем бы теперь при мне ни говорили, о голландской живописи или о промысле китов, я умудрялся в два счета свести разговор к волновавшему меня предмету. Делалось это довольно просто:

— Так вы говорите, Рембрандт? Да-а, Голландия... А знаете, кстати, какие там начали выпускать мотороллеры из пластмассы?

В итальянских кинофильмах я с напряжением всматривался в кадры городских улиц, пытаясь разглядеть мчащиеся мотороллеры. Я специально выписал журнал «За рулем», чтобы быть в курсе всех новостей о мотороллерах. Новые знакомства я старался заводить преимущественно среди мотороллеристов...

Не стану рассказывать, как я учился на нем ездить. В общем, это напоминало кадры из ковбойского фильма. Мое приобретение вело себя, как необъезженный мустанг. То оно норовисто кидалось на стенку дома, то без всякой видимой причины замирало посреди двора, пытаясь меня сбросить. А по дороге на экзамен в автоинспекцию оно, честное слово, встало на дыбы перед постовым милиционером.

На городских улицах мой мотороллер появился одним из первых. Новаторство обошлось мне в сотни ответов. Вся улица смотрела. А стоило мне остановиться, все подходили, спрашивали, иронизировали, шутили, советовали, сравнивали — одним словом, проявляли интерес.

Приходилось быть на высоте. Я уверял любопытных, что более удобного средства передвижения нет, что любой ребенок может научиться им управлять. На владельцев автомашин я старался произвести впечатление экономичностью мотора. На мотоциклистов — чистотой эксплуатации. Автомобилисты смотрели на меня с сожалением. Мотоциклисты называли мою машину самокатом и презирали. Мальчишки завидовали.

Так я жил до первой поломки.

Однажды во время загородной прогулки я услышал, как в переднем колесе или где-то возле него что-то затрещало. И хотя мотороллер продолжал катиться с прежней скоростью, стрелка спидометра прыгнула к нулю и замерла. Короче говоря, поломалась какая-то шестеренка. Заменить ее было бы делом пяти минут. Я поехал в магазин и... узнал, что таких шестеренок в продаже не было и нет.

Ладно, решил я, буду ездить без спидометра. В конце концов этот прибор создан только для любопытных, которым обязательно нужно знать, с какой скоростью они едут и сколько уже проехали. А для меня это почти безразлично, лишь бы ехать...

Период обкатки подходил к концу. Согласно инструкции, следовало сделать кое-какую профилактику. Я взялся за гаечный ключ и стал подтягивать разные гайки. И вдруг — хр-рясь! Один из четырех болтов, на которых крепилось благополучие заднего колеса, остался у меня в руках. Срочно нужен был мастер.

На станции обслуживания автомобилей мне сразу дали понять, что я обратился не по адресу. В единственной на весь город мастерской по ремонту мотоциклов небрежно назвали мой мотороллер «мотолером» и посоветовали обратиться в пункт по уходу за инвалидными мотоколясками.

Там на меня посмотрели так, словно я прибыл на межпланетной ракете.

— Такую технику не чиним... У нас узкий профиль.

Дней пять у меня сохранялось чувство балансирования на грани аварии, а потом ничего, привык. И как раз тогда лопнул трос сцепления.

Произошло это на одной из центральных улиц. Вокруг кипело уличное движение. Согласно его строгим правилам, тысячи лошадиных сил, фыркая и отдуваясь бензином, перетаскивали от светофора к светофору пассажиров и грузы. В четком ритме этого потока была какая-то удивительная гармония: вся эта масса одновременно тормозила, останавливалась, включала первую передачу и снова двигалась вперед. Но только я уже не был участником движения. Напрягая свою одну-единственную человеческую силу и стараясь не глядеть в глаза прохожим, я толкал своего механизированного стошестикилограммового спутника вдоль тротуара. Пророчества сбывались... Как я завидовал в эти минуты велосипедистам!

В магазине, конечно, сказали, что таких тросов в продаже не было и нет. Из мотоциклетной мастерской меня послали с моим «мотолером» по прежнему адресу. На пункте ухода за мотоколясками выразили сочувствие. А потом вышел из строя карбюратор. Я уже готов был обойтись без него (лишь бы ездить!), но мне объяснили, что скорее можно ездить без колес.

Положение стало безвыходным. Я понял, что брошен на произвол судьбы с недоброкачественной вещью в руках. Никому до меня не было дела. Мой «мотолер» не пользовался правами гражданства.

Тогда я собрал своих коллег-мотороллеристов.

— Друзья! — сказал я. — Если мы сами себе не поможем, никто нам уже не поможет. Есть один выход: кооперирование.

Эта идея была встречена многократным «ура». Мы создали кооператив. Мы одалживали друг другу недостающие запчасти и ездили по очереди. В понедельник я раздавал по частям свою машину, а в субботу получал все обратно плюс карбюратор. Ясно было, что далеко мы так не уедем и что настанет день, когда весь наш парк одновременно выйдет из строя.

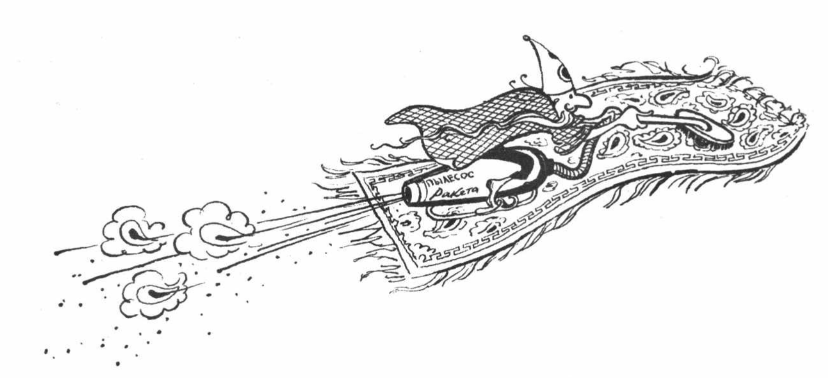
И вот теперь я думаю: «До чего все-таки дальновидные люди мои знакомые! Как точно они сумели все предугадать: и то, что завод, выпустивший мотороллер «Вятка», не обеспечит его ни единой запчастицей, и то, что ни одной мастерской не будет поручено их ремонтировать, и что купить мотороллер при этих обстоятельствах — все равно, что выбросить деньги».

Я пишу эти слова с горечью, потому что успел полюбить этот удобный, красивый и недорогой вид транспорта. Я по-прежнему нахожу в нем больше сходства с автомобилем, чем с мотоциклом. Но не моя вина, если на анкетный вопрос о наличии недвижимого имущества я вынужден буду с досадой ответить: «МОТОЛЕР»!

Киев.

Современный факир

Изошутки Ю. ФЕДОРОВА.

Ковер-самолет.

ДИПЛОМ

А. РЯБОКЛЯЧ

Рисунок В. Соловьева.

Студенты, независимо от возраста, пола, состояния нервной системы и уровня подготовки, всегда трепещут перед государственными экзаменами. Говорят, что лучше всего предстать перед комиссией первым: это ограждает от лишних переживаний и вселяет надежды на снисходительность к почину. Этой мысли придерживался и Олег Кашкаров. Во всяком случае, он первым вытянул билет.

— Калинович. Третья симфония,— глубоко выдохнул он, и по его глазам всем стало ясно, что билет счастливый.

Да, третью симфонию он знал. И Калиновича тоже. Как же, это видный представитель... какого течения? Ну, конечно же, реалистического! Других в билет вряд ли включили бы. Калинович хорошо усвоил богатые традиции классики. Чайковский, Мусоргский, Бородин... Или, может, наоборот — Бородин, Мусоргский, Чайковский? В конце концов, это не так важно. Он сумеет дать обтекаемую формулировку. Надо углубиться в идейное содержание произведения. Показать величие оптимистического пафоса. Подчеркнуть наличие прогрессивных традиций. Они, надо полагать, развивались по мере роста жизненного опыта. Широта кругозора, острота борьбы на музыкальном фронте — это тоже немаловажные стороны ответа на поставленный вопрос.

Олег Кашкаров был хорошим студентом. Его не раз хвалили за усердие. Он внимательно слушал лекции. Не пропускал семинаров и консультаций. И он сейчас совершенно ясно представил себе страницы своих конспектов.

Сначала студенты изучали биографии композиторов, знакомились с их творчеством в целом. Постигали историю музыки. Там говорили о Калиновиче. Вникали в эстетику. Там отмечали вклад Калиновича.

Второй курс? Ага, там также велась речь о Калиновиче. В курсе теории музыки. Указывалось, что он немало свершил для развития отечественной культуры. Затем на лекциях подчеркивалось, что Калинович кое в чем превзошел предшественников. Собственно говоря, если бы он не превзошел, то стоило бы его изучать? Ну, это было делом профессоров. Он, Олег, хорошо запомнил: Калинович лучше Дашковского, а Дашковский, слава богу, тоже не пас задних.

Еще утром Олег читал конспекты за третий и четвертый курсы. Ему здорово повезло: там тоже шла речь о Калиновиче. В плане взаимовлияний. Он кое-что взял у Дашковского, кое-что передал Измайлову. Развил отдельные элементы из творчества Иванова.

С кем был лично знаком Калинович? Об этом много говорил профессор Петров. На основе знакомства и обстоятельств личной жизни профессор строил далеко идущие научные выводы. У Калиновича бывал дома Измайлов. Даже пил у него чай. За столом собиралась вся семья Калиновича — три сына, пять дочерей, жена, три зятя. Хозяйничала, разумеется, теща. Хоть она была в преклонном возрасте, но дело свое знала хорошо, и все ее труды ценились гостями. Профессор Петров это знает доподлинно. Ведь он тоже бывал у Калиновича, хотя и в мальчишеском возрасте.

А как же не вспомнить такой факт (Олег стукнул себя ручкой по лбу)! Сам Петров посвятил этому добрых шесть часов в курсе композиции. Гости чаевали на веранде. Веранда выходила в сад. А за садом — море. Чудесное южное море! Ласковую тихую песнь прибоя доносил легкий ветерок. Гости могли слушать ее часами. Это не утомляло, хотя хозяин часто порывался ослабить очарование моря: он звал к роялю.

Калинович играл. Рояль был чудесный — беккеровский, пятидесятилетней давности. Таких теперь не делают. Сейчас вообще перевелись хорошие мастера. Профессор Петров считает, что здесь пагубно сказывается развитие техники. Ничего не делается вручную. Все на машинах. А рояль — тонкая штука. Он любит чуткие, любовные руки. Сам Калинович тоже не любил роялей новейших марок. Профессор Петров просил твердо запомнить: композитор не щадил своего времени и труда, пытаясь найти хороший инструмент. Его знал почти весь музыкальный мир страны. Он всюду ездил. Нет, не на гастроли. И не в поисках вдохновения. Он искал отличный рояль. А когда нашел, тогда всерьез сел за ноты.

Он работал чаще всего по ночам. Днем почему-то у него не получалось. Может, мешала жара. А может, отвлекали посторонние шумы. Все-таки семья была велика. И не все понимали, что для создания музыки, в частности гениальной, нужна особая атмосфера.

У Калиновича была чуткая и емкая музыкальная душа, она вмещала массу мелодий. Мелодии лились из нее, как из рога изобилия. Такая мысль подчеркивается во многих источниках; на этом акцентировал внимание и профессор Петров. Он говорил, что композитор всегда что-то насвистывал. Это не нравилось жене. Но у Калиновича был твердый и властный характер. Он свистел, несмотря ни на что. Часто это приводило к конфликтам. Естественно, что в ходе перепалок мелодии забывались. Так что Калинович мог бы написать гораздо больше...

Главное в его творчестве — третья симфония. Профессор почитал за счастье, что присутствовал при ее рождении. В тот день композитор начал насвистывать в шесть утра. И, слава богу, ему никто не мешал. Жена уехала к дальним родственникам. У тещи болел зуб, она обмотала лицо полотенцем и на день отстранилась от активной деятельности. Полотенце, кажется, было китайское. Трудно сейчас найти истинные причины, но в симфонии иногда прорываются китайские мотивы.

Симфония, как и всякое талантливое произведение, рождалась в муках. Композитор весь день ходил мрачный. Во время обеда он не доел котлету. А она, надо отметить, была из куриного мяса. Курятину композитор любил. Наука не всегда может постичь извилистые пути самобытного творчества, но она стоит перед фактом: в третьей части слышится отдаленная перекличка петухов. Она покрывается мощным аккордом, но все же петушиный крик уже сам по себе знаменателен.

В симфонии три части. Особенно интересна последняя. Ее не раз проигрывали преподаватели. И чаще всего за рояль с присущим ему изяществом садился Петров. Профессор помнит, что он находился в саду, когда композитор писал третью часть симфонии. И гость первый услышал новое произведение. Слушал только он да чайки, которые носились над морем. Куда улетели чайки, профессору неизвестно, но можно предполагать, что они на своих крыльях разнесли миру величие духа композитора.

Итак, все это к вопросу о композиции. Детали свежими, сочными мазками украсят ответ. Вслед за тем нужно, как не раз отмечалось на лекциях, полнее раскрыть художественные особенности. Здесь следует снова вернуться к Петрову. Ведь он непререкаемый авторитет в оценке творчества композитора.

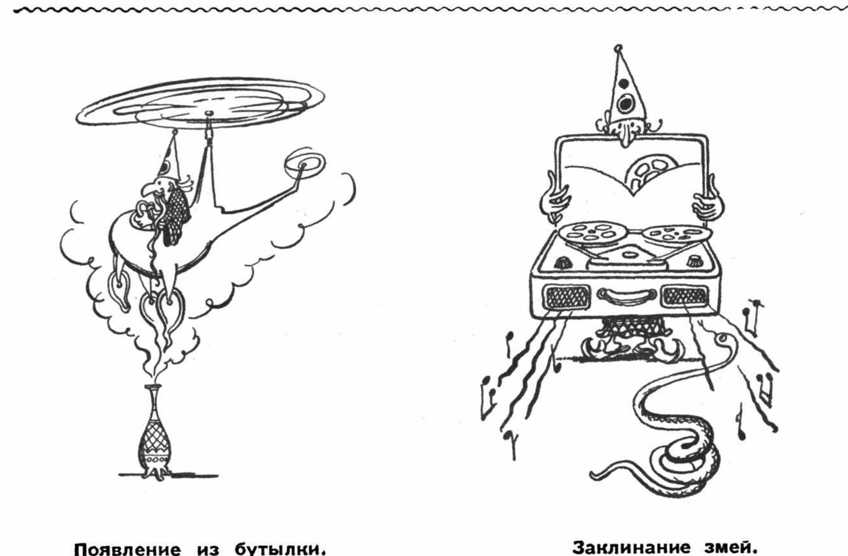
У Олега было исписано пять листов бумаги. Он перечитал написанное и остался доволен. К столу он вышел убежденным, что не спасует. Ему обнадеживающе улыбался профессор Петров. Не скрывал своей симпатии к студенту и доцент Давыдов.

Олег знал всех членов комиссии, за исключением председателя. Это был специалист из другого вуза. И даже из другого города.

— Ну, что ж, молодой человек,— сказал председатель,— сначала сыграем симфонию. Пожалуйте к роялю.

Олег стоял как вкопанный. Сыграть? Но ведь они ее никогда не играли! Олег посмотрел на Петрова. Профессор беспомощно развел руками. Доцент отвел взгляд к окну.

...Пусть не тревожатся читатели. Олег Кашкаров окончил консерваторию. Он получил диплом. Как-никак, а в теоретических вопросах он немного разбирался.

Появление из бутылки.

Заклинание змей.

Ароматная свеча

«Просьба сообщить в журнале о достижениях парфюмерной зарубежной промышленности» (Е. Левин, Курск).

Недавно москвичи имели возможность познакомиться с косметикой Германской Демократической Республики. На выставке было представлено более 7 тысяч экспонатов: духи, одеколоны, кремы, лаки, губная помада, румяна, выпускаемые шестью парфюмерными фабриками Берлина.

Оригинально оформлены цветочные духи. Внутри флакона вставлен живой цветок, обработанный специальным составом. Мак, ландыш, сирень... Цветок обозначает название духов. Многим посетителям выставки уже знаком маленький флакон «Золотой топаз». Москвичи высоко оценили качество духов.

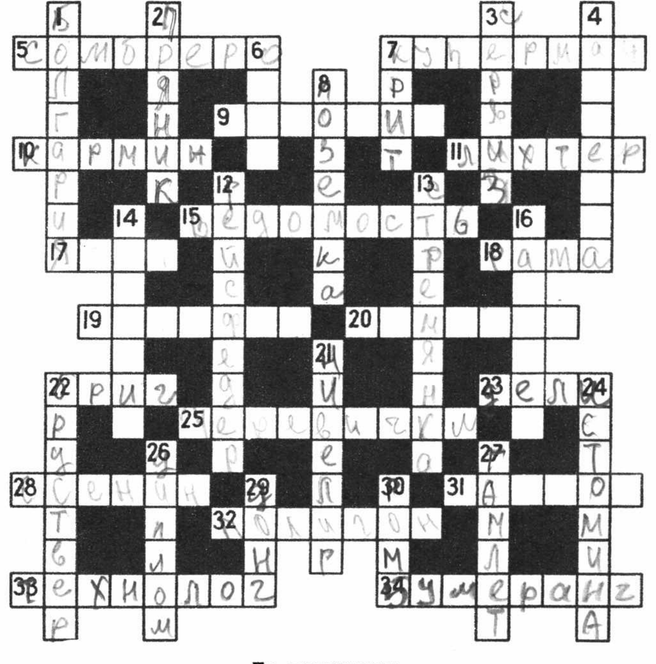
Парфюмерные фабрики Берлина производят жидкое мыло, придающее волосам различные оттенки, кремы для лица, от головной боли, стиральные порошки. «Она вас не выдаст»,—сообщает шутливая подпись на стенде губной помады (помада совсем не оставляет следов). Новогодние свечи в Германии часто предпочитают электрическим лампочкам. Еще бы, разве даже самая красивая лампочка может приятно пахнуть! Легкая свеча в виде розы при горении издает чудесный аромат цветка.

И. КАРТАШОВА,
С. СЕРГЕЕВ
Фото Р. Лихач.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Испанская шляпа. 7. Чемпион мира по стоклеточным шашкам. 9. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Три сестры». 10. Ярко-красная краска. 11. Физик, друг М. В. Ломоносова. 15. Первая русская печатная газета. 17. Вид клена. 18. Оконный переплет. 19. Ведущий артист кордебалета. 20. Растение тропиков и субтропиков Азии. 22. Старинный парусный корабль. 23. Один из древнейших городов Индии. 25. Опера П. И. Чайковского. 28. Автор поэмы «Русь Советская». 31. Матросский танец. 32. Район для учебной стрельбы. 33. Производственная специальность. 34. Метательная палица.

По вертикали:

1. Государство на Балканском полуострове. 2. Кондитерское изделие. 3. Комплект посуды. 4. Река, впадающая в Тихий океан. 6. Французский композитор XIX века. 7. Остров в Средиземном море. 8. Перенос снега ветром. 12. Чертежный прибор. 13. Лестница. 14. Птица семейства чистиковых, гнездящаяся в северных районах. 16. Спутник планеты Юпитер. 21. Геодезический инструмент. 22. Земляная насыпь впереди окопа, траншеи. 24. Балерина, описанная А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине». 26. Свидетельство об окончании вуза. 27. Трагедия В. Шекспира. 29. Денежная единица Демократической Республики Вьетнам. 30. Геометрическая фигура.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали:

5. Волнолом. 8. Параметр. 10. «Восток». 11. Пальма. 12. Старина. 13. «Токтогул». 17. Рисберма. 21. Дневник. 22. Людмила. 23. Туфелька. 27. Протасов. 30. Крапива. 32. Стрела. 33. Молния. 34. Эллипсис. 35. Старание.

По вертикали:

1. Полотно. 2. Флокс. 3. Крупа. 4. «Атомиум». 6. Нитрат. 7. Металл. 8. Пюпитр. 9. Мулине. 14. Кенаф. 15. Обвал. 16. Умиак. 18. Изюбр. 19. Бемит. 20. Рельс. 24. Учитель. 25. Ергени. 26. Анабас. 27. Примус. 28. Амплуа. 29. Отличие. 30. Карст. 31. Амбар.

Почему мы так говорим

Абрикос

Плод один, а названий у него много.

В свежем виде его называют абрикосом. Если он высушен с косточкой, это урюк. Если перед сушкой из него выдавили косточку, это кайса. Курага (от узбекского «кыры»—«сухой») — высушенный плод, разрезанный по бороздe. В некоторых местах его, как и высушенные персики, называют еще шепталой.

В Узбекистане его зовут и по-русски — урюком.

Абрикос — один из наиболее скоропортящихся плодов. Недаром на север его доставляют сейчас в вагонах-ледниках и самолетами.

До появления железных дорог везти с юга свежие плоды на лошадях или водой, например, в Петербург, было просто невозможно: они превратились бы в гниль. Север вместе с сушеными плодами получил и их восточные имена.

В XVIII веке их изредка, как деликатес, получали с Запада: это был более короткий путь. Поэтому свежие абрикосы и носят западноевропейское название.

Что же значит «абрикос»?

У него и на Западе было много названий (марилле, марелла, морель и др.). Выведенный в Голландии один из ранних крупных сочных сортов был назван «абрикоос» (слово, восходящее к латинскому «априкус» — «солнечный, солнцелюбивый»). Это название вскоре вытеснило во многих языках старые названия.

Изоляция

Что такое изоляция?

Изолируют электрические провода от других проводников. Изолируют больных от здоровых. Изолируют преступников от общества.

Изоляция — обособление, отделение чего-либо от среды. Слово «изоляция» существует в очень многих языках. К нам оно перешло из французского. А образовано оно от латинского «инсула». Звук «н» в середине слов в сочетании звуков «нс» уже в ранние времена в разговорной речи выпал. Так «инсула» превратилась в «исула».

А значило это «остров».

В самом деле, какой образ мог бы лучше передать смысл изоляции, чем «остров»?

И. УРАЗОВ

2 500 автографов

«Немедленно выезжайте Лесков».

Эта телеграмма побудила Эммануила Филипповича Ципельзона выехать из Москвы в Ленинград. Разумеется, отправитель ее не был писатель Лесков. Телеграмма означала, что найден доселе неизвестный его автограф. И страстному собирателю автографов пришлось пустить в ход все свое ораторское и дипломатическое искусство, чтобы заполучить драгоценный листок, написанный рукою Н. С. Лескова.

Однажды в букинистический магазин, где в то время работал Эммануил Филиппович, как обычно, зашел академик С. И. Вавилов, большой ценитель и знаток книги.

— Ну, вот, наконец-то и вышел наш первый том,— сказал он Эммануилу Филипповичу.— Хочу подарить вам его на память.

Вавилов вручил продавцу первый том Большой Советской Энциклопедии, главным редактором которой он был.

Коллекционер попросил у академика автограф.

— Мой автограф вряд ли украсит вашу коллекцию,— сказал Вавилов.— А вот завтра я занесу одну книгу, которую я приобрел еще студентом. Вам, коллекционеру, она нужнее, чем мне.

На следующий день в книжном шкафу Эммануила Филипповича появилась драма Г. Ибсена «Катилина» с собственноручным автографом автора...

В собрании Э. Ф. Ципельзона хранятся автографы писателей Гоголя, Тургенева, Достоевского, Льва Толстого, Чехова, Горького, Маяковского, Ромена Роллана, выдающихся ученых Лобачевского, Менделеева, Тимирязева, художников Серова, Айвазовского, композиторов Рахманинова, Верди, полководцев Суворова, Барклая-де-Толли — всего около двух с половиной тысяч.

М. ЕФИМОВ

Похититель апаев

Летом этого года в оленьем стойбище тофаларского колхоза имени Кирова произошел интересный случай. Оленеводы стали замечать, что какой-то хищник уничтожает апаев (молодых оленей). Несколько дней пастухи караулили вора и потом поставили капканы с приманкой. Юрий Кокуев, проверяя капканы, обнаружил в них огромного беркута. Пастух ударил его палкой по голове и отрезал ногу, чтобы показать товарищам. Дня через два — три Кокуев опять пошел осматривать капканы. Он удивился, когда не нашел орла на старом месте. Орел улетел. Видимо, пастух только оглушил птицу. Через несколько дней одноногий беркут опять попал в капкан.

Б. ЧЕРНЫШЕВ
Поселок Нерха,
Иркутской области.

На вкладках этого номера: две страницы акварелей из фонда Государственной Третьяковской галереи, две страницы русского народного лубка и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10902. Подписано к печати 10/XII 1958 г. **Формат бум. 70×108⅛.** 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 1237. Заказ № 2972.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Харьковская обсерватория. Монтаж радиотелескопа.

Фото В. Тарасевича.

Цена номера 3 руб.